

ТИХІЙ ГОЛОСЪ.

ПОВѢСТЬ.

Посвящается Викторіи Ивановнѣ П—ой.

Вечеръ первый.

Хозяйка дома принесла изъ кабинета мужа тетрадь, подала ее молодому человѣку въ золотыхъ очкахъ, сидѣвшему на диванѣ, и сѣла подлѣ него. Сестра хозяйки также сѣла на диванъ; господинъ съ черною бородою придвинулъ свое кресло, и молодой человѣкъ въ золотыхъ очкахъ началъ читать:

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДѢВУШКИ.

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Не в ѣ ста.

Я не могла не быть разсудительною. Я выросла въ такомъ семействѣ, въ такомъ состояннн, въ такомъ кругу.

Мой отецъ поступилъ на службу четырнадцати лѣтъ. Онъ писалъ хорошимъ почеркомъ; тѣмъ и ограничивалось все, чему онъ учился.—Въ 1850 году, когда мнѣ было семнадцать лѣтъ, онъ давно занималъ должность столоначальника, зналъ, что не подвинется выше, и съ давняго времени былъ доволенъ своимъ положеніемъ.—Моя мать также ничему не училась, но была охотница читать. Когда я стала взрослою дѣвушкою, отецъ ужъ имѣлъ привычку слушать, если мы съ маменькою и братомъ читали вслухъ. Иногда онъ даже просилъ насъ читать. Братъ, годомъ старше меня, кончалъ курсъ въ гимназіи и собирался въ слѣдующемъ году ѣхать въ университетъ. У меня была сестра, пятью годами моложе меня.

Мы жили въ своемъ домѣ. Онъ достался въ наслѣдство матери вскорѣ послѣ ея замужества. Онъ былъ деревянный, въ пять оконъ на улицу, въ три на дворъ; съ мезониномъ, балконъ котораго смотрѣлъ на Волгу. Въ другомъ концѣ двора стоялъ флигель, такой же величины, какъ домъ, но безъ мезонина; поэтому онъ и назывался флигелемъ.

Въ немъ уже около двадцати лѣтъ жили Каталонскіе. У нихъ было нѣсколько больше средствъ, чѣмъ у насъ: Каталонскій служилъ въ удѣльной конторѣ, и получалъ до тысячи рублей. Но ихъ семейство было больше нашего, и Анна Ларионовна должна была припасать четыре приданыхъ, а не два, какъ маменька. Ихъ старшій сынъ, Аркаша, былъ товарищъ моего брата по гимназіи. Ихъ старшая дочь, Машенька, была двумя годами моложе меня. Мы всѣ четверо росли вмѣстѣ и были какъ родные.

Это потому, что и наши старшіе были очень дружны. Маменька и Анна Ларионовна видѣлись рѣшительно каждый день, иногда по нѣсколько разъ; и почти каждый вечеръ или мы всѣмъ семействомъ проводили у Каталонскихъ, или они у насъ.

Ихъ и наши родные были такіе же небогатые, скромные люди, какъ мы и они. Были у насъ съ ними и знакомые; все такіе же.

Мой отецъ и Каталонскій выпивали передъ обѣдомъ по рюмкѣ домашней горькой настойки. Но никогда не видѣла я ни въ нашемъ домѣ, ни у Каталонскихъ, никого пьянаго, даже изъ гостей: и мой отецъ, и Каталонскій ненавидѣли это.

Я не помню также, чтобъ я слышала когда-нибудь у нихъ, или у насъ разговоры нескромнаго тона, грубые слова, замѣчала семейныя ссоры. Мой отецъ и мать жили между собою совершенно согласно. Каталонскіе также. Всѣ четверо они были люди деликатные, благородные. Такіе же добрые люди были всѣ тѣ, кого я часто видѣла у насъ или у Каталонскихъ.

Весь этотъ кругъ ограждалъ себя отъ голода, холода, лохмотьевъ только строжайшей экономіей. Всѣ хозяйки нашего общества помогали своимъ кухаркамъ стряпать; всѣ считали рубль очень важной суммой, дорожили каждой копѣйкой, и не только онъ, а также и мужья ихъ не имѣли никакихъ прихотей.

Поэтому дамы нашего общества имѣли по два, даже и по три шелковыя платья.

Поэтому дочери ихъ были одѣваемы, какъ хорошія барышни, и имѣли приданья, кромѣ бѣлья и платьевъ, по нѣскольку сотъ, даже по тысячѣ рублей.

Я была одною изъ этихъ немногихъ. У насъ лежалъ въ ломбардѣ билетъ; съ процентами, которые нарастали на него много лѣтъ, онъ составлялъ въ 1850 году 950 рублей. Онъ весь назначался за мною. На содержаніе брата, когда онъ поѣдетъ въ университетъ, и потомъ на приданое моей младшей сестры предполагалось заложить домъ; онъ выкушится лѣтъ въ семь: много ли надобно старикамъ, когда обѣ дочери будутъ пристроены, сынъ на службѣ.

Итакъ, я была хорошо невѣстою, по нашему кругу. Я также считалась въ немъ одною изъ образованныхъ барышень.

Матушка учила меня всему, чему могла: ариметикѣ, географіи, русской исторіи, катехизису. Старалась научиться сама грамматикѣ, чтобы выучить меня. Для меня было куплено фортепяно, и я съ годъ брала уроки у старушки, которая въ прежнія времена вѣроятно умѣла играть хорошо. Французскій языкъ былъ

вовсе неупотребителенъ въ нашемъ кругу. Танцовать умѣли мы всѣ. Очень многія изъ насъ, барышень, любили читать.

Никто изъ нашихъ родныхъ не покупалъ книгъ, не выписывалъ журналовъ. Но охотницы и охотники до чтенія между нами считали обязанностью со всѣми дѣлиться книгами, какія успѣвали кто достать на прочтеніе. Потому недостатка въ книгахъ не было. Я рано полюбила ихъ.

Но жизнь, въ которую я была погружена, не позволяла мнѣ сдѣлаться дѣвучкою неблагоразумною.

На моихъ рукахъ лежала половина хозяйства. Я много шила; я выдавала припасы кухаркѣ и каждый день бывала на кухнѣ; я помогала другой нашей служанкѣ убирать комнаты; я смотрѣла за нашими двумя коровами: я не доила ихъ сама, но всегда наблюдала, какъ даютъ имъ кормъ; я не мыла бѣлья, но сама мыла свои наряды и уборы матери; я вышивала платки на продажу. Я учила сестру и переписывала довольно много бумагъ для отца.

Отецъ и мать говорили обо всѣхъ своихъ дѣлахъ при насъ: у нихъ не было ни воспоминаній, ни интересовъ, о которыхъ нельзя было бы говорить при дѣтяхъ. Я знала служебныя отношенія отца. Я знала наши средства, свое приданое. Я знала всѣ принципы нашего скромнаго быта.

Я была проникнута ими, потому что они преподавались мнѣ самою жизнью. Я любила ихъ потому, что они примѣнялись къ нашей семейной жизни честно, деликатно, людьми добрыми, безукоризненными; потому что я безусловно уважала и отъ всей души любила этихъ людей; потому наконецъ, что мнѣ было хорошо въ моемъ тихомъ семействѣ, подъ нѣжнымъ крыломъ умной, кроткой матери, при заботливой деликатности отца. Съ младенчества я была вскормлена разсудительностью и знала, что безъ нея нельзя жить людямъ нашего состоянія.

Поэтому я очень хорошо понимала, какова должна быть моя будущность. Я знала, что я невѣста и что мнѣ надобно думать о замужествѣ.

Я выросла въ честномъ семействѣ, гдѣ не было никакого интриганства, гдѣ гнушались низкими уловками, не раскидывали никакихъ сѣтей, никому, ни по какимъ дѣламъ. Поэтому я не кокетничала, не ловила жениховъ. Но я ждала ихъ, совершенно понимая мою обязанность передъ моимъ семействомъ и собственнымъ разсудкомъ выйти за перваго такого, съ которымъ можно жить безъ неприятностей, безъ обидъ и нужды. Я не имѣла ни тѣни мысли уклониться отъ исполненія этого правила жизни небогатыхъ людей.

Я знала, что я еще очень молода; поэтому, нисколько не заботилась о томъ, скоро ли представится мнѣ случай пристроиться — такъ называютъ въ томъ кругу „выйти замужъ“. Но зная, что у меня есть время ждать этого случая и два, и три года, я находила, что приму безъ огорченія, если онъ представится скоро, хоть завтра же.

Я даже предполагала, что онъ не заставитъ ждать себя долго. Прошлою зимою меня сватали два жениха. Тогда мать и отецъ, вовсе не спрашивая меня, отвѣчали, что я еще слишкомъ молода. Женихи нашли себѣ другихъ невѣстъ, не убиваясь отказомъ. Я еще меньше печалилась, потому что очень мало знала этихъ молодыхъ людей; а главное потому, что привыкла считать священной волю отца и матери, всегда согласную, привыкла находить ихъ рѣшенія самыми благоразум-

ными. Я была послушной дочерью не только на словахъ, не только въ поступкахъ, но и въ сердцѣ.

Если на семнадцатомъ году я имѣла двухъ жениховъ, — думала я, — то вѣроятно скоро посватаетъ меня кто-нибудь теперь, когда мнѣ восемнадцатый годъ, когда папенька и маменька перестали въ своихъ разговорахъ отзываться обо мнѣ, какъ о ребенкѣ, котораго еще рано считать невѣстою.

Поэтому я довольно часто перебирала въ своихъ мысляхъ молодыхъ людей, которыхъ встрѣчала въ знакомыхъ семействахъ, сравнивала ихъ средства къ жизни, характеры, и находила, что нѣкоторые изъ нихъ — очень хорошіе женихи. Мнѣ было пріятно, что всѣ они пользовались такимъ же выгоднымъ мнѣніемъ и у моей матери. Это показывало мнѣ, что я умѣю правильно судить о людяхъ.

Во всемъ этомъ не было ни искры поэзіи, я согласна. Но я очень понимала, что романическія фантазіи не годятся для дѣвушки моего состоянія; да и не было въ моей жизни ничего, возбуждавшаго къ нимъ.

Я была разсудительною невѣстою, ожидавшею жениха.

Женихъ явился осенью 1850 года. Мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ съ половиною.

Изрѣдка, встрѣчала я въ нѣсколькихъ знакомыхъ семействахъ столоначальника палаты государственныхъ имуществъ Волкова. Мы танцовали съ нимъ раза два; онъ показался мнѣ человѣкомъ неглупымъ. Ему было 27 лѣтъ. Онъ кончилъ курсъ въ гимназіи; хорошо служилъ, могъ разсчитывать на то, что со временемъ будетъ ассессоромъ, когда-нибудь — почему знать? — даже совѣтникомъ. Онъ былъ человѣкъ честный, трезвый, скромный. Въ его наружности не было ничего отталкивающаго; напротивъ, скорѣе онъ былъ недуренъ собою. Когда я перебирала людей, которые считались у насъ хорошими женихами, я не забывала его, и онъ попалъ въ число пяти, шести человѣкъ, о которыхъ я думала: „за кого-нибудь изъ нихъ, очень можно идти“.

И что же? — Вотъ отмѣтка изъ моего Дневника:

„14 (октября 1850). Волковъ, который былъ у насъ съ первымъ визитомъ въ прошлое воскресенье, былъ опять. Кажется, онъ хочетъ сватать меня. Какъ я вздумала это, онъ сталъ противенъ мнѣ“.

На другой день поутру, когда отецъ ушелъ въ должность и мы сидѣли одна съ маменькой, она положила въ сторону свое шитье и сказала: — „Лиза, я хочу поговорить съ тобой. — Ты невѣста и должна разсуждать благоразумно. Федоръ Васильевичъ Волковъ дѣлалъ вчера намъ съ твоимъ отцомъ намеки, что думаетъ сватать тебя. Ты мало знаешь его; но твоему отцу онъ хорошо извѣстенъ. Онъ прекрасный человѣкъ и выгодный женихъ“.

— Маменька, онъ не нравится мнѣ, — проговорила я, задыхаясь отъ усилія, котораго стоили мнѣ эти слова.

— Чѣмъ же, Лиза? — кротко спросила мать.

— Чѣмъ? — я сама не понимала.

— Не бойся, Лиза; скажи, чѣмъ не нравится онъ тебѣ, чтобы мы съ тобою вмѣстѣ разсудили, важно это или нѣтъ, — говорила матушка своимъ серьезнымъ и добрымъ голосомъ: — не бойся сказать, чѣмъ же.

— Я сама не знаю... Всѣмъ... у него дурныя манеры, маменька, — вдругъ прибавила я, сама не понимая, какъ это сказалося у меня.

— Дурныя манеры? — съ грустнымъ удивленіемъ повторила матушка: — Лиза отъ тебя ли я слышу это, моя умница, моя бѣдненькая?

— Маменька, я сама чувствовала, что я говорю глупость! — Я залилась слезами и убѣжала въ мою комнату.

Я плакала тамъ до самаго обѣда; не о томъ, что меня будутъ принуждать идти за Волкова: я не сомнѣвалась въ добротѣ отца и матери; они простятъ мнѣ, думала я. Я плакала отъ стыда за себя передъ ними, и еще больше передъ самою собою.

„Неужели я такая пустая дѣвушка?“ — думала я: — „Развѣ я не понимаю, что хорошія манеры вовсе не нужны для счастья жизни? И у кого въ нашемъ обществѣ манеры лучше, чѣмъ у Волкова? И какія манеры у меня самой? Что я видѣла, гдѣ я была внѣ нашего общества? Что-жъ это я вздумала? Господи, зачѣмъ я такая пустая дѣвушка?“

Мнѣ хотѣлось показать отцу и матери, что я умная дѣвушка, послушная дочь; мнѣ хотѣлось избавиться отъ стыда передъ собою. Я старалась переломить себя: доказывала себѣ, что Волковъ хорошій женихъ; говорила себѣ, что обязана, — чувствовала, что обязана идти за него... Нѣтъ, не могу, противенъ.

Матушка сама пришла на мезонинъ ко мнѣ, звать меня къ обѣду. Мнѣ кажется, что если-бъ она пришла раньше, если-бъ не дала мнѣ утомиться упреками самой себѣ наединѣ, у меня не достало бы силы удержаться отъ желанія переломить себя, показать свою разсудительность; — мнѣ кажется, я отвѣчала бъ на ея ласки и успокоенія: — „маменька, я не глупая дѣвушка, я согласна идти за него“. Она хорошо знала меня, не хотѣла принужденія и дала мнѣ выплакать мою досаду на себя. — „Довольно ревѣть, глупенькая. О чемъ? Пойдемъ обѣдать“. — Она взяла меня за руку и повела почти насильно. — „Или ты думаешь, что мы съ твоимъ отцомъ станемъ принуждать тебя? Съ чего ты взяла это, дурочка?“

Прошло два дня; и не было разговора о Волковѣ. Но мнѣ все не вѣрилось, что можно допустить такой капризъ во мнѣ; все казалось, что меня слѣдуетъ бранить; я сама не знала, не рада ли была бы я, если бы строго сказали мнѣ: „Ты сама должна видѣть, что ты глупа, и что нечего смотрѣть на твои капризы. Мы приказываемъ тебѣ идти за Волкова. Мы лучше тебя понимаемъ твою пользу. Слушайся“. — Мнѣ казалось, что я была бы довольна такимъ принужденіемъ; я ждала его съ ожесточеніемъ на себя. Я была, какъ опущенная въ воду. — „Глупая, пустая дѣвочка!“ — твердила я себѣ.

— Лиза, пора же ободриться, — сказала наконецъ мать: — Давай говорить, если такъ: Зачѣмъ ты такъ убиваешься? Волковъ не нравится тебѣ, этого довольно для насъ, потому что ты у насъ умная, не капризница...

— Маменька, я капризница, я гадкая дочь! — вскричала я: — Побраните меня, прикажите мнѣ идти за него... Я хочу быть умной, послушной.

— Нѣтъ, — сказала мать, лаская меня: — мы не станемъ принуждать тебя. Твой отецъ ужь далъ понять ему, безо всякой обиды для него. Успокойся же. И зачѣмъ такъ сердиться на себя? Чѣмъ же ты виновата, если онъ не нравится тебѣ.

— Маменька, я сама не знаю, чѣмъ онъ не нравится мнѣ. Это былъ только мой гадкій капризъ...

— Дурочка, когда-жъ ты была капризницею? Ты только не умѣешь объяс-

нить себя, почему онъ не нравится тебѣ; что-жь такое? Это еще не значить, что ты капризничаешь. Очень часто бываетъ, что не умѣешь отдать себя отчета, почему одинъ человекъ пріятенъ, другой непріятенъ.

— Маменька! какъ я рада, что вы не сердитесь на меня! что вы не принуждали меня!—Я бросилась цѣловать ее.

— Успокоилась ли, Лиза?—сказала матушка, когда я опомнилась отъ радости:—Видишь сама, какая ты смѣшная? Все боялась, что мы будемъ принуждать тебя,—съ чего ты взяла это, глупенькая? Но давай же говорить хорошенько. Волковъ не понравился тебѣ—и Богъ съ нимъ. Но скажи мнѣ, какъ ты думаешь вообще? Ты у меня не такая безразсудная чтобы ждать богатыхъ и знатныхъ жениховъ!

— Не жду, маменька,—сказала я отъ чистаго сердца:—Я знаю, что я не красавица. Если-бъ я была такая слѣпая, чтобы считать себя красавицею, то я знаю, что богатые и знатные ищутъ певѣсть равныхъ себя, а не въ нашемъ кругу. Я сказала, маменька, что мнѣ не нравятся манеры Волкова; я знаю, что это глупо, потому что у меня самой...

— Не брани себя за это, душенька. Ты сказала такъ потому, что не умѣла сказать, что онъ весь не нравится тебѣ, только. Я никогда не замѣчала въ тебѣ желанія выйти изъ нашего простаго быта, вертѣться въ свѣтѣ.

— Во мнѣ нѣтъ этого желанія, маменька. Я не могу и думать о свѣтскомъ обществѣ. Въ прошлую зиму я просила васъ съѣздить въ Дворянское Собраніе: вы знаете, оно не понравилось мнѣ. Тамъ такъ дурно... эти свѣтскіе кавалеры такіе дерзкіе, и отъ нихъ пахнетъ виномъ. И что такое была я тамъ?—Смѣшная, жалкая. Да я и не гожусь для свѣтскаго общества. Я не могу думать о немъ даже и по одному тому, что не говорю по-французски. И всѣ мои привычки не свѣтскія, а я не хочу бросить ихъ; я хочу быть такою, какъ вы, маменька, а свѣтскія женщины не такія. Я презираю свѣтское общество, маменька: оно пустое, безнравственное, гадкое. Я создана только для нашего круга, и я люблю его: онъ лучше всякаго другого, въ немъ люди просты и добры, и я не хочу, не могу жить съ другими... Я говорила много въ этомъ духѣ и съ полной искренностью. Впрочемъ, я и никогда не хитрила передъ матерью: никогда не было мнѣ надобности въ этомъ; я не пріучилась обманывать, потому что не видѣла въ нашемъ семействѣ обмана.

— Ты разсуждаешь умно, Лиза, сказала матушка:—Я покойна за тебя. Въ тебѣ нѣтъ ни тщеславія, никакихъ неблагоразумныхъ желаній. Если не понравился тебѣ Волковъ, понравится кто нибудь другой изъ людей, которые пара тебѣ. Твои годы еще впереди. У тебя будутъ другіе женихи, и ты сдѣлаешь основательный выборъ и будешь счастлива.

И мнѣ самой казалось, что она говоритъ правду.

Мое главное сомнѣніе въ себя было разсѣяно простыми ея словами, что часто человекъ не бываетъ въ состояніи отдать себя отчетъ, почему одинъ нравится ему, другой не нравится. „Волковъ не симпатиченъ мнѣ, вотъ и все; а я было такъ боялась, что я пустая дѣвушка, которая смотритъ на манеры, ищетъ ничтожнаго, ненужнаго свѣтскаго блеска, котораго сама не имѣетъ“, думала я, когда ушла въ свою комнату, на мезонинъ.

Мать ободрила меня. Но недолго сохранилось во мнѣ довѣріе къ моей рассу-

дительности. Когда затихла радость о томъ, что мнѣ такъ легко позволили избавиться отъ Волкова, я стала вдумываться въ чувство, которое было вызвано во мнѣ его сватовствомъ. — Пока у меня же было надобности внимательно подумать, могу ли я идти за Волкова, мнѣ воображалось, что я не имѣю ничего противъ него. Не ошибалась ли я точно такъ же, когда думала, что не вижу ничего противнаго въ другихъ молодыхъ людяхъ, которые считаются хорошими женихами въ нашемъ кругу? — Я вновь стала перебирать ихъ одного за другимъ въ своихъ мысляхъ, и съ ужасомъ нашла, что дѣйствительно я ошибалась въ самой себѣ. Прежде я безъ размышленія повторяла себѣ о нихъ то, что слышала отъ всѣхъ въ нашемъ маленькомъ обществѣ. Это было только чужое мнѣніе. А мое, котораго я прежде не спрашивала? — я чувствовала теперь, что кто бъ изъ этихъ хорошихъ жениховъ ни посваталъ меня, мнѣ точно такъ же было бы невозможно согласиться идти за него.

„Будутъ другіе женихи, и ты сдѣлаешь благоразумный выборъ“, говорила мнѣ матушка: какъ подѣйствуетъ на нее и на отца, когда они увидятъ, что я не могу рѣшиться на благоразумный выборъ?... мнѣ хотѣлось, чтобы никогда не открылось передъ ними, какъ безразсудна ихъ дочь, которую считаютъ они умною, — чтобы ни у кого не являлась мысль сватать меня... Я видѣла врага себѣ въ каждомъ изъ молодыхъ людей, которые считались у насъ хорошими женихами. Если кто изъ нихъ заговаривалъ со мною, взглядывалъ на меня, я чувствовала тоску; я повторяла въ душѣ: „о, еслибъ я казалась ему такъ же дурна, какъ я боюсь его!“ Я жила въ постоянной тревогѣ.

И вотъ опасеніе мое сбылось: явился новый женихъ. Это было черезъ четыре мѣсяца послѣ отказа Волкову.

— Лиза, ты довольно часто видѣла Фролова у Шатиловыхъ и у Симоновыхъ, сказала мнѣ матушка: — онъ просилъ Марью Яковлевну узнать наше мнѣніе о немъ. Если бы мы съ твоимъ отцомъ не находили, что онъ хорошая партія, я не стала бы говорить тебѣ о немъ. Но что скажешь ты сама?

„Уже!“ — думала я и у меня билось сердце; „уже!“ думала я и молчала.

— Ты молчишь, Лиза? — сказала матушка со вздохомъ: — Я ждала этого. Но, пожалуйста, Лиза, подумай хорошенько. — Она замолчала.

Прошло пять дней. На шестой мы опять сидѣли однѣ и шили. Матушка сказала: — Нынѣ поутру, Лиза, я была у Марьи Яковлевны и сказала, что благодарю Ивана Алексѣевича Фролова за доброе мнѣніе о моей дочери, но что твой отецъ несогласенъ. Я солгала на твоего отца; но онъ не невѣста, и пусть будутъ въ претензіи на него, прибавила она съ принужденной улыбкой. — Она говорила довольно невылымъ голосомъ, но въ немъ было только сожалѣніе, а не упрекъ.

— Какъ вы и папенька добры! — сказала я: — Вы слишкомъ добры! Я капризница, я дура, и вы не браните меня!

— Нѣтъ, Лиза, ты не похожа на капризницу, оказала она: — ты хорошая и умная дѣвушка. Ты послушна и разсудительна во всемъ. Но, мой другъ, я мало понимаю твои мысли. Ты будешь откровенна со мной, не правда ли? Прежде я всегда радовалась на тебя, что ты такая скромная дѣвушка. Но все-таки ты не дичилась никого, была со всѣми хороша, привѣтлива, ласкова. Теперь, вотъ уже съ годъ я стала замѣчать, что ты избѣгаешь молодыхъ людей...

— Съ годъ, маменька?—перервала я, сама удивленная:—До сватовства Волкова я не боялась ихъ.

— Твоя правда; съ этого сватовства ты особенно перемѣнилась, такъ что стали замѣчать многіе. Но и прежде, мой другъ, ты держала себя далеко отъ нихъ. Тогда я думала только, что ты стала серьезнѣе, начала понимать, что взрослой дѣвушкѣ надобно быть скромною; но теперь, мой дружокъ, я вижу, что это и тогда было какое-то отчужденіе; скажи мнѣ, что это такое?

— Маменька, прежде я ничего не замѣчала; только то, что иногда говорила вамъ, что съ одними своими мнѣ веселѣе, чѣмъ въ обществѣ, что въ обществѣ мнѣ иногда очень скучно, все такъ незанимательно... Я не замѣчала сама, что я дичусь не общества, а перестала находить удовольствіе говорить съ молодыми людьми... Теперь я боюсь ихъ.

— Скажи, Лиза: мнѣ стало казаться, какъ будто ты имѣешь мысли остаться въ дѣвушкахъ; такъ, Лиза?

— Я? Остаться въ дѣвушкахъ?—съ испугомъ сказала я:—Нѣтъ, маменька, это никогда не приходило въ голову мнѣ. Я не такая безразсудная, чтобы думать объ этомъ. Только богатые могутъ думать объ этомъ. Для этого нужно имѣть состояніе, гдѣ оно у насъ? Если бъ я была и одна дочь, это было бы невозможно. Пока папенька на службѣ, мы живемъ. Когда онъ выйдетъ въ отставку, вамъ было бы тяжело кормить и одну меня. А я не одна у васъ, маменька. Я помню, что у меня есть сестра. Нѣтъ, я не такая дурная, не такая эгоистка.

— Если бы ты осталась при насъ, Лиза, ты знаешь, стали ли бы мы обременяться тобою.

— Знаю, маменька. Но какъ вы будете жить тогда и одни, если у Гриши не будетъ средствъ?

— Мы съ твоимъ отцомъ старики; много ли намъ надо? Какъ ни будемъ жить, не станемъ требовать отъ Гриши; и будемъ ли мы, другъ мой, тяготиться тобою?

— Знаю, маменька, но... Я вздохнула, маменька также. —Нѣтъ, маменька, я не такая безразсудная и дурная. Я знаю, я должна идти замужъ.

— Должна, Лиза, съ печальною рѣшительностью сказала матушка:—Должна. Иначе, ждать тебя нужда.—Мы замолчали.

— Лиза, начала она колеблющимся голосомъ:—Ты хорошо понимаешь свое положеніе. Но гдѣ же, скажи мнѣ, женихи для тебя? Я не вижу.

Я молчала.—Маменька, не знаю.

— Наши молодые люди не нравятся тебѣ?

Я молчала. Матушка вздохнула.—Никто, Лиза?

— Нѣтъ, маменька, никто.—Моя грудь надрывалась отъ боли, какъ будто я была виноватая...

— Лиза... Я прошу тебя... Ты скажи... не заинтересовалась ли ты кѣмъ-нибудь изъ людей, которые выше нашего состоянія?

— Маменька, гдѣ я видѣла ихъ? — на улицѣ, на бульварѣ, въ церкви. Развѣ я такая глупая дѣвушка, маменька, чтобы влюбиться въ чловѣка, съ которымъ не говорила ни слова?

— Твоя правда, другъ мой. Но я говорила тебѣ, что мало понимаю тебя. Какъ же въ твои лѣта не интересоваться никѣмъ.

— Въ мои лѣта, маменька?—Но вспомните, что надняхъ мнѣ будетъ восемнадцатъ лѣтъ. Мнѣ пора не быть ребенкомъ.

— Такъ, Лиза, ты у меня разсудительная. Но я не знаю, справедливо ли ты полагаешь, что твои лѣта не такія... Правда, впрочемъ, твоя жизнь такая... Маменька замолчала и задумалась.

Она начала, стараясь дать своему голосу тонъ убѣжденія, — и напрасно: въ немъ было только уныніе.

— Лиза, какъ ни грустно и ни тяжело для меня, но я должна сказать тебѣ. Я сомнѣваюсь, скоро ли будетъ у тебя еще женихъ. Ты отказала двумъ, очень хорошимъ. Я боюсь, ты прослывешь гордою дѣвушкою, которая пренебрегаетъ достойными людьми. И согласишься, мой дружокъ, что кромѣ отказовъ, которые были въ твоей волѣ, потому что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, и требовать, чтобы дѣвушка шла за человѣка противъ собственнаго расположенія, но согласишься, Лиза, что и кромѣ этихъ отказовъ ты подаешь причину другимъ такъ думать о тебѣ: подаешь тѣмъ, какъ держишь себя. Прежде могли ставить это въ достоинство тебѣ, считали скромностью. Но послѣ двухъ отказовъ такимъ людямъ, я боюсь, всё будутъ понимать это какъ надменность.

— Маменька, чѣмъ гордиться мнѣ? Красотою или богатствомъ?

— Ты недурна собою, Лиза.

— Маменька, могу ли я не видѣть, что есть много дѣвушекъ, которыя гораздо лучше меня?

— Твоя правда, Лиза, ты у меня не занята своимъ лицомъ до такой глупости. Но я скажу тебѣ, другъ мой, почему ты пренебрегаешь нашими молодыми людьми. Они кажутся тебѣ необразованными.

— Но какое же образованіе у меня самой, маменька? Чему я училась? — Арифметикѣ, краткой священной исторіи.

— Нѣтъ, Лиза, это такъ.

— Маменька, пренебрегаю ли я кѣмъ-нибудь? Скажите, маменька, надменная ли я?—отвѣчала я тоскливо. Въ первый разъ я хотѣла быть неискренною съ матушкою: мнѣ было такъ тяжело, правда...

— Ты не о томъ говоришь. Лиза. Не то, что ты имѣешь пренебреженіе къ людямъ. Но ты чувствуешь, что тебѣ нѣтъ пары между нашими молодыми людьми.

— Маменька, простите меня! — Я сама не рада! — Я знаю сама, какъ это дурно!

Матушка сидѣла съ опущенной головою. Она давно не шила; но сидѣла, опустивъ голову. Два раза она поднимала на меня глаза, чтобы начать говорить, и опускала, не начиная. Снова подняла глаза, и сказала съ усилѣмъ, но твердо:

— Лиза, не цорицай свою мать. Я какъ будто давала тебѣ совѣты, чтобы ты вѣшалась на шею мужчинамъ. Но ты чувствуешь, Лиза, я говорила не то: я должна была не скрыть отъ тебя... должна была выставить передъ тобою всю опасность. Будьнисходительна, Лиза, къ моей обязанности. Впрочемъ, я не осуждаю тебя. Не требую, Лиза. Твоя мать не врагъ тебѣ и не развратительница. Я должна была предупредить тебя; но что же, въ самомъ дѣлѣ, или тебѣ быть притворщицею? При твоёмъ характерѣ и нельзя быть счастливою черезъ обманъ. Не намъ съ тобою заманивать жениховъ. Пусть будетъ, что Богу угодно. Будутъ

женихи, то будутъ; не будутъ, то Богъ съ ними. Лучше оставаться въ дѣвушкахъ, чѣмъ идти замужь противъ собственнаго расположенія.

Матушка не преувеличивала опасность моего положенія. Ужь и послѣ отказа Волкову я стала слышать отъ знакомыхъ дѣвиць, что молодые люди, а въ особенности ихъ родные, называютъ меня гордою, слишкомъ разборчивою. Теперь я отвергала другого человѣка, также вполне достойнаго лучшей невѣсты нашего круга, и должна была ожидать, что женихи будутъ обходить меня.

Однако же, черезъ нѣсколько времени мнѣ представлялся новый случай исправить мое неблагоразуміе. Я такъ же не воспользовалась имъ, какъ сватовствомъ Фролова, и отвергая третьяго жениха, съ наслажденіемъ думала: это послѣдній.

Это было весною 1851 года, черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ мнѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ.

Моя надежда сбылась. Всѣми было рѣшено, что я слишкомъ много думаю о себѣ. Прошло лѣто 1851 года, прошла осень, прошла зима, — никто не сваталъ меня.

И я радовалась этому. Спокойно и счастливо провела я мой девятнадцатый годъ, не понимая ничего того, что готовилось во мнѣ, не предчувствуя ничего. Я помнила только, что я еще молода, что я могу долго ждать, пока встрѣтится человѣкъ, который не будетъ противенъ мнѣ; что если и не встрѣтится онъ, отецъ и мать не будутъ тяготиться мною... Я не понимала того, что готовилось во мнѣ.

II.

По дневнику.

Я сказала, что рано полюбила книги. Наша жизнь, тихая и благоразумная, была хороша для меня. Я съ любовью занималась хозяйственными заботами. Но онѣ были мелочны и однообразны, не могли поглощать всѣхъ силъ души. Для дѣвушки моего состоянія книги — главное развлеченіе, почти единственное удовольствіе. Потому-то между нами такъ много страстныхъ охотницъ читать. Можно ли осуждать насъ за это? Намъ нуженъ отдых... у насъ много работы, она утомительна... этотъ отдыхъ такъ невиненъ...

Сначала книги принесли мнѣ пользу, — какъ мнѣ казалось. Онѣ развили, укрѣпили мое благоразуміе.

Когда я была ребенкомъ, я слышала отъ старшихъ подругъ, что онѣ влюбляются, и влюблялась по ихъ примѣру. Но книги скоро научили меня видѣть, что въ молодыхъ людяхъ, съ которыми мы танцовали, играли въ горѣлки, фанты, нѣтъ ничего очаровательнаго. Я стала понимать, какъ неловки ихъ претензіи на свѣтскость, неизящно ихъ фрянтовство; — они были неразвиты, они стали казаться мнѣ пошлы. На шестнадцатомъ году я перестала влюбляться въ нихъ, на семнадцатомъ перестала находить удовольствіе въ ихъ обществѣ.

Я была разсудительна съ дѣтства. Я считала эти перемены въ себѣ признаками того, что становлюсь все благоразумнѣе. Въ моемъ Дневникѣ за 1849 годъ раза три встрѣчается замѣтка: „какъ смѣшно и стыдно мнѣ вспомнить, что я еще недавно влюблялась. Теперь я понимаю, что это была дѣтская глупость“.

Я начала вести Дневникъ съ четырнадцати лѣтъ, и продолжала его до лѣта 1852 года, когда мнѣ было девятнадцать лѣтъ. Онъ очень кратокъ: по двѣ, по три строки за день, рѣдко строкъ восемь, десять. Въ началѣ его, на рѣдкой строкѣ нѣтъ нѣсколькихъ орфографическихъ ошибокъ и въ послѣдней тетради едва ли найдется страница безъ цѣлаго десятка ихъ.

Я нахожу, что за два съ половиною мѣсяца до сватовства Волкова у меня записано:

„23 (юля, 1850). Рожденіе Сашеньки. Ъздили съ Каталонскими въ Буркинъ садъ. Было очень весело. Когда пріѣхали домой, долго мечтала“.

По этой замѣткѣ я вспоминаю, что именно послѣ поѣздки въ садъ Буркина явилась въ моихъ грезахъ небывалая до того времени завлекательность и яркость.

Сашенька запрыгала отъ радости, когда кончились успѣхомъ наши переговоры съ Каталонскими, чтобы отпраздновать ея рожденіе поѣздкою за городъ, въ садъ. И я была въ восторгѣ. Вотъ мы пообѣдали; — и Каталонскіе также; вотъ запряжена въ длинныя дроги наша вороная лошадь - старушка; и лошадь Каталонскихъ также подана; готово, идемъ! — бѣжимъ! — Машенька Каталонская садится къ намъ: на ихъ дрогахъ тѣсно. Ъдемъ.

Садъ Буркина лежитъ въ горахъ. Онъ не великъ, но къ нему примыкаетъ большая роща. Садъ занимаетъ ложбину; лѣсъ идетъ выше его, почти до вершины горы. Мы располагаемся въ рощѣ. Наши старшіе идутъ прогуливаться по отлогимъ, хорошо расчищеннымъ дорожкамъ нижней части ея, около площадки, гдѣ бы будемъ пить чай. Мы отправляемся взбираться на гору. Но братъ и Аркаша Каталонскій черезъ минуту исчезаютъ; какъ они счастливы, что они въ сапогахъ, которые не боятся каменистыхъ тропинокъ по спускамъ овраговъ! — они стремглавъ бросились по нимъ. Я кричу вслѣдъ: „оборветесь, убьетесь, господа!“ — „Нѣтъ!“ — едва долетаетъ голосъ Аркаши. Варенька, Аня, Надя, Володя Каталонскіе, Сашенька хотятъ идти со мной и Машенькой на гору. Но черезъ пять минутъ я вижу, что всѣ они отстали отъ меня; — и Машенька, — пятнадцатилѣтняя! скоро будетъ невѣста! — тоже заигралась съ ними. Всѣ остались внизу. Машенька не позволить имъ зашалиться такъ, чтобы они ушиблись; — и я одна иду, все выше и выше; — сначала по узенькимъ тропинкамъ, — вотъ, нѣтъ и маленькихъ тропинокъ, надобно пробираться между вѣтвями, разводитъ ихъ, нагибаться; я въ самой чащѣ лѣса. Можетъ ли выскочить волкъ? — думаю я: — нѣтъ! — Я поднимаюсь все выше, выхожу изъ рощи на вершину горы, покрытую густымъ кустарникомъ; тутъ надобно быть еще осторожнѣе, чтобъ не изорвать платье! — Я пробираюсь кустарникомъ по гребню горы до другого лѣса, спускаюсь тамъ къ подошвѣ горы, — выхожу на поле. — О, какъ далеко я зашла! я думаю, больше двухъ верстъ отъ нашихъ! Пора возвращаться: тамъ, я думаю, ужъ готовъ чай! — Я иду къ нашему бивуаку прямою дорогою, по полю, вдоль подошвы горы. — Что это? Дорожка пропадаетъ въ высокомъ тростникѣ; я иду, отводя его руками; — шумитъ ручей, — можно ли дойти до него? нѣтъ, подъ ногами проступаетъ вода, я испорчу башмаки: надобно опять подняться нѣсколько повыше. Я иду по тростнику, вдоль ручья, къ горѣ, меня совсѣмъ не видно въ тростникѣ! — Я думаю, еще никто не ходилъ тутъ прежде меня. Я иду здѣсь первая! — земля становится суше, тростникъ смѣнился травой, такую огромною, что она тоже выше моей головы; — но вотъ я могу видѣть черезъ нее садъ за ручьемъ; — она все ниже, земля становится совершенно суха; я могу

подойти къ самому ручью, — какъ я перепрыгну черезъ него? берега грязны на цѣлыхъ десять шаговъ! — но вотъ, перекинута черезъ него жердочка, — съумѣю ли я перебѣжать по ней? — она очень тонка! — нѣтъ, не подломилась, и я не свернулась съ ней! — я бѣгу въ рощу, къ нашимъ; вотъ слышны голоса; маменька кричитъ: „Лиза, куда ты забѣжала? Пора чай пить!“ — Машенька бѣжитъ на-встрѣчу мнѣ... Я очень проголодалась отъ прогулки. И съ какимъ жаромъ, восхищеньемъ я рассказываю все приключенія моего путешествія по далекимъ, невѣдомымъ краямъ! — Потомъ, мы играли въ горѣлки; потомъ, когда взонелъ мѣсяць, мы съ Машенькой и братьями пошли опять къ ручью, и наши кавалеры хвалили мою смѣлость: я ушла далеко отъ всехъ, въ тростникъ, такомъ густомъ и высокомъ. — Потомъ, мы ужинали: наши старшіе сварили очень вкусную гречневую похлебку съ бараниною; я помогала имъ; она варилась въ котелкѣ на треножникѣ изъ палокъ надъ маленькимъ костромъ, какъ дѣлають пастухи. Когда котелокъ сняли, братъ и Аркаша набросали въ костеръ огромную кучу хвороста, и онъ ярко пылалъ, пока мы ужинали. — Потомъ, мы опять играли въ горѣлки и тутъ ни Аркаша, ни братъ не могли ни разу поймать меня. А когда мы собрались ѣхать домой, наши кавалеры опять набросали въ костеръ ужасно большой ворохъ самаго толстаго хвороста, и онъ удивительно освѣщаль намъ дорогу до выѣзда изъ сада; и потомъ всю дорогу по спуску равнины до самаго города мы безпрестанно обращивались смотрѣть, горитъ ли костеръ: горитъ, еще горитъ!

Черезъ полчаса по пріѣздѣ домой. отецъ, мать, братъ, сестра — все крѣпко спали. Лежала и я въ своей лѣтней постелѣ, — перинѣ, положенной на полу балкона моего мезонина, подъ пологомъ, натянутымъ отъ перилъ балкона къ стѣнѣ; лежала, но дремота была далека отъ меня. Грудь моя глубоко дышала мягкимъ воздухомъ теплой ночи, мнѣ было жарко, я сбросила простыню, замѣняющую одѣяло, вѣтерокъ сладко, нѣжно щекоталь мою шею, онъ освѣщаль ее... я дала ему ласкать мои ноги, открыла ему грудь... онъ отвѣщаль меня... Я оперлась на локоть и смотрѣла на свѣтло-синее полотно рѣки, перерѣзанное играющею золотою полосою мѣсяца, на Соколову гору, посеребренную его лучами... Я слушала тихое плесканье струй Волги о крутой берегъ... Вѣтерокъ ласкаль, щекоталь мои ноги, плеча, грудь... Я чувствовала себя бодрой, сильной, смѣлой, весело было у меня на душѣ. Мнѣ думалось, какъ легко, привольно, смѣло было мнѣ въ этой прогулкѣ по лѣсамъ, кустарникамъ, полямъ, камышамъ, въ сумракѣ вечера, въ полумракѣ ясной ночи, вдали отъ всехъ одной... Я иду, иду, все дальше, дальше... лѣсъ все гуще и гуще, я иду, иду... мнѣ жарко... я слышу журчанье ручья, бѣгу къ нему, зачерпнула воды, плеснула ею на лицо, на шею, — какъ освѣжаетъ она! — я спустила съ плечъ мою блузу, плещу на нихъ водою, — какъ свѣжо, хорошо! — я надвигаю блузу на плеча, надобно освѣжить мои бѣдныя ноги, онѣ устали отъ этой далекой прогулки; я сѣла на большомъ камнѣ у самой воды, отдыхаю. — дотронулась моею босою ногою до воды, опустила въ воду обѣ ноги; она слегка щекочетъ ихъ пальцы, щекочетъ ихъ ступни, струями переплескиваясь черезъ нихъ... я снимаю съ головы вѣнокъ изъ цвѣтовъ, бросаю въ ручей цвѣтокъ за цвѣткомъ, слѣжу глазами какъ они кружатся, ныряютъ, всплываютъ, быстро убѣгая по выющимся струямъ... и вдругъ, я слышу голосъ, — голосъ мужчины! — „Скажите, прошу васъ, какую тропинкою пройти въ городъ? Я не здѣшній, потерялъ дорогу“, — хорошо, что я давно опять подняла блузу на плечи, засте-

гнула! — но я босая, — ахъ, какой стыд! — „Ахъ!“ — я оглядываюсь. — За моимъ плечомъ стоитъ молодой человѣкъ въ охотничьемъ платьѣ, съ ружьемъ, хорошенькій, незнакомый. — „Я испугалъ васъ?“ — спрашиваетъ онъ, улыбаясь. — „Нѣтъ“, говорю я: — „Вы не страшный. Я укажу вамъ дорогу, только обуюсь“. — Мнѣ такъ стыдно, что я босая! — „Позвольте, я помогу вамъ“, говоритъ онъ, становится на колѣни, — и, о ужасъ! — цѣлуетъ мои ноги! — „Вы дерзкій!“ — говорю я. — Онъ плачетъ, — онъ, бѣдняжка, вовсе не дерзкій, — онъ боится меня! — „Идите прочь“, говорю я: — „Я сейчасъ обуюсь, и укажу вамъ дорогу“. — Онъ отходитъ, я обулась и кричу: „Гдѣ вы? Идемъ, я поведу васъ!“ — Мы идемъ. — „Кто вы? какъ вы зашли сюда? Я думала, что здѣсь нѣтъ никого, зачѣмъ вы такъ подкрались? это нехорошо!“ — Онъ увѣряетъ, что онъ подошелъ, не замѣтивъ меня! — „Вы лжете! Вы хитрый!“ говорю я: — „Не должно такъ подкрадываться, вы испугали меня“, — я дѣлаю ему выговоры, я очень строгая! — Онъ, бѣдный, плачетъ! — Мнѣ жаль его. Онъ говоритъ: „Вы нисколько не любите меня!“ — „Вотъ прекрасно! За что-жь я стала бы любить васъ?“ — я обманываю его: я люблю его, ужасно люблю! — Онъ плачетъ. — „Вотъ дорога въ городъ“, говорю я: — „прощайте! Я не люблю васъ, потому что вы испугали меня“. — „Позвольте мнѣ идти съ вами“, — говоритъ онъ. — „Ни за что! Я терпѣть не могу васъ!“ — Онъ закрываетъ лицо руками и плачетъ, уходя отъ меня... Мнѣ очень жаль его, бѣдняжку, но я не ворочу его! — Нѣтъ, я строгая! Зачѣмъ онъ испугалъ меня?.. Я иду, иду, все дальше; лѣсъ все гуще и гуще, я иду, иду... мнѣ жарко, я ищу прохлады. Я слышу: журчить ручей, я иду къ нему. Надъ ручьемъ развѣсилися густыя ивы, я плеснула водою на лицо, плечи, застегнула блузу, разулась, опустила ноги въ воду, — и онъ освѣжились; такъ хорошо! — я обулась и иду прилечь подъ тѣнью ивъ: тамъ холодокъ, трава такъ мягка! — я прилегла, опершись на локоть, и отдыхаю... такъ прохладно, хорошо! — я начинаю дремать, но я не дремлю, я слышу все! — „Кто эта дѣвушка, такая смѣлая, которая одна зашла такъ далеко въ лѣсъ?“ — „Я не знаю ее, такъ же, какъ и вы“. — „Жаль будить ее! А можетъ быть, она указала бы намъ дорогу.“ — „Я не сплю“, говорю я и открываю глаза. — Передо мной стоятъ старикъ и молодой человѣкъ; — старикъ такой добрый, молодой человѣкъ такой хорошенькій. — „Это мой сынъ“, говоритъ старикъ: — „Мы не знаемъ дороги: не укажете ли вы намъ ее, милая дѣвушка?“ — „Съ удовольствіемъ“, говорю я: — „Идемъ!“ — „Зачѣмъ вы не смотрите на моего сына?“ говоритъ старикъ, — я хитрая, я только притворяюсь, что не смотрю на него: я безпрестанно украдкой взглядываю на него: онъ такой хорошенькій! — „Зачѣмъ же я стану смотрѣть на вашего сына? Мы незнакомы“, говорю я. — „Но онъ такъ любитъ васъ!“ — „Вотъ прекрасно!“ — говорю я и смѣюсь: — „почему-жь онъ не говоритъ самъ, если любитъ меня?“ — „Я люблю васъ, я боялся сказать“, говоритъ молодой человѣкъ. — „Я очень благодарна вамъ за это“, говорю я этому молодому: — „Вотъ дорога въ городъ. Прощайте.“ — „Вы не любите моего сына!“ говоритъ старикъ и плачетъ. — „Вы не любите меня!“ говоритъ молодой человѣкъ и плачетъ. — „Нѣтъ, я не люблю васъ. Прощайте“. — Они идутъ и плачутъ оба. Мнѣ очень жалко ихъ, особенно молодого человѣка: онъ такой милый! — Но я не хочу вернуть ихъ, я не хочу сказать ему, что я люблю его: я кокетка, я люблю мучить всѣхъ, кто влюбляется въ меня... это приключеніе нравится мнѣ гораздо больше перваго: зачѣмъ тогда онъ такъ

испугалъ меня? Зачѣмъ подкрался, когда я была разута, какъ смѣлъ поцѣловать мою босую ногу?—Но онъ не виноватъ, бѣдняжка: я сама была такъ неосторожна! А онъ также былъ очень скромный, —и какъ онъ плакалъ, что я не хотѣла любить его!—Я лежу на своемъ балконѣ и думаю о немъ: мнѣ жаль его, зачѣмъ я заставила его такъ много плакать? Хорошо ли быть кокеткой?.. жарко!—я сбросила простыню... жарко! вѣтерокъ ласкалъ мою шею, я открыла ему грудь, дала ему щекотать мои плеча, ноги... онъ такъ хорошо освѣжаетъ!.. я оперлась на локоть и смотрю на синее полотно рѣвки, слушаю тихое плесканье ея струй... Я думаю о немъ, мнѣ жаль его: зачѣмъ я тогда была кокетка? Зачѣмъ я не призналась ему, что и я люблю его?.. Если бъ я увидѣла его опять, я не была бы такой жестокой!.. Я слышу, голосъ поетъ подъ моимъ балкономъ: это его голосъ... Онъ поетъ о томъ, какъ мѣсяцъ золотитъ рѣку, теплый ночной вѣтерокъ струитъ ее, о томъ, какъ онъ любитъ меня... Онъ умоляетъ, чтобы я набросила мою мантилью, и вышла на балконъ, —ему не видно меня, я лежу, притаилась... бѣдный, мнѣ жаль обманывать его, я не хочу быть кокеткою. —Я набрасываю мантилью и подхожу къ балюстрадѣ балкона, оперлась и слушаю его, закутанная въ мантилью: онъ долженъ быть въ восторгѣ, —нѣтъ! —ему мало этого! —онъ недоволенъ моею мантилею! — онъ умоляетъ, чтобы я сбросила ее и явилась ему, какъ свѣтлый день! — „Вы лстецъ!“ говорю я: — „я вовсе не такая красавица“. — Но онъ продолжаетъ умолять... бѣдный, я не хочу быть кокеткою, мучить его: — „Извольте“, говорю я: — „я такъ люблю васъ“, я откидываю мантилью съ лица: онъ долженъ быть доволенъ! —онъ недоволенъ и этимъ! —Онъ умоляетъ, чтобы я продвинула мою ножку сквозь балюстраду! — „Какой вы смѣшной!“ говорю я: — „я знаю, вы хотите поцѣловать мою ногу. Но балконъ выше вашей головы! И если бы даже могли вы достать до рѣшетки, какое-жъ удовольствіе приложить губы къ пыльной подошвѣ моей туфли?“ — „Вы не любите меня!“ говоритъ онъ и плачетъ... „Умоляю васъ! Вы нисколько не любите меня! Вамъ не жаль меня!“ — „Нѣтъ, мнѣ жаль васъ, я не могу ни въ чемъ отказать вамъ“, — я хочу пококетничать съ нимъ, — и мнѣ, въ самомъ дѣлѣ жаль его. — „Извольте“, говорю я, — и продвигаю носокъ ноги между каменнымъ поломъ балкона и нижнею полосой рѣшетки, — только чтобы посмѣяться, какъ онъ будетъ напрасно тянуться и все-таки не достанетъ; — но, ужасъ! —и какой же онъ хитрый! въ одинъ мигъ, онъ вспрыгиваетъ на скамью, —какъ я забыла, что подъ моимъ балкономъ есть скамья! —онъ вспрыгиваетъ на нее, схватываетъ мою ногу обѣими руками, нагибается, цѣлуетъ босой подъемъ ступни... какой хитрый! Но его поцѣлуй такъ ласково щекочетъ мою ногу: мнѣ смѣшно... онъ цѣлуетъ, цѣлуетъ босой подъемъ ступни: — „какой вы смѣшной!“ — говорю я, —ахъ, простодушная! —я ободрила его: онъ видитъ, что я не сержусь! —онъ сбрасываетъ туфлю съ моей ноги! —это дерзко! —я сержусь: — „Позвольте мнѣ уйти. Вы слишкомъ дерзокъ!“ —но онъ и не думаетъ слушаться! —онъ крѣпко держитъ, прижимаетъ къ своей груди мою бѣдную босую ногу, цѣлуетъ всѣ пальцы ея... „Вы слишкомъ дерзокъ! Вы обижаете меня!“ — говорю я строго: — „Я не могу любить такого дерзкаго!“ —онъ плачетъ и освобождаетъ мою ногу. Мнѣ очень жаль его. Но зачѣмъ онъ былъ такой дерзкій? — „Я приказываю вамъ уйти и не хочу любить васъ!“ — Онъ закрываетъ лицо руками и уходитъ... Жарко! — жарко! —Я хожу по балкону... Мнѣ очень жаль его, но я должна была наказать его! —Я хожу по балкону, я открываю вѣтерку мои плеча, онъ ласкаетъ,

щекочетъ ихъ. Я смотрю на гору, посеребренную мѣсяцемъ... мнѣ жаль его! мнѣ грустно... Я оперлась на балюстраду, смотрю на вершину далекой горы, она искрится блѣднымъ серебромъ при мѣсяцѣ... мнѣ грустно, грустно! Я никогда больше не увижу его! О, Боже, видѣть его только разъ, и такъ полюбить!—безъ надежды видѣться вновь!.. какъ же не грустить мнѣ?.. Я вспоминаю все подробности нашей первой—и, о Боже!—последней!—нашей встрѣчи съ нимъ на балѣ. О, какъ это ужасно, что наши родные въ ссорѣ! жестокіе! я никогда не увижу его! — о, Боже! это его голосъ! его голосъ подъ моимъ балкономъ!— „Я здѣсь, склони на меня кроткій взоръ твой, милая дѣвушка!“ — „Вы здѣсь? какъ я рада! Но какъ могли вы очутиться здѣсь?“ — „Я перелѣзъ черезъ стѣну вашего сада!“ — „Такою высокою! Не дѣлайте этого въ другой разъ!— Вы можете упасть и ушибиться. Лучше, я дамъ ключъ отъ сада. Вы будете приходите къ этому балкону, я всегда буду ждать васъ на немъ“.— „И я никогда не пожму вашей руки!“ — „Никогда!“—Онъ плачетъ, и я плачу... мы плачемъ, плачемъ... Мы плачемъ всю ночь и поутру я грустная, блѣдная. „Ты очень грустна“, говоритъ маменька.— „Маменька, я люблю его, а папенька въ ссорѣ съ его отцомъ!“ — „Если это такъ огорчаетъ тебя, мы помиримся съ его родными“, утѣшаетъ меня мать, ведетъ къ отцу; отецъ не можетъ противиться нашимъ просьбамъ, ѣдетъ съ визитомъ къ его отцу и въ тотъ же вечеръ у насъ балъ, и онъ является на немъ уже безъ маски. Этотъ балъ—наше обрученіе. Намъ приказываютъ стать рядомъ, взять за руки другъ друга, благословляютъ насъ, велятъ намъ поцѣловаться, — мнѣ такъ стыдно — „не надобно“, шепчу я ему; — онъ—такой милый! — говоритъ: — „какъ это можно, папенька и маменька?“ — „Пойдемъ въ садъ“, шепчетъ онъ мнѣ: — „тамъ никто не будетъ принуждать насъ“, — милый! — „Идемъ!“ говорю я, — и мы въ саду, гуляемъ по густымъ аллеямъ... Тамъ, въ залѣ, танцуютъ, до насъ едва доносятся звуки бальной музыки... жарко! Я сбрасываю простыню, я оперлась на локоть, открываю мою грудь, плечи, ноги, мягкому вѣтерку ночи, онъ ласкаетъ, освѣжаетъ меня. Мы гуляемъ по саду, онъ говоритъ: — „Я люблю васъ“...

Такія фантазіи бывали у меня и прежде: не разъ я клала въ сторону книгу, задумывалась, ставила себя на мѣсто героини, передѣлывала по-своему ея судьбу, ея чувства. Кто не испытывалъ этого? — Но прежде, увлеченія мыслей были у меня мимолетны: полчаса, много часъ, — и я опять погружалась въ чтеніе, если это бывало днемъ; полчаса, или четверть часа, и я засыпала, если это было вечеромъ, въ постелѣ. Теперь я промечтала всю ночь напролетъ, и на другой день побранила себя: „Какъ это можно, не спать до 4 часовъ, когда надобно вставать въ 7, чтобы заниматься дѣломъ? Нынѣ я заставила маменьку саму выдавать припасы и разливать чай: это нехорошо, этого не должно быть впередъ“.

Недѣля шла за недѣлею, этого не повторялось. По прежнему часто случалось мнѣ увлекаться интересною книгою; но по прежнему фантазія моя разыгрывалась на полчаса, на часъ, и послѣ того я опять спокойно продолжала чтеніе. Такою благоразумною, прозаическою читательницею дожила я до половины октября. Съ нею начались тревоги дѣйствительной жизни. Конецъ осени и почти вся зима моего восемнадцатаго года были отравлены для меня сомнѣніями въ своемъ благоразуміи, опасеніями, что отецъ и мать считаютъ меня упряницею, капризницею за отказы

женихамъ. — Наконецъ я убѣдилась, что страхъ за отношенія къ матери и отцу былъ напрасенъ, и вмѣстѣ съ этою боязнью затихли мои тайные упреки себѣ. Еслибъ я дѣйствительно поступила неблагоразумно, отвергая жениховъ, которые были ненавистны мнѣ, то могли ли отецъ и мать, при своей заботливой любви, предоставить мнѣ такой полный произволъ? Они старались-бы отклонить меня отъ вреднаго упрямства упреками, наставленіями. По крайней мѣрѣ, они показывали бы мнѣ недовольный видъ. Ничего этого нѣтъ.

Послѣ отказа Волкову матушка сама успокаивала меня; послѣ отказа Фролову, сдѣлавши уступку обычаю нѣсколькими слабыми замѣчаніями, она прямо перешла на мою сторону: сама сказала, что нельзя идти за человѣка, если онъ не нравится, что заманивать жениховъ — низость, которая и не привела-бы къ счастью дѣвушку съ моимъ простымъ характеромъ; что если-бы я и осталась въ дѣвушкахъ, отецъ и мать не стали-бы отягощаться мною, попрекать и осуждать. Они оба продолжаютъ считать меня разсудительною дѣвушкою. Зачѣмъ же мнѣ мучить себя?

Эти мысли утвердились во мнѣ къ концу зимы. Когда я отказала третьему жениху, моя увѣренность за отношенія къ матери и отцу совершенно оправдалась: матушка не сдѣлала мнѣ ни малѣйшаго упрека; сказала только, что и не ждала отъ меня согласія идти за жениха, который нисколько не лучше двухъ первыхъ, и прибавила, что я остаюсь для нея и отца, по прежнему, умною, разсудительною дѣвушкою, доброю, послушною дочерью, которой они всегда были, всегда будутъ довольны.

Чего было опасаться мнѣ теперь, о чемъ тосковать? Я стала беззаботна, весела, какъ въ старину. Это спокойное настроеніе души возвратилось ко мнѣ передъ началомъ весны 1851 года; и черезъ нѣсколько времени въ моемъ Дневникѣ явилась отмѣтка:

„22 (марта 1851). У насъ были гости: Шатиловы, Симоновы, Ершovy. Нашъ дворъ уже совершенно сухъ и мы весь вечеръ играли въ горѣлки: Леночка, Саша, Анята Шат., Варенька, Надя Сим., Катя Ерш., трое насъ, шестеро Каталонскихъ, — цѣлыхъ 15 человѣкъ! Было очень весело. Гости уѣхали поздно, въ 12-мъ часу. Потомъ я долго мечтала“.

Черезъ пять дней былъ день моего рожденія и я нахожу замѣчаніе, по которому вижу, что совершенно вѣрны мои воспоминанія о впечатлѣніи, котораго оставила во мнѣ моя вторая безсонная ночь.

„27 (марта). День моего рожденія. Мнѣ исполнилось 18 лѣтъ. Маменька купила очень миленькую шляпку и дала Сашенькѣ, чтобъ она подарила мнѣ. Шляпка стоитъ 7 рублей. Премиленькая. Вечеромъ были гости: Шатиловы, Симоновы, Траховскіе, Ершovy, Рѣпинскіе. Танцевали. Когда всѣ разѣхались мнѣ не спалось и я стала мечтать; но вздумалось пересмотрѣть свой Дневникъ за прошлый годъ. Увидѣла, что въ прошломъ году я была еще кокетка. Теперь я исправилась отъ этого“.

Какъ могла я увидѣть, что „я была кокетка“ въ прошломъ году, когда въ первую половину его я уже очень сухо держала себя съ молодыми людьми, а во вторую половину боялась и убѣгала ихъ? — Такъ я поняла перемѣну, которую замѣтила въ себѣ, — вотъ въ чемъ была перемѣна, и какъ была замѣчена мною:

Пересматривая Дневникъ своего восемнадцатаго года, я дошла до 23 іюля, прочла слова, въ первый разъ явившіяся тогда въ моихъ замѣткахъ „долго меч-

тала“, и остановилась на них. Мнѣ вспомнились все сцены, которыми играла тогда моя фантазія; я сравнивала ихъ съ мечтами, въ которыхъ прошла у меня цѣлая ночь послѣ игры въ горѣлки, шесть дней тому назадъ: какая разница!

Тогда, за восемь мѣсяцевъ до нынѣшняго вечера, я сидѣла у ручья, плескаясь въ водѣ босыми ногами; молодой охотникъ подкрался и смотрѣлъ на эту игру, — вызвался обуть меня, — я и позволила ему обуть меня! — и онъ сталъ цѣловать мои босыя ноги! — я осталась недовольна, прогнала этого дерзкаго и замѣнила его молодымъ человѣкомъ, который шелъ вмѣстѣ съ отцомъ-старичкомъ, и былъ совершенно милъ и скромненькій; я даже не хотѣла признаться, что люблю его, хоть мнѣ было очень жаль видѣть, какъ онъ плачетъ о моей жестокости; но когда я отдыхала на моемъ Севильскомъ балконѣ надъ Гвадалквивиромъ, я опять была такая нескромная дѣвушка! — Правда, я думала только пошутить надъ нимъ, согласившись продвинуть носокъ ноги сквозь чугунныя перила: балконъ былъ высокъ, я только думала посмѣяться, какъ онъ будетъ тянуться и не достанетъ; но продвигать ногу, — босую ногу, только въ низенькой туфлѣ, — продвигать съ позволеніемъ цѣловать ее, хоть-бы только въ шутку! — и какъ я была наказана за нескромную шалость! — онъ сбросилъ туфлю и прижалъ къ своей груди мою босую ногу! — Правда, я разсердилась на дерзкаго и безъ всякой жалости прогнала его, хоть онъ былъ очень хорошенькій и я ужасно любила его; — но все-таки, я была ужасно нескромная: такая шалость! — продвинуть носокъ босой ноги сквозь чугунныя перила! правда, потомъ я уничтожила за это Севилью и Гвадалквивиръ, перенеслась въ Верону, у покрытыхъ снѣгомъ Альпъ, — и на моемъ Веронскомъ балконѣ я держала себя уже очень скромно, и Ромео былъ такъ милъ: ни разу не поцѣловалъ меня, когда мы съ нимъ гуляли по нашему саду. Но потомъ, опять было столько сценъ съ босыми ногами! — однажды, когда я сидѣла въ бѣломъ платьѣ въ моемъ Сандомірскомъ саду у фонтана, на скамьѣ, онъ даже обнималъ мои колѣна, и я не отталкивала его, — правда, онъ былъ очень милый, очень скромный, и все плакалъ. Но, потомъ, когда этотъ гадкій воевода съ жесткими сѣдыми усами былъ убитъ, и на шумъ прибѣжала маменька, прибѣжали все, было опять обрученіе, я даже цѣловалась съ моимъ женихомъ! — Было столько такихъ сценъ! все цѣловали мои ноги, — однажды даже плечо! — о, какъ я разсердилась тогда! — но сколько разъ я цѣловалась съ моимъ женихомъ! — какая вѣтренная была я тогда! — ужасно!

Теперь, какая разница! — Теперь, когда я опять промечтала цѣлую ночь, ни въ одной изъ моихъ фантазій не было дерзкихъ, цѣловавшихъ мои босыя ноги, — не было дерзкаго, поцѣловавшаго мое плечо, не было ничего подобнаго! — и это потому, что я не дѣлала такихъ вѣтренностей, — не мыла ногъ въ ручьѣ, не выходила на балконъ съ туфлями на босую ногу слушать серенаду; теперь я всегда была скромна, какъ тогда Джульетта.

Я не поняла, что я стала въ моихъ фантазіяхъ вмѣсто прежняго шаловливаго ребенка взрослою дѣвушкою; скромность моихъ фантазій этой второй безсонницы была понята мною какъ то, что я перестала быть вѣтренницею, кокеткою... Счастлива была бы я, если-бъ не произошло этой перемѣны, обрадовавшей меня тогда, если-бы я навсегда продолжала мечтать такъ нескромно, какъ въ первую безсонницу, на моемъ восемнадцатомъ году!

Но, начавши возвращаться теперь, на девятнадцатомъ году, мои мечты сохранили свой новый скромный характеръ. — Онѣ стали теперь возобновляться не очень

рѣдко: каждый разъ, когда какой-нибудь особенный случай нарушалъ тихое, усыпляющее однообразіе моего прозаическаго образа жизни. Въ продолженіи семи мѣсяцевъ, съ начала апрѣля до ноября 1851 года, слова „долго мечтала“ повторяются въ моемъ Дневникѣ одиннадцать разъ: пять разъ послѣ поѣздки за городъ, въ садъ; разъ послѣ поѣздки на тотъ берегъ Волги; два раза, когда я была на вечерахъ съ танцами подъ фортепіано и какую-нибудь скрипку родного музыканта, которые назывались въ нашемъ кругу балами; три раза послѣ дней, въ которые была сильная гроза. Во время грозы у меня были мои праздники: я бросала работу, выходила на мой балконъ, любовалась тучами, любовалась молніею; потомъ, когда порывы урагана затихали, я выносила свои цвѣты на крыльцо подъ дождикъ. — Не только въ эти дни нашихъ страшныхъ волжскихъ урагановъ, когда всѣ запираются и закрываютъ ставни, но и въ остальные дни, послѣ которыхъ овладѣвало мною романическое настроеніе, не было совершенно ничего, сколько нибудь похожаго на романическія положенія. Мы катались по Волгѣ и ѣздили въ сады только съ Каталонскими. Это было все равно, что мы одни. На вечерахъ не встрѣчался мнѣ никто изъ молодыхъ людей, кромѣ такихъ, какими были въ свое время Волковъ и Фроловъ (они теперь были женатые люди, потому я и сказала: „были въ свое время“; молодой человекъ въ нашемъ кругу только женихъ или кандидатъ стать женихомъ). Эти молодые люди, съ которыми я танцевала, теперь не были даже скучны для меня: я и не допускала ихъ говорить о чемъ нибудь, кромѣ ихъ семейныхъ и служебныхъ дѣлъ; объ этихъ вещахъ можно говорить безъ скуки и съ самыми скучными людьми. Я уже не боялась моихъ кавалеровъ: у нихъ не было и мысли говорить мнѣ любезности, не только что смотрѣть на меня, какъ на невѣсту. И когда я возвращалась домой съ такого бала, мои кавалеры такъ же мало припоминались мнѣ, какъ ихъ отцы, матери, тетки.

Но довольно было того, что я возвращалась домой веселая: я любила танцевать; довольно было того, что перерывался однообразный ежедневный порядокъ моего образа жизни, что мои мысли отрывались на нѣсколько часовъ отъ обыденныхъ семейныхъ заботъ; — довольно было того, что движеніе и веселая музыка танцевъ или свѣжій воздухъ полей, садовъ, нашей Волги пробуждали мой молодой организмъ отъ разсудительной хозяйственной дремоты: неопредѣленная жажда жизни просыпалась во мнѣ; и когда я возвращалась въ свою маленькую комнату на мезонинѣ, мои мысли неслись въ эфирныя пространства, въ ушахъ звучали мелодіи, передъ моими глазами возникали свѣтлыя видѣнія въ полусвѣтѣ мѣсячной, во мракѣ черной ночи...

Свѣтлыя видѣнія. Въ то первое время моихъ грезъ на яву, всѣ они были свѣтлы. Въ своихъ фантастическихъ воспоминаніяхъ изъ міра поэзіи, чуждаго моей жизни, я забывала, передѣлывала въ радостную идиллію все, о чемъ припоминалось мнѣ изъ книгъ, увлекавшихъ меня. Въ моихъ мечтахъ не возникало ничего трагическаго, ничего драматическаго; въ нихъ не было даже никакого развитія: все, воскресавшее передо мной въ капризныхъ передѣлкахъ читаннаго, принимало характеръ легкой пасторали, беззаботно-нѣжной, безконечно останавливавшейся на первомъ свиданіи; оно было все одно и то же, все первое, хоть повторялось тысячи и тысячи разъ; оно было все одно и то же, съ безмятежно дѣтскимъ спокойствіемъ моимъ и его, двухъ воздушныхъ существъ, наслажденіе которыхъ — ощущать вѣяніе ласковаго вѣтерка, слушать журчанье ручья, очаровы-

ваться нѣжными звуками милыхъ словъ, дышащихъ любовью, — безъ трепетанія сердца, безъ волненія крови; смотрѣть въ глаза другъ другу, пожимать руки, видѣть его, кротко цѣлующаго мою руку, бесконечно повторять другъ другу: „я люблю тебя“ — вотъ все содержаніе моей пасторали съ неистощимымъ разнообразіемъ сплетавшейся изъ тысячи сценъ одной и той же первой сцены.

Онъ, мой милый, былъ эфирное видѣніе съ чертами, совершенно неопредѣленными. Все, что отчетливо рисовалось мнѣ, были его глаза, смотрѣвшіе на меня кротко и безмятежно. Они не вспыхивали огнемъ, они только сияли ровною, спокойною, тихою радостью; въ нихъ не было блеска, была только нѣжность. Только это, только выраженіе его глазъ и было ясно, опредѣленно знакомо мнѣ: я не видѣла отчетливо даже цвѣта ихъ. Когда смутное представленіе мое о ихъ цвѣтѣ имѣло оттѣнокъ болѣе темный, мнѣ рисовалось въ туманныхъ чертахъ, что его темные волосы оттѣняютъ матовую блѣдность его лица. Но чаще его глаза должны были быть голубые, — „должны были“, потому что я мало замѣчала цвѣтъ ихъ, я видѣла только ихъ доброе, кроткое сіяніе; — тогда мнѣ видѣлось, что у него вьются каштановые или русые локоны, и что на его щекахъ есть нѣжный румянецъ. Но все это видѣлось мнѣ неясно, какъ будто сквозь туманъ, въ которомъ сливаются оттѣнки цвѣтовъ и черты. Я не знала о его лицѣ даже того, овальное или худощавое оно: я не могла замѣчать этого, потому что была очарована выраженіемъ его глазъ; — только это выраженіе и видѣла я, — и чувствовала теплоту его руки, пожимающей мою руку, чувствовала легкость теплаго прикосновенія его губъ къ моей рукѣ, когда онъ цѣловалъ ее.

И я сама была такимъ-же воздушнымъ существомъ, какъ онъ. Я едва слышала усиленное бѣненіе сердца, когда я ждала его и когда онъ являлся вдали, идущій на свиданье: я едва могла чувствовать, я почти не замѣчала, что мое сердце расширяется, трепещетъ, — нѣтъ, оно и не трепетало, оно только согрѣвалось при этомъ ожиданіи, при его приближеніи. И я вздрагивала только отъ робкаго испуга неожиданной встрѣчи, когда онъ являлся не на свиданье, а внезапно, когда я, еще не знакомая съ нимъ, думала, что нѣтъ никого вблизи меня, что я въ одинокомъ, пустынномъ мѣстѣ, и вдругъ слышала нѣжный голосъ подлѣ меня, или оглянувшись, видѣла подлѣ себя его, незнакомаго, — я вздрагивала отъ неожиданности, но не отъ волненія сердца. И когда онъ бралъ мою руку, цѣловалъ ее, только рука моя ощущала теплоту прикосновенія, удары моего сердца не учащались, щеки мои не вспыхивали, и его взглядъ только ласкалъ меня, безмятежно радостную.

У насъ было много, много исторій, добрыхъ, тихихъ, радостныхъ. Онъ всегда былъ радостен. Часто, — очень часто, мы съ нимъ и плакали, много, много. Мы не знали, какъ сказать нашимъ роднымъ, что мы любимъ другъ друга: у меня былъ ненавистный женихъ, или мой милый былъ слишкомъ бѣденъ, или онъ былъ не изъ нашего города, и мы не надѣялись, чтобы мои родные согласились на разлуку со мною, или я тосковала предчувствіемъ разлуки съ нимъ: мы часто, много плакали; но мы имѣли слишкомъ твердое предчувствіе, что препятствіе нашему счастью устранился; и оно всегда устранялось: маменька видѣла мою грусть, и отказывала гадкому жениху; — она догадывалась о моей любви, и говорила, что умъ и сердце моего милаго дороже всякаго богатства; мой милый узнавалъ, что исчезло препятствіе для него оставаться въ нашемъ городѣ и мы переставали плакать о томъ, что мнѣ надобно оторваться отъ родныхъ. Мы съ нимъ всегда

предчувствовали счастливую развязку и потому наши слезы были легки, пріятны: обливаясь ими, мы знали, что онѣ только приготовленіе къ радости. Но обыкновенно, и съ самаго начала не было никакихъ препятствій нашей любви: я знакомилась съ моимъ милымъ гдѣ нибудь на прогулкѣ за городомъ; мои родные видѣли нашу любовь; мой милый нравился имъ, они хвалили меня за такой прекрасный выборъ, благословляли насъ, — и мы становились женихомъ и невѣстою; но были еще такъ молоды, что наша свадьба отлагалась надолго, и мы цѣлые мѣсяцы, цѣлые годы, безконечно оставались женихомъ и невѣстою, — все сидѣли вмѣстѣ, все гуляли вмѣстѣ, все говорили о томъ, какъ мы любимъ другъ друга, и мой милый все цѣловалъ мою руку.

И никогда не было однообразія въ этой одной и той же исторіи, повторявшейся сотни разъ въ долгую и быстро пролетѣвшую ночь 21 марта, и въ каждую изъ слѣдующихъ ночей, подобныхъ ей.

Я насчитываю по своему Дневнику одиннадцать такихъ ночей съ начала апрѣля до ноября 1851 г. Пришла зима и однообразный порядокъ моей жизни сталъ нарушаться рѣже. До слѣдующаго дня моего рожденія въ пять мѣсяцевъ только четыре раза встрѣчается отмѣтка „долго мечтала“: два раза это было послѣ того, какъ мы были въ театрѣ; одинъ разъ послѣ вечера съ танцами у нашихъ знакомыхъ Ершовыхъ; разъ послѣ вечера у насъ въ день моего рожденія, когда мнѣ исполнилось девятнадцать лѣтъ.

Съ началомъ этой весны отмѣтка „долго мечтала“ встрѣчается все чаще и чаще, — и большею частью, уже безъ всякихъ особенныхъ поводовъ: въ четыре мѣсяца я насчитываю семнадцать этихъ безсонницъ. А между тѣмъ, только три раза была какая нибудь причина размечтаться, въ родѣ прежнихъ: однажды, катанье по Волгѣ, въ другой разъ поѣздка за городъ, въ третій — вечеръ у Каталонскихъ, въ день рожденія Машеньки. — Зато съ половины мая встрѣчаются отмѣтки: „хотѣла мечтать, какъ вчера, но уснула; такъ жаль, — непременно хотѣла долго мечтать, но уснула; такъ жаль!“ — 5-го июня, 14 июня записано: — „Я перестала быть вѣтренницею: это видно даже и изъ того, какъ я мечтаю: вовсе не такъ смѣшно и глупо, какъ въ прошломъ году“.

Вотъ въ чемъ была переменѣна. Она происходила постепенно и была замѣчена мною, когда уже почти окончательно развилась:

Содержаніе моей пасторали оставалось одно и то же, но ея обстановка измѣнялась, какъ я сказала, съ неистощимымъ разнообразіемъ. Шли мѣсяцы и нечувствительно для меня самой одинъ изъ видовъ обстановки, сначала совершенно исчезавшій среди другихъ, болѣе блестящихъ, сталъ являться часто и съ весны 1852 года, — съ начала моего двадцатаго года, сталъ все рѣшительнѣе брать верхъ надъ остальными; вмѣстѣ съ его перевѣсомъ надъ другими, все постояннѣе дѣлалось, кто я и кто мой милый. Наши отношенія, разговоры, чувства сохраняли прежній свѣтлый колоритъ, прежнюю эфирную безмятежность; но все тѣснѣе становился кругъ поэтическихъ воспоминаній, изъ которыхъ я создавала себя и своего милого, и въ нашу воздушную жизнь входило все больше похожего на мою дѣйствительную жизнь, все ближе и роднѣе мнѣ становилась земля, до которой мы едва касались. Все рѣже бывали мы людьми чуждыхъ мнѣ странъ, далекихъ отъ меня состояній. Севилья и Гвадалквивиръ, Верона и Альпы, потомъ и Петербургъ съ его Невою все больше заслонялись моимъ роднымъ городомъ съ его не-

высокими горами и нашею безбрежною Волгою. Аристократки и поселянки испанки и итальянки все больше уступали мѣсто дочери небогатаго русскаго чиновника, и ея милый все чаще являлся простымъ небогатымъ человѣкомъ, сыномъ маленькаго помѣщика или чиновника, пріѣхавшимъ изъ университета служить въ нашемъ городѣ. Шли мѣсяцы, пришла весна моего двадцатаго года, зазеленѣли сады вокругъ моего роднаго города и мы съ моимъ милымъ совершенно перестали выходить изъ тихаго, скромнаго быта, знакомаго мнѣ по дѣйствительной жизни: театромъ нашихъ неожиданныхъ встрѣчъ, условленныхъ свиданій, безконечныхъ прогулокъ стали всегда бывать окрестности моего роднаго города, по которымъ любила гулять я дѣйствительная, я, Лиза Свилина; и когда мы съ моимъ милымъ сидѣли въ комнатѣ, эта комната была гостиная нашего дома, была моя маленькая комната на мезонинѣ... Вотъ почему я записала: „я мечтаю гораздо разсудительнѣе прежняго“. Не было ли это справедливо?

Я стала всегда одна и та же, и мой милый сталъ все одинъ и тотъ же, — и вотъ почему я записала тогда: „я перестала быть вѣтренною даже въ моихъ мечтахъ“. Знакомѣ и знакомѣ становился мнѣ мой милый и черты его все яснѣе рисовались въ моемъ воображеніи, — и вотъ я стала видѣть его лицо уже совершенно ясно.

20-го Іюня въ моемъ Дневникѣ записано: „Я прекрасно вижу его лицо“.

22-го іюня у меня записано: „Его лицо знакомо; кто онъ?“

И вотъ я уже не въ забвеніи грезъ, не ночью, а въ раздумьи, днемъ, за пальцами, за своимъ шитьемъ, не мечтаю, а стараюсь вспомнить, понять: кто-жь онъ? Не фантазія создала его, моя память воспроизвела это лицо, я почти увѣрена въ томъ. Я должна была видѣть этого молодого человѣка съ длинными каштановыми волосами, съ большими карими глазами, съ овальнымъ, нѣсколько загорѣвшимъ лицомъ, съ маленькими темными усами. Напрасно я припоминаю... или я только мелькомъ видѣла его гдѣ нибудь на гуляньѣ, въ церкви? — быть можетъ, на балѣ въ Дворянскомъ Собраніи, гдѣ однажды была я три года тому назадъ? — или въ театрѣ, гдѣ была я два раза въ прошлую зиму, и прежде нѣсколько разъ?.. Гдѣ я видѣла его? — Но я должна была видѣть его: его лицо совершенно живо рисуется передо мною, оно знакомо моимъ глазамъ.

Въ моемъ Дневникѣ отмѣчено: „24 іюня. Братъ и Аркаша пріѣхали изъ Казани. Оба перешли во второй курсъ. Я ужасно обрадовалась имъ“.

Черезъ два дня кончается мой Дневникъ. Потому я знаю, что это было на третій день послѣ пріѣзда брата. Я узнала, кто мой милый. Но это уже не записано въ моемъ Дневникѣ.

Мы сидѣли вечеромъ за чаемъ. Братъ отказался отъ второй чашки, всталъ и сказалъ: „Я иду къ Лачинову“, — я вздрогнула и вспыхнула: Лачиновъ — это онъ!

III.

Л а ч и н о в ь .

„Лачиновъ — это онъ!“ — но непохожій на того Лачинова, къ которому теперь шелъ мой братъ. Моего Лачинова нельзя было узнать въ этомъ; мой милый, — онъ прежній Лачиновъ, сохранился только въ моей вѣрной памяти.

Теперь, лѣтомъ 1852 года, Лачинову было еще только тридцать лѣтъ. Но его крѣпкое здоровье уже разстроилось. Я не видѣла его уже три года, хотя онъ жилъ въ нашелъ городѣ, хотя братъ очень часто бывалъ у него до прошлаго лѣта, когда уѣхалъ въ Казань, хотя и онъ до прошлаго лѣта раза по три, четыре въ годъ бывалъ у насъ. Я не любила видѣть такихъ людей. Когда я видѣла его въ послѣдній разъ, весною 1849 года, ему было двадцать семь лѣтъ; но онъ задохнулся, взошедши на крыльцо нашего дома, имѣвшее пятнадцать ступенекъ; онъ уже и тогда говорилъ про себя, что смотреть въ могилу. Страшно сказать отъ чего: онъ слишкомъ много пилъ.

Когда онъ, въ 1848 году, возвратился изъ Москвы въ нашъ городъ, увидѣлъ моего брата у Ершовыхъ, вспомнилъ его, пригласилъ къ себѣ, и братъ началъ ходить къ нему, отецъ и мать стали говорить Гришѣ, что имъ непріятно это знакомство, что они боятся такого знакомаго. Братъ не слушался совѣтовъ, продолжалъ бывать у Лачинова. Отецъ и мать сердились на Гришу, положительно приказывали перестать ходить къ Лачинову; братъ не слушался. Началась довольно серьезная ссора; братъ выдержалъ ее. Черезъ полгода отецъ и мать стали успокоиваться: въ самомъ дѣлѣ, Гриша ни разу не приходилъ отъ Лачинова пьяный: они убѣдились наконецъ, что братъ не портится отъ знакомства съ нимъ, перестали спорить.

Но я гораздо дольше отца и матери продолжала бояться за брата. Лачиновъ былъ такой дурной человѣкъ, слышала я.

И то, что я слышала, было вѣрно. Я спрашивала у Гриши, правда ли, что нѣтъ ни одного дня, когда Лачиновъ ложился бы спать не пьяный. Онъ долженъ былъ отвѣчать: правда.—И чѣмъ дольше шло время, тѣмъ хуже становились слухи о Лачиновѣ. И всѣ бни были вѣрны. Ихъ пересказывали и у насъ, и у Каталонскихъ. Маменька и Анна Ларионовна не любили напрасно повторять дурное о людяхъ.

Въ 1847 году, когда былъ еще въ Москвѣ, Лачиновъ получилъ послѣ отца прекрасное имѣніе, въ годъ промоталъ все и пріѣхалъ въ нашъ городъ потому, что нечего было больше проматывать. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ, по его выраженію, тѣмъ, что „вырабатывалъ“: его работа состояла въ томъ, что онъ былъ самый лучший игрокъ въ цѣлой губерніи. Когда онъ спускалъ всѣ деньги, онъ садился „работать“ въ коммерческія игры, и наигрывалъ себѣ много денегъ, послѣ того „давалъ волю“ себѣ, — это значило, что онъ бросалъ винтъ, преферансъ, пикетъ и переходилъ къ банку и ланскне; послѣ разныхъ оборотовъ счастья всегда кончалъ тѣмъ, что проигрывалъ все, наигрывалъ на себя долгъ; тогда опять начиналъ „работать“.—Я спрашивала брата, правда ли это; Гриша отвѣчалъ: все правда. Я не спрашивала брата, правда ли другое дурное, что говорили о Лачиновѣ. Свѣтская дѣвушка должна была бы показывать видъ, что и не слышала этого дурного, когда была молода. Но я не вошла въ свѣтъ, и выросла въ одномъ изъ простыхъ скромныхъ семействъ, гдѣ старшіе родные говорятъ при дѣвочкахъ и взрослыхъ дѣвушкахъ, своихъ дочеряхъ и племянницахъ, обо всемъ, о чемъ говорятъ между собою; не молчатъ при нихъ о дурномъ потому, что говорятъ о немъ такимъ тономъ, который не раздражитъ воображенія; не молчатъ потому, что съ дѣтства надобно пріучать понимать, какъ страшна жизнь дурныхъ людей.

Я слышала, какъ живетъ Лачиновъ: гадко. Года черезъ два по его возвра-

щеніи въ нашъ городъ разсказывали, что мужъ одной чиновницы, которая ушла къ Лачинову, привелъ полицію взять жену; Лачиновъ далъ денегъ полицейскому, а мужа выгналъ въ шею; черезъ нѣсколько дней эта женщина уѣзжала назадъ къ мужу, обокравъ Лачинова. Лачиновъ былъ тогда въ выигрышѣ и она унесла много денегъ, поэтому мужъ принялъ ее очень почитительно. Странно было бы мнѣ сказать, что я не слышала этой исторіи: о ней говорили тогда всѣ въ городѣ, до маленькихъ дѣтей. Послѣ того у Лачинова были еще двѣ такія же гадкія исторіи. Одна изъ его пріятельницъ попалась въ воровствѣ; другая, пьяная, едва не зарѣзала его.

Я слышала все это и мнѣ гадко было думать о Лачиновѣ. Я только слышала объ этомъ гадкомъ Лачиновѣ и почти не знала его. Когда братъ сталъ ходить къ нему, онъ изрѣдка заѣзжалъ къ намъ, чтобы показать, что не тяготится частыми посѣщеніями Гриши, самъ зоветъ его бывать почаще. Я уходила. Въ 1849 году мелькомъ видѣла его однажды, входящаго къ намъ; послѣ я всегда успѣвала уйти къ себѣ на мезонинъ и, какъ сказала, ни разу не видѣла его въ 1850 и 1851 году.—Въ 1849 году, въ началѣ знакомства брата съ нимъ, я старалась убѣдить Гришу бросить этого дурного человѣка, какъ тоже упомянула. Но потомъ перестала говорить о немъ и съ братомъ, потому что Гриша только сердился. Я почти забыла о существованіи Лачинова, когда братъ лѣтомъ 1851 года уѣхалъ въ Казань.

Этотъ Лачиновъ, гадкій человѣкъ, о которомъ я забыла, только совершенно закрылъ отъ меня того молодого человѣка, котораго я видѣла, когда была двѣнадцатилѣтнею дѣвочкою.

Я видѣла его тогда, въ 1845 году, раза четыре у Ершовыхъ, нашихъ близкихъ знакомыхъ. Татьяна Федоровна Ершова была двоюродная тетка его. Въ то лѣто семейство Лачинова жило, противъ обыкновенія, не въ деревнѣ, а въ губернскомъ городѣ. Онъ пріѣхалъ на каникулы. Онъ уже три года былъ въ университетѣ. Изъ разговоровъ его помню, что онъ хвалилъ маменькѣ Гришу, называлъ его умнымъ мальчикомъ; поддерживалъ маменьку въ мысли, что когда Гриша кончитъ курсъ въ гимнази, то не слѣдуетъ отдавать его на службу, а непременно должно послать въ университетъ. Помню, маменька была очень рада, слушая, что такой прекрасный и умный молодой человѣкъ хвалитъ Гришу. Еще я помню, что его спрашивали, почему онъ не въ студенческомъ мундирѣ, а носитъ статское платье, и онъ отвѣчалъ, что въ томъ году вышелъ изъ студентовъ и сдѣлался вольнымъ слушателемъ, и объяснялъ Ершовой и маменькѣ разницу между студентомъ и вольнымъ слушателемъ.

Тогда онъ очаровалъ собою всѣхъ людей нашего круга, видѣвшихъ его у Ершовыхъ. Потомъ, на три года онъ совершенно пропадалъ изъ виду у нихъ. Когда, въ 1848 году, онъ возвратился въ нашъ городъ, о немъ тотчасъ же стали говорить: „кажется, онъ испортился. Онъ ничего не дѣлалъ въ Москвѣ, только кутилъ. При такихъ дарованіяхъ, пробывъ шесть лѣтъ въ университетѣ, онъ пріѣхалъ домой ни съ чѣмъ“. Черезъ нѣсколько дней узнали, что онъ пріѣхалъ изъ Москвы потому, что промоталъ все.—Потомъ начались тѣ слухи, о которыхъ я говорила.—Онъ скоро пересталъ бывать у Ершовыхъ.

А сначала, онъ былъ у нихъ раза два, когда у нихъ собирались гости.

Въ оба раза я не видѣла его. Онъ не входилъ въ залъ, гдѣ мы танцовали. Пробылъ въ гостиной съ пожилыми дамами, пока не устроился преферансъ.

На первомъ вечерѣ онъ сидѣлъ нѣсколько минутъ съ маменькою; разговорившись, вспомнилъ, что у нея есть сынъ, который 3 года тому назадъ поправился ему, показался умнымъ и любознательнымъ мальчикомъ. — На другой день между нашихъ разговоровъ о вечерѣ маменька пересказала всѣмъ намъ, что Лачиновъ помнитъ и хвалитъ Гришу. Когда у Ершовыхъ былъ опять вечеръ, братъ подошелъ къ Лачинову, сталъ разспрашивать его о Московскомъ университетѣ. Лачиновъ былъ очень ласковъ, общалъ давать Гришѣ книгъ, журналы.

Потомъ, какъ я сказала, я видѣла мелькомъ однажды Лачинова, когда онъ входилъ къ намъ. Спорила противъ него съ Гришею. Потомъ перестала говорить о немъ съ братомъ и не видѣла ни разу въ остальные два года ученія Гриши въ гимназій. Потомъ, когда Гриша уѣхалъ въ Казань, цѣлый годъ ничто и не напоминало мнѣ о Лачиновѣ.

Семь лѣтъ или думать о человѣкѣ очень дурно, избѣгать видѣть его, или большую часть этого времени, вовсе и не помнить о немъ, — и вдругъ замѣтить, что въ моемъ миломъ я люблю его, какимъ видѣла за семь лѣтъ!

И тогда, въ 1845 году, что-жъ я была для него, что-жъ онъ могъ быть для меня? — Ему было тогда 23 года, мнѣ — двѣнадцать. Я видѣла его, онъ и не замѣтилъ меня.

Какъ же могло быть это, что его тогдашнія, совершенно забытыя мною черты постепенно воскресали въ моей памяти? — Онъ былъ до такой степени забытъ мною, что его тогдашнее лицо, быть можетъ, нѣсколько недѣль рисовалось передъ моими глазами, и я не узнавала, чье это лицо; думала нѣсколько дней и все не могла вспомнить.

Братъ былъ съ нами уже третій день. Вѣроятно, въ эти дни онъ не разъ упоминалъ фамилію своего знакомаго, — вѣроятно, потому что уже былъ у него; — лицо моего милаго, весь характеръ моего милаго были такъ чужды этому знакомому брата, что я слышала о немъ и не вспоминала; быть можетъ, и потому, что старалась пропустить безъ вниманія фамилію этого гадкаго человѣка.

И вдругъ, — это было 25 іюня, — въ моихъ невнимательныхъ ушахъ прозвучали громкія слова брата: „я иду къ Лачинову“, и я вздрогнула, вслыхнула: Лачиновъ — это онъ!

Я поспѣшно допила чай и ушла въ мою комнату. Весь вечеръ я думала: что-жъ это, какъ-же это онъ — Лачиновъ? Я не могла понять ничего. Мнѣ было только стыдно за моего милаго, что онъ — Лачиновъ. Какъ я запишу это въ мой Дневникъ? — я писала въ него все; какъ я запишу въ него такой стыдъ: „я влюблена въ Лачинова?“ — Я не писала въ этотъ день своего Дневника. Я сказала себѣ: я разлюблю его. День шель за днемъ. Теперь каждый день, неотступно весь день, весь вечеръ я думалъ о моемъ миломъ, все хотѣла разлюбить Лачинова, сдѣлать, чтобы мой милый не былъ онъ.

— Ты задумчива, или грустна, Лиза, сказала маменька: — я замѣчаю уже два дня, что ты какая-то унылая.

— У меня болитъ голова, маменька, сказала я.

— Напейся липоваго цвѣта или малины.

— Нальюсь, маменька.—И вечеромъ налила себѣ липоваго цвѣта. Я уже должна была притворяться!—Боже мой, что это со мною? Боже мой, какая гадкая стала и я сама! Вотъ, что значитъ полюбить дурного человѣка!—Какъ я запишу это, что стала притворщицею, обманула маменьку?—И я не вела моего Дневника.

Я не знаю, сколько дней прошло въ этомъ.—Лачиновъ... Лачиновъ... Мнѣ уже хотѣлось слышать о Лачиновѣ. Но какъ я могу слышать о немъ? Того, моего Лачинова, уже давно, давно нѣтъ. Этого, дурного, гадкаго, я ненавижу; объ этомъ стыдно и гадко мнѣ говорить.—И все-таки я заговорила.

Братъ вошелъ въ мою комнату за книгою и, взявъ ее, пошелъ читать на мой балконъ.

— Ты давно не былъ у своего Лачинова, сказала я.

— Лиза, это нехорошо. Зачѣмъ быть такою злою? Къ чему эта насмѣшка, даже хуже, какая-то ненависть? что онъ сдѣлалъ тебѣ? И развѣ я надоѣдаю тебѣ имъ? Кажется, еще ни разу не произносилъ его фамиліи.

— Двадцать разъ. Я не понимаю, какъ можно быть дружно съ такимъ дурнымъ человѣкомъ.

— И не поймешь, потому что...—Лягушки сидятъ въ своемъ болотѣ, и квакаютъ, проворчалъ братъ сквозь зубы.—И думаютъ, что очень пріятно жить въ ихъ болотѣ. Человѣкъ тонетъ въ немъ; это для нихъ скандалъ, безнравственность.

— Кто-жь держитъ его въ нашемъ болотѣ?

— Лиза, я не узнаю тебя. Ты была хороша тѣмъ, что по крайней мѣрѣ не говорила, когда не понимала. Съ чего ты вдругъ вздумала быть злой? — Братъ съ досадою ушелъ.

Неужели этотъ разговоръ перевернулъ всѣ мои мысли, всѣ мои чувства? — По крайней мѣрѣ, я не помню ничего другого. Правда, впрочемъ, я всегда была добра; правда, никогда не любила бранить людей. Я всегда любила только жалѣть о тѣхъ, которыхъ осуждала. Я думаю, что и до этого разговора я плакала, зачѣмъ мой Лачиновъ сталъ такимъ, о которомъ стыдно, гадко мнѣ думать. Не помню, когда я начала плакать объ этомъ. Помню только, что сначала я улыбалась за себя, когда узнала моего милаго въ немъ, потомъ стала плакать о немъ.

Неужели нельзя спасти его?—думала я.—Я должна спасти его...

Я не знаю, въ какой день я написала; я знаю только въ какой день онъ прочелъ мое письмо.

„Я люблю васъ. Я должна спасти васъ. Вы должны быть добрый: вы такъ любите брата; онъ всегда защищалъ васъ. Вы были противенъ мнѣ,—какъ же я полюбила васъ? Вы не такой, какой вы теперь. Я видѣла васъ въ 1845 году. Тогда, вы были прекрасный; всѣ хвалили васъ. Пріѣзжайте къ намъ. Я люблю и спасу васъ. Л. Свилина.“

Это письмо хранится у меня. На немъ рукою Лачинова написаны цифры 11. Это значить „11 июля“. Цифры эти написаны много разъ,—вверху, внизу, на строкахъ;—будто онъ сидѣлъ, задумавшись, и машинально чертилъ, чертилъ...

Я положила это письмо въ одну изъ книгъ Лачинова, собрала нѣсколько книгъ, связала ихъ шнуркомъ и ждала, когда братъ пошелъ къ Лачинову.— „Гриша!“—скричала я съ балкона, когда онъ сталъ сходить съ крыльца:— „Я забыла: возьми, отнеси эти книги“.—„Бросай, я ловлю“, сказалъ онъ.— Я бросила.

Что, если онъ развяжетъ? или Лачиновъ развяжетъ при немъ?— „Гриша!“ — кричала я, выбѣгая на крыльцо:— „Гриша, вернись! Я забыла!“ - Но онъ былъ уже за воротами. Я подбѣжала къ окну на улицу; братъ шелъ уже дальше губернаторскаго дома.

Гриша принесъ нѣсколько книгъ въ замѣнъ отданныхъ. Не сказалъ мнѣ ничего особеннаго.

Прошло нѣсколько дней; — сколько, не знаю. Но по числу, выставленному Лачиновымъ на письмѣ, я знаю, что это было 12 юля, когда братъ, вернувшись поутру отъ Лачинова, пришелъ въ мою комнату и началъ говорить со мною такимъ тономъ, какъ никогда.

— Лиза, я не обращалъ на тебя вниманія, потому что думалъ, что ты такая же, какъ всѣ эти ваши Машеньки, Пашеньки, Ташеньки. А ты изъ нашихъ! Сестра души моей! Скромница!

Братъ стиснулъ меня такъ, что я задохнулась, и поцѣловалъ.—Онъ все знаетъ! Лачиновъ все рассказалъ ему!

— Скромница! Ты все молчала, но теперь я понялъ тебя! Я не умѣлъ прежде оцѣнить тебя, но теперь ты другъ мой на всю жизнь! У насъ съ тобою одна дорога!.. Онъ началъ и началъ о томъ, что родство по крови ничего не значитъ безъ духовнаго родства, что мы родня по духу;—о положеніи женщинъ, о правахъ женщины, — о прогрессѣ...

Я лишь наполовину понимала его, потому что онъ употреблялъ много мудреныхъ словъ, а я тогда еще не читала почти ничего, кромѣ романовъ, повѣстей, стиховъ;—я не могла и слѣдить со вниманіемъ за его словами;—что будетъ со мною?

— Я услышалъ все это о тебѣ отъ Лачинова, продолжалъ братъ, нагорячившись о прогрессѣ и свободѣ: — гдѣ ты видѣла его? Онъ говоритъ, что ты необыкновенная дѣвушка: ужасно хвалилъ тебя. — Не стыдно ли тебѣ, что ты такъ зло нападала на него? Онъ разспрашивалъ о тебѣ; безъ него, я долго не понялъ бы тебя, потому что ты все молчишь. Гдѣ ты видѣла его?—Я забылъ спросить у него.

— Я нигдѣ не видѣла его, сказала я.—Слава Богу, онъ ничего не сказалъ ему!

— Отчего-жь онъ такъ заинтересовался тобою? Онъ хочетъ пріѣхать къ намъ.

— Гриша!—Боже мой, пріѣхать къ намъ!—Проси его не дѣлать этого!

— Что это значитъ, Лиза? Неужели мы, онъ и я, ошиблись въ тебѣ?

— Ради Бога, Гриша! Я боюсь его! Я не выйду къ нему!

— Странно! сказалъ братъ, размахисто пожавъ плечами, и началъ ходить по комнатѣ. —Понимаю, сказалъ онъ, остановившись передо мной и обративъ на меня увѣренный взглядъ:—Застѣнчивость. Онъ не съѣстъ тебя, прибавилъ онъ, разразившись хохотомъ. — Это ваша провинціальная дикость, пояснилъ онъ одобрительно.

— Все равно, Гриша: застѣнчивость, дикость; но умоляю тебя, проси его не быть у насъ. Ты долженъ сдѣлать это.

— Хорошо, я скажу; но прибавлю отъ себя, что я прошу его пріѣхать, покровительственно сказалъ братъ:—это смѣшно, Лиза, и никто не простилъ бы тебѣ такой провинціальной наивности. Но я понимаю, что нельзя же вдругъ бросить предразсудки.

— Ради Бога, Гриша, исполни мою просьбу, сказала я ему на другой день поутру, видя, что онъ идетъ къ Лачинову.

— Я сказалъ, что передамъ ему твое желаніе; но прибавлю, что смотрю на это, какъ на ребячество.

— Онъ ушелъ. Въ двѣнадцатомъ часу я услышала шумъ экипажа, быстро въѣзжавшаго на нашъ дворъ. Это онъ, подумала я, и убѣжала въ свою комнату. Это былъ онъ вмѣстѣ съ братомъ. Я слышала голоса ихъ и маменьки въ гостиной.

Черезъ полчаса братъ вошелъ въ мою комнату.—что-жь, Лиза, такъ и не выйдешь?

— Нѣтъ, сказала я.

— Пойми, что это глупо.—Братъ прошелся по комнатѣ и остановился передо мною:—Пойдемъ.—Я сдѣлала отрицательный знакъ.—Нѣтъ? Ну, какъ хочешь.—Онъ опять походилъ по комнатѣ и остановился:—Пойдемъ же, говорю тебѣ.—Нейдешь?—Ну, хорошо же.—Онъ еще сердитѣе нахмурился и ушелъ.

Чѣмъ онъ грозитъ мнѣ?—Неужели онъ приведетъ его сюда?—Я сошла до площадки на поворотѣ лѣстницы съ моего мезонина и стала прислушиваться къ разговору въ гостиной. Маменька и Лачиновъ говорили о городскихъ новостяхъ. Братъ молча ходилъ по комнатѣ; остановился,—вѣроятно, передъ Личиновымъ, и сказалъ своимъ густымъ басомъ:

— Вы говорили вчера, Петръ Николаевичъ, что любите хорошіе виды: не хотите ли взглянуть, какой славный видъ на Волгу съ нашего балкона? Пойдемъ. Я сбѣжала до послѣдней ступеньки лѣстницы.—„Уйду къ Машенькѣ“.

— Нѣтъ, Гриша. Мнѣ трудно входить на лѣстницы, вы знаете.

Слава Богу!—Я вернулась на свой мезонинъ.

Скоро Лачиновъ уѣхалъ. Братъ весь день хмурился на меня.

Черезъ два дня братъ и Маменька вздумали, что можно бы ѣхать за городъ. Я всегда была рада этому. Наши старшіе всегда соглашались, если лошади не были утомлены утреннею ѣздой по хозяйству. Рѣшено было: поскорѣе обѣдать и ѣхать въ садъ Громова.

Такъ же, какъ садъ Буркина, садъ Громова хорошъ тѣмъ, что при немъ есть большая роща. Дорожки по отлогой части ея усыпаны пескомъ, и въ главной аллеѣ сдѣланы дерновыя скамьи. Въ серединѣ сада устроена китайская бесѣдка.

Въ половинѣ юля съемщики садовъ еще не боятся за яблоки, когда приѣзжаютъ посѣтители съ дѣтьми. Намъ предложили бесѣдку. Наши старшіе, погулявши по саду, расположились въ ней. Дѣти остались около качель, которыя сдѣланы на двухъ ветлахъ братъ и Аркаша. Аркаша остался присматривать за дѣтьми. Мы съ Машенькою и братомъ пошли гулять по рощѣ.

Мы прошли нѣсколько дорожекъ, вышли въ главную аллею. Впереди насъ на дерновой скамьѣ, сидѣлъ мужчина въ сѣромъ пальто и чертилъ палкою по песку. Широкія полы соломенной шляпы закрывали верхнюю половину его лица, наклоненнаго къ землѣ. Сердце тоскливо забилося во мнѣ. Вотъ за чѣмъ братъ устроилъ эту поѣздку! Что будетъ со мной?

При нашемъ приближеніи мужчина всталъ. Я поблѣднѣла, хоть предчувствовала, кто онъ.

Лачиновъ поклонился мнѣ и Машенькѣ.—„Я былъ въ бесѣдкѣ, и мнѣ ска-

зали, что вы здѣсь “—Онъ пошелъ подлѣ меня. Братъ взялъ Машеньку подѣ руку и они замедлили шагъ. Я осталась впереди, одна съ Лачиновымъ.

Мы шли молча. Я не смѣла поднять глазъ отъ земли. Я слышала, что шаги Машеньки удаляются; удалились.

— Безотраднa ваша жизнь, Лизавета Арсеньевна, сказалъ онъ и замолчалъ. Я шла, потупивъ глаза въ землю.

— Темнa, безотраднa ваша жизнь, Лизавета Арсеньевна. Бѣдная вы!— опять сказалъ онъ тихо и замолчалъ.

Грудь моя надрывалась.

— Будьте добры, сядемъ. Я очень устаю ходить.

Онъ взялъ меня за руку и сдѣлалъ шагъ въ сторону аллеи, къ дерновой скамьѣ. Я уступала движенію, подводившему меня къ скамьѣ, и сѣла подлѣ него, не поднимая глазъ отъ земли.

Онъ сидѣлъ, нагнувшись, и чертилъ палкою по песку.

„Для кого расцвѣла? Для чего развилась?“

тихо проговорилъ онъ:—Бѣдная вы, Лизавета Арсеньевна.—И опять замолчалъ—вы очень добрая, Лизавета Арсеньевна. Жаль васъ.

Я давно плакала.

— Зачѣмъ родятся такія дѣвушки, какъ вы?—Имъ некого полюбить. Я не стою того, чтобы любить меня.

— Я такъ давно полюбила васъ!—Я стерла слезы и подняла глаза на него;—онъ, онъ, мой милый! Унылый, блѣдный, больной, но онъ! Его добрый взглядъ!—Я такъ давно полюбила васъ!—Я бросилась на шею ему.

Онъ тихо удержалъ мои руки, не допустилъ меня обнять его.—Нѣтъ, я не стою того, чтобы любить меня. Вы раскаялись бы.—Онъ тихо заставилъ меня сѣсть.

— Нѣтъ, я знаю, вы такой же, какъ были тогда... Любите меня. Кого же мнѣ любить?.. Я такъ давно полюбила васъ...

— Вы позволите мнѣ бывать у васъ, Лизавета Арсеньевна? Вы сохраните доброе расположеніе ко мнѣ. Но вамъ нельзя любить меня.

Онъ всталъ, подаль мнѣ руку, и мы медленно пошли къ нашимъ, къ бесѣдкѣ.

Онъ просидѣлъ съ нашими до поздняго вечера.—Я не могла оставаться съ ними въ бесѣдкѣ. Я опять ушла на ту скамью.—Я боялась, что братъ придетъ ко мнѣ и станетъ говорить. Нѣтъ, онъ не пришелъ; никто не приходилъ, ни Машенька, ни Аркаша. Никто не помѣшалъ мнѣ... Потомъ, пришелъ Аркаша и сталъ рассказывать мнѣ о Казани. Всегда всѣ были добры ко мнѣ. И потомъ, Аркаша никогда ничего не говорилъ мнѣ.

Лачиновъ уѣхалъ нѣсколько раньше насъ и взялъ съ собою брата.

Послѣ этой прогулки обращеніе брата со мною совершенно перемѣнилось. Онъ сдѣлался очень внимателенъ ко мнѣ; сталъ учить меня по-французски; и Аркаша иногда занимался со мною французскимъ языкомъ. Когда они уѣхали въ Казань, я ужъ могла одна продолжать свои занятія.

Братъ измѣнился ко мнѣ и въ другомъ. Онъ пересталъ вмѣшиваться въ мои отношенія къ Лачинову.

Лачиновъ былъ у насъ разъ десять въ эти два мѣсяца до отъѣзда брата. Иногда

мы сидѣли всѣ вмѣстѣ, — то есть, и мы, и Каталонскіе; иногда, мы втроемъ: онъ я и маменька, или онъ, я и братъ. Но больше, мы съ нимъ вдвоемъ, въ моей комнатѣ.

Маменька очень полюбила его.

— Я не понимаю васъ, Петръ Николаичъ, говорила она: — какъ же это можно, не имѣть силы воли? развѣ человѣкъ не долженъ имѣть власть надъ собой?

— Я не понимаю васъ, Петръ Николаичъ, говорилъ братъ: — почему же не кутить, когда нечего дѣлать? но если видишь надобность бросить это, какъ же не бросить при нашихъ стремленіяхъ? И кромѣ того, это скоро надоѣдаетъ.

Можетъ быть, я не умѣла бы даже и теперь объяснить, какъ могъ Лачиновъ упасть до такой стени. „Дурная привычка при слабости характера“, говорила маменька и братъ, говорилъ обыкновенно и самъ онъ. — Во время его первой молодости пьянство было модою въ кругахъ передовой молодежи. Потомъ, онъ попалъ въ дурное общество. Такъ погибали многіе по слабости характера. Но полагается ли кто нибудь на безхарактернаго человѣка? — На Лачинова полагались всѣ. Если онъ скажетъ: „это будетъ сдѣлано“, всѣ знали, что будетъ сдѣлано. Не было примѣра, чтобъ онъ отступался отъ дѣла, за которое брался. Не онъ поддавался вліянію другихъ въ безобразной жизни: онъ господствовалъ надъ компаньонами своего грязнаго кутежа, сѣдыми псовыми охотниками, покровителями цыганокъ. Они спрашивали его совѣта, дѣлали его рѣшителемъ своихъ гадкихъ ссоръ. — Сначала, онъ числился къ канцеляріи губернатора; онъ имѣлъ вліяніе не только на него, и на канцелярію. Сохранялъ силу надъ губернаторомъ и теперь, когда былъ засѣдателемъ уголовной палаты, а въ палатѣ господствовалъ: смѣнилъ секретаря, заставилъ молчать предводителя, и велъ всѣ дѣла. Это ли называется безхарактернымъ человѣкомъ? — И когда онъ говорилъ про свою жизнь: „это отъ безхарактерности“, надобно было только видѣть и слышать, какъ спокойно, холодно, небрежно произноситъ онъ эти слова, и вы убѣждались, что они — пустая отговорка: люди слабаго характера не говорятъ о своей безхарактерности съ такимъ равнодушіемъ.

Поэтому, мнѣ больше нравятся тѣ слова, которыя онъ говорилъ, когда хотѣлъ говорить.

IV.

Я и Лачиновъ.

На другой день послѣ нашего свиданія въ аллеѣ братъ обѣдалъ у него. Вечеромъ они пріѣхали вмѣстѣ. Я не пошла внизъ: что стали-бы мы говорить при другихъ? Я ждала: онъ взойдетъ ко мнѣ; мы будемъ одни.

Онъ взошелъ вмѣстѣ съ братомъ. Теперь братъ не выдалъ меня ему: братъ понялъ мой умоляющій взглядъ и оставилъ насъ.

— Вы очень много перемѣнились въ эти три года, сказалъ онъ, когда мы остались одни: — Я не узналъ бы васъ.

— Что пользы, Петръ Николаичъ? сказала я.

— Я хотѣлъ видѣть васъ, чтобы отдать ваше письмо, сказалъ онъ: — Я не

хотѣлъ довѣрять его Гришѣ, я не могъ подвергать васъ опасности, возвращая его въ книгѣ. Я не отдалъ его. Это потому, что я не видалъ васъ три года. Вы много перемѣнились. Я не отдамъ его. Вы много перемѣнились.

— Что пользы, Петръ Николаичъ?—сказала я:—Я понимаю свое безразсудство.

— Нѣтъ, Лизавета Арсеньевна: оно не въ томъ, о чемъ вы думаете, ска- залъ онъ.

Ему не трудно было угадать мысль, которая возвратила меня къ унылому благоразумію. Все говорило о ней: березовая мебель нашей гостиной, ситцевое платѣ матушки, бѣлыя стѣны моей комнаты безъ обоевъ, бѣлыя полосы ея кра- шенаго пола, простые крашеные стулья, кровать, столикъ въ ней, мое кисейное платѣ, мытое два раза.

— Ваше безразсудство не въ томъ, о чемъ вы думаете, Лизавета Арсеньевна, сказалъ онъ:—Если-бъ я могъ перемѣниться... Но это невозможно. Выслушайте меня: я буду говорить съ вами откровенно.

Мнѣ странны были слова, которыя я услышала отъ него. Тогда я мало по- нимала ихъ; не совѣмъ понимаю и теперь. Но помню. Мы часто возвращались къ этому, когда я говорила, что не вѣрю въ его безхарактерность, и доказывала, что онъ долженъ перемѣниться, и можетъ, если захочетъ.

— Правда ваша,—отвѣчалъ онъ на это:—у меня нѣтъ недостатка въ силѣ воли; но моя воля не имѣетъ причины измѣняться. Я давно потерялъ охоту до- рожить собою; потому что потерялъ всякое уваженіе къ себѣ. Не подумайте, что моя пошлая жизнь отняла его у меня. Нѣтъ: пьянство, игра, кутежъ, эти вещи не важны; я стыдился-бъ ихъ лишь тогда, если бы думалъ, что онѣ въ самомъ дѣлѣ занимаютъ меня. Я знаю, что если бы захотѣлъ, безъ усилія бросилъ бы эти пустяки. Я выше ихъ; они не мараютъ меня передо мною самимъ. Но есть другая вещь, надъ которою я не властенъ: она настоящая причина моего неува- женія къ себѣ.

„Вашъ братъ не можетъ согласиться со мною; не согласитесь и вы; но по крайней мѣрѣ вы видите, что я говорю искренно. Я пренебрегаю собою за то, что ни къ чему не гожусь. Когда явилось во мнѣ это сознаніе, я безусловно отдался всякимъ пошлостямъ, потому что не для чего стало беречь себя. Въ этомъ чувствѣ разница между мною и другими.

„Вашъ отецъ служить, и думаетъ, что его служба полезна обществу. Какъ онъ понимаетъ надобности и пользы общества, это все равно. Другіе могутъ по- нимать ихъ лучше, нежели онъ; но точно такъ же думаютъ, что служатъ имъ. Они уважаютъ свой трудъ. Я много работалъ, когда былъ чиновникомъ особыхъ порученій; теперь работаю еще больше: я веду всѣ дѣла въ палатѣ. У меня остается гораздо больше свободнаго времени, чѣмъ у вашего батюшки и у дру- гихъ, о которыхъ говорятъ, что они служатъ усердно. Но это лишь потому, что я работаю гораздо быстрѣе ихъ: я въ пять минутъ разбираю дѣло, надъ которымъ они сидятъ по суткамъ; пишу на одной страницѣ то, что они растягиваютъ на десять листовъ. Я дѣлаю гораздо больше, чѣмъ они. Но вся эта работа—пере- сыпанье изъ пустого въ порожнее. Нельзя ничего дѣлать такъ, чтобъ изъ этого дѣйствительно выходила польза обществу. Да и нѣтъ въ дѣлахъ, надъ которыми

всѣ мы работаемъ, ничего такого, что относилось бы къ надобностямъ общества. Всѣ эти дѣла — безсмыслица. Я толку воду.

„Вы шьете платье вашей сестрѣ. Вы чувствуете, что эта работа и нужна, и полезна. Но представьте себѣ, что въ вашей иглѣ не вдѣта нитка. Вы только вкалываете и вынимаете иглоку. Вы заняты. Но ваше занятіе не производитъ никакого дѣйствія: куски остаются неспитыми; вы только прокалываете ихъ, только портите. Можно ли уважать свою работу, когда вы знаете, что нѣтъ, — и не только нѣтъ, не будетъ, не можетъ быть никогда нитки въ вашей иглѣ? можно ли уважать себя? — становись отвратителемъ самому себѣ и думаешь: пропадай я, того я и стою, туда мнѣ и дорога, въ пошлость и безсмысліе.

„Вотъ разница между мною и солидными людьми. Я работаю такъ же, какъ они, больше, лучше, чѣмъ они. Но я вижу, что въ нашихъ иглахъ нѣтъ нитокъ. Они этого не видятъ и чувствуютъ себя людьми почтенными, полезными. Я пренебрегаю собою, а ихъ даже и не презираю: я не считаю ихъ людьми. — Они жалуются на мою гордость; мнѣ, выказывать свою гордость передъ ними? — Я не удостоиваю ихъ этого. Я любезенъ и снисходителенъ съ этими кретинами. Но ихъ стыдитъ то, что у меня нѣтъ зоба.

„Есть другіе люди; — больше юноши; но иные остаются такими и до моихъ лѣтъ, и до старости. Здѣсь ихъ мало; вы, я полагаю, видѣли только одинъ образчикъ ихъ — это вашъ братъ; немножко таковъ же и его товарищъ. Они имѣютъ убѣжденія, — тѣ же самыя, какія имѣю я. Но они думаютъ, что когда нибудь могутъ сдѣлать что нибудь для ихъ осуществленія; что ужъ и теперь могутъ сдѣлать что нибудь. Поэтому они уважаютъ себя въ настоящемъ, дорожатъ собою для будущаго. Я не могу раздѣлять ихъ самообольщенія. Передѣлать общественную жизнь! — объ этомъ хорошо было мечтать дѣдамъ нынѣшнихъ французовъ: они не имѣли никакого историческаго опыта. Я вижу, что во Франціи, слава Богу, все остается по прежнему, несмотря на шестидесятилѣтнія хлопоты фалантроповъ и революціонеровъ. По прежнему, господствуютъ предрасудки, голодаеть народъ, наживаются плуты, самовластвуютъ администраторы, раболѣпствуетъ толпа. Но то, еще Франція. А мы живемъ въ Россіи. Передѣлать по нашимъ убѣжденіямъ жизнь русскаго общества! — Въ молодости натурально думать о всяческихъ химерахъ. Поэтому я снисходителенъ къ тѣмъ фантазерамъ, которые не старше вашего брата. Но въ мои лѣта было бы стыдно сохранять наивность. Человѣкъ неслучайно долженъ рано отстать отъ нея. Они такіе же слѣпцы; они тоже не видятъ, что въ иглѣ нѣтъ нитки. Я уважаю ихъ превосходныя желанія, — смѣюсь надъ ними съ горемъ пополамъ. Я даже не могу завидовать имъ, хоть ихъ самообольщеніе и даетъ имъ возможность дорожить собою. Оно слишкомъ нелѣпо. Дорожить собою — это пріятно; но быть глупымъ — я не могу жалѣть о томъ, что я не мальчишка. Я давно сталъ совершеннолѣтнимъ, давно увидѣлъ, въ какомъ обществѣ я живу, какой страны, какой націи сынъ я. Хлопотать надъ примѣненіемъ моихъ убѣжденій къ ея жизни, значило бы трудиться надъ внушеніемъ волю моихъ понятій о ярмѣ. Къ чему же пригодны мои убѣжденія? — ни къ чему. Они бесплодны, я презираю ихъ. А они — самое лучшее, что есть во мнѣ. Какъ же, презирая ихъ, не презирать мнѣ всего остальнаго въ себѣ, не презирать всего себя?

„Зачѣмъ же я сталъ бы дорожить собою? — человѣкъ, ни на что ненужный, убивай какъ нибудь свое время и самого себя.

— „Измѣниться?—Зачѣмъ?”

„Для такой націи, какъ моя, хорошъ я и такой, какимъ вы видите меня. Лучшаго не нужно ей. Я не дуракъ, чтобы предлагать то, чего не нужно никому“.

Онъ не скрывалъ отъ меня, что онъ жалокъ; потому что я искренно плакала о немъ.

Но гораздо больше, нежели о себѣ, онъ говорилъ со мною обо мнѣ.

— Вы видѣли меня, когда были двѣнадцатилѣтней дѣвочкой; потомъ слышали обо мнѣ дурное я, если думали иногда, то лишь съ отвращеніемъ; потомъ совершенно забыли о моемъ существованіи; какъ же вспомнился вамъ юноша, котораго видѣли вы только въ вашемъ дѣтствѣ и который тогда исчезъ изъ вашихъ воспоминаній, лишь только исчезъ изъ глазъ?

„Двѣнадцатилѣтній ребенокъ, вы забыли меня; но прошли долгіе годы и въ васъ начала пробуждаться потребность любви. Вы стали осматриваться около себя, кого бы полюбить. Некого. Старались хотъ припомнить себѣ, кого бы могли вы полюбить: нѣтъ; не только между людьми, окружавшими васъ, даже между тѣми, которые вспоминались вамъ, не было человѣка, о которомъ пріятно было бы вамъ подумать. Вамъ надобно было дойти въ этомъ обзорѣ назадъ до лѣтъ вашего дѣтства, до его мимолетныхъ впечатлѣній, ничтожныхъ, ускользящихъ отъ васъ, чтобы вамъ представилось хотъ одно лицо, отъ котораго вы не отвернулись бы.“

„Почему-жь не могли вы не отвращаться отъ людей, которые были подлѣ васъ, или хотъ когда-нибудь были болѣе близки къ вамъ, чѣмъ этотъ едва замѣтный для васъ юноша?—Вы говорите „я горда, я мечтательница“. Нѣтъ, Лизавета Арсеньевна, это напрасно. Дѣло просто и никакъ нельзя приписывать его вашей винѣ.“

„Въ вашъ кругъ проникаютъ средства развиваться, становится въ уровень съ передовыми людьми общества и по образованію, и по нравственнымъ потребностямъ чрезъ это пріобрѣтаетъ и внѣшнія формы развитыхъ людей, то, что называется хорошимъ тономъ. Юноши вашего круга, которымъ удастся получить такое развитіе, выигрываютъ. Съ восемнадцати, съ двадцати лѣтъ они видятъ передъ собою карьеру, недоступную тѣмъ ихъ товарищамъ, которые остались на ступени развитія ихъ отцовъ, пожилыхъ столоначальниковъ и тому подобныхъ маленькихъ людей. И общество видитъ, что этимъ юношамъ предстоитъ хорошая карьера. Потому для нихъ открываются двери круговъ, которые гораздо выше ихъ родного, темнаго и скуднаго. Въ тридцать лѣтъ вашъ братъ будетъ занимать положеніе, равное людямъ, которые родились въ семействахъ нашей провинціальной аристократіи, — быть можетъ поднимется уже выше ихъ. Это всѣ знаютъ. Какъ же эти семейства не стали бы принимать его и теперь, какъ равнаго ихъ дѣтямъ?”

„Могутъ ли ваши развитые молодые люди отказываться переходить въ эти высшіе круги? Могутъ ли оставаться въ своемъ родномъ? Это было бы нелѣпостью. Кто не предпочтетъ хорошую обстановку дурной? И вотъ, всѣ молодые люди вашего круга, въ которыхъ есть умъ, энергія, образованность, выходятъ изъ него въ общество, которое выше, богаче, изящнѣе вашего. У васъ остаются только тѣ, которые во всемъ далеко отстали отъ своихъ товарищей, только тѣ, которые забракованы обществомъ.“

„И если-бъ эти забракованные оставались людьми безъ претензій!—но и того нѣтъ. Они не успѣли сдѣлаться людьми образованными, потому что у нихъ нѣтъ

любви къ просвѣщенію или они слишкомъ обдѣлены умомъ. Но они слышали кое-что, и хотятъ играть изъ себя просвѣщенныхъ людей. Они рассуждаютъ о литературѣ, объ искусствѣ, обо всемъ на свѣтѣ, — и каждое слово ихъ деретъ вамъ уши. Они не могли войти въ свѣтъ, потому что онъ не нашелъ въ нихъ свѣтскихъ качествъ; но они видѣли кое-что, и воображаютъ, что умѣютъ держать себя свѣтскими людьми: танцуютъ, любезничаютъ; — и въ каждомъ ихъ движеніи — граціозность обезьяны.

— Не всѣ наши молодые люди имѣютъ претензіи, не всѣ смѣшны, возразила я.

— Не всѣ, отвѣчалъ онъ: — но эти скромные, несмѣшныя молодые люди вашего круга еще ступенью ниже смѣшныхъ. Они тихи, смиренны, потому что другіе молодые люди безпрестанно напоминаютъ имъ о ихъ ничтожествѣ, а ваши подруги не скрываютъ презрѣнія къ нимъ. Они — забраккованные даже вашимъ кругомъ. Это идиоты. Вы можете жалѣть ихъ, быть ласкова съ ними, — но только потому, что чувствуете себя безопасно отъ нихъ. — А попробуйте представить себѣ, что кто-нибудь изъ нихъ женится на порядочной дѣвушкѣ — вы содрогнетесь. И невозможно не содрогаться, когда животное, — хоть бы и самое кроткое, — получаетъ власть надъ человѣкомъ.

„Жалка судьба дѣвушки нашего круга, когда она становится развитымъ человѣкомъ. Она лишается всякой вѣроятности счастья. Ей нѣтъ хода впередъ. Она остается привязана къ той мелкой, скудной, неподвижной жизни, въ которой прозябаютъ люди, обракованные обществомъ. Можетъ ли она подняться, какъ ея братъ, можетъ ли свѣтъ принять ее? Бѣдность молодого человѣка не мѣшаетъ ему ничѣмъ не отличаться отъ другихъ людей, съ которыми онъ равенъ по развитію: его костюмъ не кладетъ на него клейма униженія. На немъ то же черное сукно, та же шляпа, тѣ же сапоги, какъ у самыхъ богатыхъ свѣтскихъ людей. Кто одѣтъ богаче его, тотъ франтъ, глупый человѣкъ дурного тона, общее посмѣшище. Роскошь женскаго туалета не имѣетъ никакой границы, кромѣ денежныхъ средствъ. Небогатая дѣвушка прикована къ своему кругу уже платьемъ своимъ. Она была бы парія, если бы показала въ общество, которое выше ея состоянія. И какъ явится она въ него? Куда можетъ она показаться безъ матери, тетки, старшей сестры. Какъ бы ни была она развита, передъ нею заперты двери общества, въ которое уходятъ изъ ея круга всѣ порядочные молодые люди.

— Ни одна умная дѣвушка нашего круга не жалѣетъ, что большой свѣтъ недоступенъ для нея, говорила я: — мы понимаемъ, что насъ тамъ ждали бы только ежеминутныя униженія, огорченія. Нѣкоторыя изъ насъ попадаютъ въ него: гувернантки выходятъ изъ нашего состоянія; можемъ ли мы завидовать ихъ судьбѣ? Это самыя несчастнѣйшія изъ насъ.

— Я вовсе и не говорю, Лизавета Арсеньевна, что жизнь дѣвушекъ безъ состоянія была бы лучше, если бы свѣтское общество открывалось для нихъ: постоянно видѣтъ пренебреженіе, испытывать униженіе, быть ежеминутно отталкиваемыми назадъ — тутъ нѣтъ ничего завиднаго. Но это плохое утѣшеніе.

„Развитіе, которое такъ выгодно для братьевъ, убійственно сестрамъ. Дѣвушки вашего круга губятъ свое счастье, стремясь къ образованію. Впрочемъ, какъ винить ихъ за безразсудное влеченіе къ нему. Въ чемъ могутъ онѣ находить отдыхъ, развлеченіе отъ обременительныхъ мелкихъ заботъ, скучныхъ трудовъ,

утомительнаго однообразія своей жизни?—Только въ книгахъ. Поэтому не осуждайте себя, Лизавета Арсеньевна. Какъ было вамъ не полюбить эту единственную отраду, чтеніе?

„Но легко ли вамъ отъ того, что васъ нельзя порицать?—Вы стали гражданкою міра, недоступнаго вамъ въ жизни; его прелесть отняла у васъ возможность находить удовлетвореніе себѣ въ состояніи, изъ котораго нельзя вамъ выйти. Гдѣ въ вашемъ кругу мужчины, которые сколько нибудь соотвѣтствовали бы вашимъ требованіямъ?—Чтобы нравиться вамъ, человѣкъ долженъ быть неглупъ, образованъ. Всѣ такіе люди ушли изъ вашего общества. Они не женихи вамъ, они даже не кавалеры вамъ въ танцахъ. Они танцуютъ не въ вашихъ тѣсныхъ комнатахъ, а въ большихъ залахъ, гдѣ нѣтъ васъ, они шепчутъ слова любви не вамъ, а дѣвушкамъ, туалетъ которыхъ для одного бала стоитъ больше, чѣмъ всѣ расходы для вашего туалета за цѣлый годъ, больше, чѣмъ все ваше приданое. Между ними они находятъ и невѣсть себѣ.

„А вы?—вамъ остается выбирать между людьми, которые негодились для незнакомыхъ вамъ, болѣе счастливыхъ соперницъ;—между людьми, которыхъ не пускаютъ въ залы, гдѣ можно встрѣтить вашихъ болѣе счастливыхъ соперницъ.

„Вамъ остаются только забракованные. Что-жъ удивительнаго, что вамъ некого любить? какъ назову я васъ слишкомъ разборчивою за то, что вы не находите кого полюбить?—Нѣтъ, вы правы.

— Но легче ли вамъ отъ того, что вы права? — Бѣдная вы, Лизавета Арсеньевна.

— Что говорить обо мнѣ?—Бросимъ это, печально говорила я.

— А еще напраснѣе было бы говорить обо мнѣ. Говорить ли?—Теперь вы нѣсколько познакомились со мною. Кажется ли вамъ и теперь, что вы любите меня?— „Нѣтъ“, отвѣчаю я вамъ за васъ. Вы видите, что я человѣкъ благородный;—я надѣюсь, вы уважаете меня. Но вы чувствуете непобѣдимое отвращеніе ко мнѣ. Вы знаете, что я дѣлаю принужденіе надъ собою, когда являюсь къ вамъ такимъ, что вы можете выносить мое присутствіе. Это для меня парадные выѣзды. Вы знаете, что дома я не таковъ. Вы не можете безъ омерзѣнія думать о томъ, какъ идетъ моя жизнь.

„Ваши мечты требовали, чтобы передъ вами рисовалось какое-нибудь лицо. Между мужчинами, которыхъ видѣли вы около себя, не было ни одного, который не отталкивалъ бы отъ себя вашу мысль. Если бы случалось вамъ бывать въ галлерейхъ, вы не вспомнили бы меня: на какой-нибудь картинѣ вы нашли бы все, что было надобно вамъ. Если-бъ одарены были вы сильной фантазіей, вамъ не было бы надобности и въ картинѣ: ваше воображеніе создало бы лицо съ живыми чертами. Изъ того, что вамъ вспомнилось мое лицо, вы должны убѣдиться, что вы напрасно считаете себя мечтательницею: ваша фантазія очень слаба; она не могла создать ничего.

„Что-жъ такое для васъ тотъ я, о которомъ любили вы думать? — только портретъ. Не человѣкъ, нѣтъ, — лишь мечта, которая присвоила себѣ черты одного изъ людей совершенно чуждыхъ вамъ. Она не имѣетъ ничего роднаго съ человѣкомъ, который теперь сдѣлался вашимъ знакомымъ. Я совершенно чуждъ вашей душѣ.

— Нѣтъ, — говорила я.

— Согласенъ. Вы видите во мнѣ человѣка, который расположенъ къ вамъ и вы награждаете его расположеніемъ за расположеніе. Мы оба очень искренно желаемъ всего хорошаго другъ другу. Но вы ужаснулись бы мысли раздѣлить мою жизнь.

— Вы должны измѣниться, говорила и говорила я ему.

— Вы желаете мнѣ добра, но съ такою же надеждой, какъ я желаю вамъ встрѣтить человѣка, который былъ бы достойнымъ, хорошимъ мужемъ для васъ, — говорилъ онъ въ отвѣтъ.

Онъ былъ совершенно правъ. Очень скоро я убѣдилась, что онъ не въ силахъ измѣнить свой образъ жизни; и все отвращеніе, какое внушала мнѣ его дурная жизнь прежде, когда я знала ее только по скромнымъ, неяснымъ порицаніямъ родныхъ, было ничтожно передъ негодованіемъ и ужасомъ, какой чувствовала я теперь, когда разговоры брата съ Лачиновымъ яснѣе обрисовали для меня, какъ живетъ Лачиновъ, какъ погрязъ въ свою пошлую жизнь, съ какими людьми проводить онъ время. Лачиновъ щадилъ меня, избѣгалъ споровъ съ Гришею; но братъ преслѣдовалъ его неотступно, и онъ иногда не выдерживалъ, отвѣчалъ. Онъ не употреблялъ грубыхъ словъ, на которыя былъ щедръ мой братъ въ своихъ нападеніяхъ; но его мысль, всегда одѣтая въ скромную форму, леденила меня своимъ характеромъ: онъ безвозвратно опустился въ пошлость, гадость.

— Ты должна знать, Лиза, говорилъ братъ, — что ты обязана быть необъяснимо благодарна Петру Николаичу за самопожертвованіе, которое онъ дѣлаетъ для тебя.

— Гриша, къ чему это? — говорилъ Лачиновъ.

— Нѣтъ, позвольте, Петръ Николаичъ, я не могу утаить такихъ милыхъ признаній. — Послушай, Лиза. — „Ваша сестра, Гриша, славная дѣвушка; я очень люблю ее; и лицо ея нравится мнѣ. Но я долженъ принуждать себя, чтобы ѣхать къ ней, и когда возвращаюсь къ себѣ домой, говорю: Уфъ! слава Богу, теперь вздохну свободнѣе! — повѣрите ли, Гриша? мнѣ непріятно быть не только съ нею, даже съ вашею матерью. Я долженъ стѣсняться: хотѣлось бы выпить водки или позабавиться пуншемъ; а при нихъ нельзя. Но главная непріятность въ томъ, что я уважаю ихъ. Какая компанія женщина, которую уважаешь? — то ли дѣло, Степанида Михайловна? — съ нею и выпьешь, и поругаешься, и если есть охота, хоть подерись“. — Не постигаю, какъ можете вы, Петръ Николаичъ, выносить близость этой Степаниды Михайловны, или, по вашему, Стеньки: отъ нея разить, какъ изъ бочки.

— Вы преувеличиваете, Гриша: она вовсе не пьяница.

— Она не пьяница? Когда она и не пьяна, у нея пьяное лицо. Она стала безобразна отъ водки. И всегда растрепанная, грязная.

— Вы не понимаете, о чемъ вы говорите, Гриша.

Я не знаю, если бъ я услышала говорящимъ такія вещи человѣка, въ котораго дѣйствительно была бы влюблена, то, мнѣ кажется, я охладѣла бы къ нему. А я не любила Лачинова. Онъ говорилъ правду: его лицо было взято для моихъ грезъ моею памятью только по недостатку всякихъ другихъ воспоминаній и только потому, что я не видѣла хорошихъ картинъ, а воображеніе мое не имѣло столько пылкости, чтобы я могла представить себѣ съ красками жизни лицо съ какой-нибудь гравюры.

Послѣ того, какъ Лачиновъ былъ у насъ во второй разъ, маменька сказала мнѣ:—Лиза, мнѣ кажется, что ты нравишься Петру Николаичу. Не дай Богъ, чтобъ онъ нравился тебѣ.

— Не тревожьтесь этимъ, маменька: онъ не можетъ полюбить меня.

— Не знаю; но я должна сказать тебѣ, Лиза, что мы съ твоимъ отцомъ никогда не согласились бы. Идти за него, значило бы тебѣ губить себя.

Я не знала, что отвѣчать ей. Но если бъ этотъ разговоръ происходилъ черезъ двѣ, три недѣли, я сказала бы: „не тревожьтесь за меня“.—Мать не дала мнѣ случая сказать это: она не возобновляла своего предостереженія; вѣроятно, потому, что ея опасеніе разсѣялось.

Только въ первыя два, три свиданія съ Лачиновымъ, когда мысль о немъ дѣйствительномъ еще не пересилила во мнѣ мечты о немъ, какъ о воздушномъ воспоминаніи, я не чувствовала непріятнаго содроганія при пожатіи его руки. Потомъ, ея прикосновеніе было гадко для меня, какъ прикосновеніе прокаженнаго. Это непріятное ощущеніе доходило до того, что у меня выступалъ холодный потъ, я чувствовала тошноту.

Онъ замѣтилъ это и не оскорбился. Онъ былъ добръ. Онъ продолжалъ подавать мнѣ руку, когда входилъ, когда уходилъ, и спѣшилъ отнять ее, чтобъ не мучить меня. Наконецъ, я захотѣла одолѣть себя и крѣпко пожала его руку. Онъ улыбнулся и когда уходилъ въ тотъ разъ сказалъ: „До свиданья, Лизавета Арсеньевна; мы съ вами такъ дружны, что намъ нѣтъ надобности подавать руки при встрѣчѣ и прощаньѣ; это церемонія, которой я не люблю“.—Я покраснѣла и заплакала. Онъ засмѣялся и послѣ того сталъ крѣпко жать мою руку, какъ въ первый разъ. Я пріучилась одолѣвать свои нервы, но не могла пріучить себя къ тому, чтобы не чувствовать отвращенія.

По отъѣздѣ брата Лачиновъ пересталъ бывать у насъ. Прошло два, три мѣсяца. Я провела ихъ въ напрасной борьбѣ за сохраненіе моего милаго. Его свѣтлая поэзія потускла. Выѣтъ съ его чистыми чертами вспоминалась мнѣ грязная жизнь циника, который валялся въ отвратительной пошлости. Дѣйствительность отнимала у меня мечту, я теряла моего милаго. Рѣже и рѣже онъ являлся мнѣ, и тотчасъ исчезалъ, едва явившись; сцены фантастическихъ свиданій съ нимъ смѣнялись воспоминаніями о дѣйствительныхъ разговорахъ съ Лачиновымъ и эфирная радость небывалой любви переходила въ грусть о томъ, что мнѣ некого любить, что я не люблю никого, что у меня нѣтъ и надежды встрѣтить человѣка, котораго можно было бы полюбить.

Прошло три мѣсяца и мой милый исчезъ. Остался только Лачиновъ, котораго я жалѣла, уважала, но отъ котораго убѣгала моя мысль. Я уже не мечтала. Я не думала ни о чемъ, кромѣ тихихъ, скромныхъ заботъ, ежедневныхъ семейныхъ дѣлъ; я стала спокойна и благоразумна, но печальна. Безтревожно-скучны, разсудительно-унылы тянулись мои дни, и я, внимательно читала книгу, когда ложилась спать, и скоро засыпала.

Мы не видѣлись съ Лачиновымъ, и до меня не доходило никакихъ слуховъ о немъ. Изрѣдка, отецъ и мать вспоминали, какъ жалъ, что такой умный, пре-

красный, добрый, благородный человекъ губить себя, погубилъ себя... Въ этомъ не было ничего новаго.

Было 4 декабря, — именины Вареньки Каталонской, второй сестры Машеньки. Мы были вечеромъ у нихъ. Съѣзжались или сходились гости. Приѣхали Ершovy. Ершовъ сказалъ намъ:

— А что, вы слышали, или нѣтъ: Лачиновъ умеръ.

— Умеръ? — Отчего? — спросила маменька, опечаленная: она очень любила Лачинова.

— Отъ того, отъ чего слѣдовало ожидать: отъ водки, сказалъ Ершовъ.

Всѣ стали жалѣть и потомъ говорить, что это надобно было предвидѣть.

Теперь жалость заглушила во мнѣ все непріятное чувство къ нему. Я много и долго плакала о человекѣ, котораго не могла видѣть безъ отвращенія, который медленно убивалъ и убилъ себя недостойнымъ, гадкимъ образомъ жизни, но и въ своемъ паденіи оставался добръ, благороденъ... который выказывалъ искреннюю, теплую дружбу ко мнѣ...

Сказать ли? — я нѣсколько разъ плакала о томъ, что я не красавица. Никогда, ни прежде, ни послѣ я не огорчалась этимъ. Но тогда я плакала. — „Еслибъ я была красавица, онъ полюбилъ бы меня, и я спасла бы его“, думала я. — Ребяческая мысль. Но я не стыжусь ея: я ошибалась, но оттого, что мнѣ было горько, что онъ погибъ.

V.

Богатое приданое.

На Рождество мы получили отъ брата письмо, въ которомъ онъ говорилъ, что переходить изъ Казанскаго университета въ Петербургскій; потомъ онъ сталъ писать изъ Петербурга, что его денежныя дѣла очень хороши; — что онъ откладываетъ деньги; — что онъ не думаетъ никогда имѣть надобности въ отложенныхъ небольшихъ деньгахъ; что поэтому онъ думаетъ употребить ихъ на пользу родныхъ. Какія дѣла у него? откуда деньги? — онъ не писалъ; но маменька и я безъ труда отгадывали: онъ ужъ и въ Казани имѣлъ уроки; въ Петербургѣ это легче, и уроки бываютъ лучше. Мы догадывались и о другомъ: онъ очень серьезный человекъ; можетъ быть, онъ получилъ работу въ какомъ-нибудь журналѣ. Мнѣ показалось даже, что я вижу слогъ и мысли брата въ нѣкоторыхъ статьяхъ одного изъ хорошихъ журналовъ. Я спрашивала его. Онъ отвѣчалъ: „это статьи не мои, но дѣйствительно, я работаю въ журналѣ, который ты назвала“.

22 или 23 марта намъ принесли повѣстку, что получено письмо съ 1.500 рублей, на имя отца. Мы были удивлены. Неужели это прислалъ братъ? Невозможно. Гдѣ онъ возьметъ столько денегъ? — Отецъ пошелъ за непонятною посылкою, сказавъ, что зайдетъ домой съ почты, — и не возвратился; пришелъ уже только къ обѣду, изъ своей палаты. — „Что это за письмо? Какія это деньги?“ спросила матушка за обѣдомъ. Отецъ сказалъ, что въ повѣсткѣ была ошибка: прислано 150, а не 1.500 рублей, — и что это прислалъ Дроздовъ, — нашъ знакомый, Аткарскій уѣздный засѣдатель, — просить отца заплатить его долгъ въ лавку

Новожилкина, и пожалуйста не забыть прислать росписку; эту прибавкою о роспискѣ отецъ даже обижался. И правда: она была очень неделикатна.

Пришло 27 марта, день моего рожденія. По обыкновенію, Саша прибѣжала поздравить меня, когда я была еще въ постель, и принесла подарокъ, приготовленный маменькою: кусокъ барежа на платьѣ. Я пошла внизъ, разливать чай. Мы кончили его. Я встала уйти къ себѣ, одѣться для приѣма подругъ и ихъ братьевъ, которые начнутъ прѣѣзжать съ поздравленіями. „Постой, Лиза“, сказалъ отецъ, подавая мнѣ распечатанное письмо: — „Прочти это“. — Я взглянула: рука брата; я вскрикнула отъ удивленія, прочитавъ первую строку. — „Лиза“, писалъ братъ: — „Прошу тебя принять отъ меня въ подарокъ 1.500 рублей; эти деньги совершенно ненужны мнѣ“. — „Милые паленька и маменька“, продолжалъ онъ: — „Я увѣренъ, что вы одобрите мою мысль. Лизѣ нужно приданое. Когда подрастетъ Саша, у меня вѣроятно будутъ какія-нибудь средства. А теперь Сашѣ еще только пятнадцать лѣтъ; о ней можно подумать послѣ; пока, слѣдуетъ думать только о Лизѣ“. Потомъ онъ прибавилъ, уже для всѣхъ насъ, что получилъ эти деньги за романъ, который напечатали въ журналѣ; называлъ этотъ романъ; мы уже читали его. Онъ былъ не очень хорошъ, но длинень. Братъ жалѣлъ только о томъ, что уже не можетъ скоро написать другого романа: истощилъ на первый всю кладовую своихъ наблюденій и впечатлѣній.

Только черезъ восемь лѣтъ послѣ того, въ 1861 году, черезъ три года послѣ моего переселенія въ Петербургъ, я узнала, что и романъ брата былъ такою же выдумкою, какъ присылка долга кущцу Новожилину отъ Дроздова: братъ лишь читалъ корректуры этого романа; чтеніемъ корректуръ ограничивалась и вся его работа для журнала. Только въ 1861 году Гриша сказалъ мнѣ истину: о деньгахъ то, чего не могла я подумать, о смерти Лачинова то, чего никто не подозревалъ въ нашемъ городѣ. Лачиновъ умеръ не отъ вина: онъ ускорилъ свою смерть, принявъ ядъ. Онъ отравилъ себя 4-го декабря (1852), а 2-го отправилъ къ брату письмо, которое черезъ восемь лѣтъ Гриша отдалъ мнѣ.

Я не буду приводить здѣсь его начала: оно написано Лачиновымъ въ тонѣ грубой насмѣшки надъ самимъ собою. Онъ совѣтуетъ брату „помалчивай до поры, до времени о томъ, что говорится ему, какъ умному человѣку; говорить, что его здоровье, давно ставшее дурнымъ, сдѣлалось теперь совершенно несосно; что онъ вздумалъ наконецъ полечиться; что медики сказали ему: если вы будете строго соблюдать гигиеническія правила, не будете брать въ ротъ капли вина, уѣдете въ Алжирію, то ваша жизнь можетъ продлиться на три, четыре года, и ваши страданія облегчатся. Но вы не можете вполнѣ избавиться отъ нихъ и на это время; а во всякомъ случаѣ ваша смерть не за горами. „Вы всегда отдавали справедливость моей логикѣ, Гриша“, продолжалъ Лачиновъ: — „Я разсудилъ, что не стоитъ тянуть такого мерзкаго существованія; если вы обдумаете мой выводъ съ общою намъ основательностью, вы согласитесь, что онъ очень рационаленъ. Поэтому, государь мой, я рѣшилъ хватить нѣкоего зелья для сокращенія пути до Леты, или такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, рѣки забвенія“.

„Но вы, мой другъ, не забудете меня. Я любилъ васъ. И когда-нибудь, вы, люди другого поколѣнія, станете снисходительнѣе къ тѣмъ, которые загубили свою жизнь въ эпоху безнадежной летаргій общества.“

„Родныхъ у меня нѣтъ, и нѣтъ человѣка, ближе васъ. Въ послѣднее время

я старательно работала, потому что не хотѣла умереть съ долгами, и когда перевелъ къ себѣ всѣ деньги, бывшія въ оборотѣ, оказалось, что за уплатою долговъ остается 2.000 рублей лишнихъ. Посылаю ихъ вамъ. Вы исполните мою послѣднюю просьбу. Вы употребите часть денегъ на то, чтобы перейти въ Петербургъ, чего давно хотѣлось вамъ, и устроиться въ немъ. Остальныя перешлите въ подарокъ Лизаветѣ Арсеньевнѣ. Жаль, что мало. Но такъ тошно жить, что не хочется ждать, пока наша играющая братія будетъ опять при деньгахъ.

„Кстати, о Лизаветѣ Арсеньевнѣ. Пусть она узнаетъ, — послѣ, когда это не возмутитъ ея жизнь, — что я имѣлъ искреннюю привязанность къ ней. Желаю ей встрѣтить человѣка, который былъ бы достойнѣе ея, чѣмъ я. Когда мы встрѣтились, я былъ утомленъ жизнью, и сердце у меня было изношено. Вашъ П. Л.—ъ.

„PS. Въ началѣ осени я пробовалъ отстать отъ своего безобразія. Не могъ: привыкъ. Да и что было бы пользы? Здоровье ужъ никуда не годилось“.

Слухъ о подаркѣ, присланномъ отъ брата, надѣлалъ большого шума въ нашемъ кругу. Теперь я имѣла 2.500 рублей приданого. Между дѣвками нашего круга очень рѣдки такія богатыя невѣсты.

Въ пачалѣ мая или концѣ апрѣля маменька пришла вечеромъ въ мою комнату. Это бывало не часто, лишь когда встрѣчалось какое-нибудь особенное дѣло: ноги маменьки были уже не молодыя, а лѣтница на мезонинѣ крутая.

— Лиза, я очень давно не говорила съ тобою о твоихъ мысляхъ, сказала она: — не представлялось надобности; не хотѣла разстраивать тебя, когда не имѣлось въ виду случая для тебя исправить ошибку; — если ты считаешь это ошибкой и раскаиваешься. Скажи, мой другъ: ты намѣрена оставаться въ дѣвушкахъ?

— Не знаю, какъ отвѣчать вамъ на это, маменька. Я не имѣю никакого рѣшенія. Но мнѣ кажется, что у меня едва ли будутъ женихи.

— Я тоже думаю, Лиза, что не можетъ быть такихъ, которые понравились бы тебѣ больше прежнихъ. Но не раскаиваешься ли ты въ своихъ тогдашнихъ мысляхъ? Тогда ты была еще очень молода и не могла понимать, что оставаться въ дѣвушкахъ тяжело. Теперь тебѣ двадцать лѣтъ.

— Что-жъ такое, маменька? Не все ли равно, восемнадцать или двадцать?

— Ты, должно быть, не понимаешь меня, мой другъ. По твоему лицу я всегда такъ и предполагала, что чувства твои не измѣнились: ты у меня, слава Богу, такая полненькая, румяная. Но не огорчись, Лиза, моими словами: у тебя есть подружки, которыя вышли замужъ; ты не завидуешь имъ?

— Въ чемъ же, маменька? у меня были такіе женихи, какъ ихъ мужья.

— Какъ мнѣ говорить съ тобою, Лиза, я не знаю. Ты, въ самомъ дѣлѣ, такая, что дай Богъ всякой матери имѣть дочерей, подобныхъ тебѣ. Но скажи мнѣ, мой другъ: какъ же говорятъ тебѣ твои замужнія подружки о своей жизни?

— Тѣ, у которыхъ мужья добрые люди, хвалятъ ихъ; у которыхъ дурные, плачутъ. — Я все еще не понимала, о чемъ говорить матушка.

— Если дѣвушка выходитъ за человѣка, съ которымъ будетъ несчастна, виновата сама она, или не она, а лучше сказать, ея отецъ, и особенно мать: если-бъ они обратили должное вниманіе на характеръ человѣка, то не было бы ошибки. Но есть многія, которыя вышли замужъ хорошо, и находятъ большое счастье въ супружеской жизни. Онѣ должны рассказывать о ней.

Только теперь я поняла, о чемъ говорить матушка.

— Маменька, серьезные молодые женщины не говорят о вѣтренностяхъ. Но онѣ говорятъ, что въ замужней жизни есть гораздо больше неприятнаго для нихъ, нежели пріятнаго; что только при очень сильномъ расположеніи къ мужу супружеская жизнь бываетъ сносна.

— И это правда, Лиза, сказала маменька.

Дѣйствительно, это правда. Большая часть дѣвушекъ въ нашемъ кругу выходятъ замужъ такъ молоды, что ихъ мысли имѣютъ характеръ вовсе не страстный.

— Зачѣмъ выходить замужъ разсудительная дѣвушка?—продолжала я:— Неужели по вѣтреннымъ мыслямъ?—Нѣтъ, чтобъ имѣть пріютъ, имѣть кусокъ хлѣба, не быть обремененіемъ для отца и матери. Безъ этой необходимости ни одна умная дѣвушка не рѣшилась бы на замужество. Вѣроятно, маменька, вы заговорили потому, что кто-нибудь вздумалъ сватать меня. Скажите, что я обязана идти замужъ; я пойду, кто бы ни былъ этотъ женихъ.

Теперь я могла смѣло ставить вопросъ.

— Богъ съ тобою, Лиза, какая жъ теперь надобность?—съ деньгами, которыя прислалъ Гриша, у тебя 2.500 рублей. Если бы ты осталась въ дѣвушкахъ, мы купили бы на эти деньги домъ; если дождаться выгоднаго случая, на 2.500 руб. можно купить такой домъ, который будетъ давать 200 рублей дохода, или даже больше. На 200 рублей ты всегда можешь жить, не будучи въ тягость никому.

Я знала, что маменька скажетъ это. Я знала денежные расчеты; слышала, какъ выгоднѣе всего употреблять деньги,—такія, какія бываютъ въ нашемъ состояніи: лучше всего на покупку дома. У меня самой былъ тотъ простой планъ, который высказала матушка.

— А это твоя правда, продолжала она:—конечно, я не заговорила бы о замужествѣ, если бы не было жениха. Но женихъ такой, что я сама, безъ тебя, отказала бы ему, если бы ты не имѣла теперь такихъ лѣтъ что мнѣ уже нехорошо говорить что нибудь за тебя, не спросивши. Какой то Жуковъ, ротный командиръ. Не знаю его, никогда не видывала, даже не слышала до нынѣшняго дня, что онъ и существуетъ. Услышалъ о тебѣ, — то есть объ этихъ деньгахъ, присланныхъ тебѣ Гришей, и приходилъ въ воскресенье въ нашу церковь, посмотрѣть... Теперь, черезъ Марью Ивановну Волкову, проситъ позволенія быть у насъ, чтобы и мы посмотрѣли на него, понравится ли намъ. Ужъ по той манерѣ, какъ онъ ищетъ жену, видно, пара ли онъ тебѣ. О немъ нечего бѣ и говорить, Лиза. Но это показываетъ, мой другъ, что теперь у тебя могутъ быть другіе женихи. Поэтому повременимъ покупать домъ: приданое гораздо лучше, когда состоитъ въ наличныхъ деньгахъ.

— Купимъ домъ, маменька, —весело сказала я:—Я была бы глупа, если бы желала идти замужъ. Какой мужъ могъ бы обращаться со мною такъ хорошо, какъ вы? Когда я слышу отъ васъ и отъ папеньки неприятное слово? Въ чемъ стѣснена я у васъ? Зачѣмъ мнѣ идти замужъ?

— Какъ равнодушно ты желаешь остаться въ дѣвушкахъ, Лиза, сказала она.

— Полноте, маменька, какъ вамъ не стыдно! — весело сказала я, обнявъ ее:—Какая же неглупая дѣвушка на моемъ мѣстѣ захотѣла бѣ идти замужъ?

— И то правда, Лиза, сказала она, поцѣловавши меня:—ты у меня благо-разумная дѣвушка. Если говорить по совѣсти, это и гораздо лучше.

Она задумалась.

— Въ самомъ дѣлѣ, что хорошаго въ замужествѣ? — начала она, будто больше размышляя сама, нежели говоря со мною: — Надобно угождать, ухаживать. Какая пріятность быть прислужницею? Это правда: если дѣвушка не притѣснена въ своемъ семействѣ, то разсудокъ велитъ ей оставаться въ дѣвушкахъ. Тутъ она, по крайней мѣрѣ, вольный человѣкъ. Отецъ, мать — какую власть присвоиваютъ они себѣ надъ взрослою дочерью, если они добрые и разсудительные люди? Они приказываютъ дочери, пока она мала, не имѣть своего ума. Выросла она, приобрѣла его, они видятъ, что нечего командовать ею. А потомъ она становится даже главнымъ лицомъ въ семействѣ: они видятъ, что состарѣлись ослабѣли; чувствуютъ, что она лучше ихъ можетъ разсудить, распорядиться; они уступаютъ ей всю власть въ домѣ. — А мужъ? — онъ всегда опекутъ надъ женою; изъ-подъ его власти не выростешь. Вѣчно будь младшая передъ нимъ, весь вѣкъ смотри ему въ глаза. Пріятно ли это, когда есть свой разсудокъ?

„Конечно, бываютъ и такіе мужья, которые сами слушаются во всемъ женъ. Примѣръ у тебя передъ глазами: Анна Ларіоновна съ Васильемъ Ильичемъ. Но за то опять, какъ же и трудно жить Аннѣ Ларіоновнѣ? Она женщина умная; но что можетъ она сдѣлать въ пользу своихъ дѣтей? — Ничего. — Присматривай за всѣми дѣлами мужа, потому самъ онъ ничего не видитъ. А какъ же замѣнить его умъ своимъ въ дѣлахъ, до которыхъ женщина не имѣетъ доступа? — Будешь ли за него ходить въ должность, соблюдать отношенія къ людямъ, отъ которыхъ зависить его служба? — Такимъ образомъ жена и должна видѣть, что мужа затираютъ въ грязь; — затерли. Онъ такъ и умретъ столоначальникомъ. За него обидно, и за дѣтей болитъ сердце. Не много завиднаго тоже и въ ея жизни.

„Но она еще пѣзъ самыхъ счастливыхъ въ замужествѣ. По крайней мѣрѣ мужъ уважаетъ ее и человѣкъ прекраснаго характера. Такихъ мужчинъ не много. Рѣдкость такіе мужья, отъ которыхъ жены не страдали бы столько, сколько не могли бы, кажется, пострадать отъ злѣйшихъ враговъ. У рѣдкаго мужчины нѣтъ самовластия въ характерѣ; они ломаются надъ женами, какъ надъ рабынями. Рѣдкій мужчина разсудителенъ; конечно, оттого, что домашняя нужда гораздо меньше касается ихъ. Не говорю о такихъ, которые тащатъ деньги отъ семейства какой-нибудь плутовкѣ; а мало ли такихъ? Но если и нѣтъ этого, то много ли мужей, которые не сорили бы денегъ, съ друзьями и пріятелями, на вино и карты? — А жена съ дѣтьми сидитъ, можетъ быть, безъ чаю, безъ сахару.

„Въ своемъ семействѣ и у Анны Ларіоновны съ Васильемъ Ильичемъ ты не видѣла этого; но многія ли жены такъ счастливы съ мужьями, какъ мы съ нею?

„Говорить: выбирай человѣка; всматривайся въ него. Легко это говорить; а какъ узнаешь его до женитьбы? — Съ виду прекрасный и всѣ знаютъ за прекраснаго человѣка; а женится — видятъ, что онъ тиранъ, злодѣй женѣ. Мало ли мы видимъ такихъ ошибокъ при самомъ, кажется, основательномъ выборѣ?

„Трудно дѣло, страшная лотерея! И если Богъ далъ дѣвушкѣ такую силу разсудка, чтобы не завидовать замужней жизни, то я всегда скажу: не слѣдуетъ идти замужъ“.

Когда пожилыя женщины говорятъ между собою, неразсудительность мужчинъ, страданія женъ отъ капризовъ и расточительности мужей — одинъ изъ обыкновенныхъ предметовъ ихъ разсужденій. Но отъ порицанія дурныхъ мужей, отъ

сожалѣнія о несчастныхъ женахъ далеко до взгляда на замужество вообще, какъ на горькую долю; еще дальше до признанія, что слѣдуетъ отказываться отъ замужества. Напротивъ, — браня мужей и жалѣя о женахъ, женщины нашего круга выставляютъ несчастные браки, какъ исключеніе изъ правила; по ихъ принципу, замужество — единственная возможность спокойной и счастливой жизни для женщины. Въ первый разъ я слышала теперь отъ простой практической женщины нашего патріархальнаго общества слова, которыя равнялись отрицанію брака; — и отъ кого же? — отъ моей матери, которая жила съ мужемъ такъ согласно, такъ любила и лелѣяла его!

— Ты глядишь на меня будто съ удивленіемъ, Лиза, сказала она: — Правда, мой другъ, мы старые люди и живемъ по старому. Не смотри на это. Мало ли чего думаешь? — Но что пользы говорить о томъ, чего нельзя исполнить? — Теперь я могла быть откровенна передъ тобою, потому что это возможно для тебя, и я вижу, что ты сама уже твердо рѣшилась.

Рѣшилась ли я? — нѣтъ, я только покорялась ей безъ ропота; — напротивъ, съ полнымъ спокойствіемъ, — даже съ признательностью: моя судьба была хороша.

Два года у меня не было жениховъ. Богатое приданое заставило ихъ забыть о томъ, что я уже была выключена изъ числа невѣстъ. Нѣкоторые женихи были только такіе же, какъ тѣ, которымъ я отказывала тогда, прежде. Теперь я имѣла еще меньше колебанія отказывать этимъ молодымъ людямъ нашего круга. Но моя цѣнность поднялась. Были другіе женихи, болѣе почетные: пожилые люди нашего состоянія, въ родѣ ротнаго командира Жукова, предлагавшіе не надежду на свое будущее повышеніе по службѣ, а уже занятую хорошую должность. Эти женихи, конечно, были еще менѣе привлекательны. Отказывая тѣмъ и другимъ, я не обольщалась пустыми надеждами. Я понимала свое положеніе.

Мое приданое, хоть и стало богатымъ по размѣру приданныхъ нашего круга, было ничтожно. Если-бъ оно было вдвое больше, оно все еще не имѣло бы такой величины, чтобы для него спустились на меня глаза людей, между которыми я могла бы сдѣлать выборъ.

Будь я дѣвушка изъ семейства, которое принадлежало бы къ свѣтскому губернскому обществу или хоть было бы связано съ нимъ, тогда другое дѣло. Я встрѣчалась бы съ людьми, имѣющими качества, безъ которыхъ человѣкъ не могъ понравится мнѣ. И если бы явилось расположеніе между мною и такимъ человѣкомъ, вопросъ о приданомъ могъ бы не имѣть особенной важности. Я знала, что дѣвушки, у которыхъ было не больше или меньше денегъ, чѣмъ у меня, выходили за порядочныхъ, просвѣщенныхъ людей. Но это потому, что онѣ бывали въ свѣтѣ. А я? — Человѣкъ порядочнаго общества не могъ встрѣчать меня между своими знакомыми. — Поэтому, я не могла рассчитывать на жениховъ лучше тѣхъ, за которыхъ не могла идти. Я говорю: я не обольщалась.

Черезъ нѣсколько времени я увидѣла себя во второй разъ вычеркнутою изъ числа невѣстъ; но увидѣла это не съ тѣми чувствами, какъ въ первый разъ, слишкомъ два года тому назадъ.

Тогда я считала себя обязанною выйти замужъ и успокоивала себя надеждою на счастливую случайность: можетъ быть, какъ нибудь, мнѣ встрѣтится кто-нибудь изъ людей, которые могли бы нравиться мнѣ. Теперь я улыбалась надъ этимъ легкомысліемъ и очень хладнокровно разсуждала, что подобный случай невѣроятенъ.

Перемена моего положенія очень много помогла мнѣ бросить пустую мысль, въ которую я, впрочемъ, не вѣрила и прежде: я не имѣла теперь нужды заглушать голосъ совѣсти; совѣсть не требовала теперь, чтобъ я не оставалась съ дѣвушкахъ. Я не буду обременять родныхъ, не измѣню своему долгу передъ ними, оставаясь жить съ ними. Но была и другая причина тому, что я бросила несбыточные ожиданія: мнѣ было двадцать лѣтъ; я сдѣлалась гораздо основательнѣе, чѣмъ была два, три года назадъ.

Я видѣла это во всемъ. Я перестала восхищаться пустяками, которыя прежде приводили меня въ восторгъ. Бывало я должна была принуждать себя, чтобъ не высказать желанія купить лишній нарядъ. Теперь я по-прежнему любила быть одѣта хорошо, но новая шляпка, новое платье не заставляли меня прыгать отъ радости. Не было мнѣ надобности удерживаться отъ прыжковъ и тогда, если мы рѣшали ѣхать въ садъ или даже кататься по Волгѣ—наслажденіе болѣе рѣдкое, отъ котораго я, бывало, сходила съ ума. Я оставалась страстною читательницею; но рѣже и меньше прежняго задумывалась надъ книгою; а мечтать—я давно смѣялась, когда мнѣ случалось вспоминать, что я когда-то мечтала: какъ это глупо, какаѣ дѣвочка была я тогда!

Теперь я давно могла бы возобновить мой Дневникъ; у меня не бывало ни одной мысли, которую нельзя было не только записать въ него, а рассказать и матушкѣ, и Аннѣ Ларионовнѣ, и всѣмъ. Но, Боже мой, кто-жь, кромѣ дѣвочекъ, ведетъ дневники? Что мнѣ записывать въ дневникъ?

Но я могла бы записать въ него довольно много, если бы мнѣ пришла охота записывать ощущенія, которыми отразилась на мнѣ перемена въ жизни ближайшей изъ моихъ подругъ, Машеньки Каталонской.

Когда я прошлымъ лѣтомъ съ трепетомъ увидѣла бѣднаго Лачинова въ аллеѣ сада Громова, Машенька, беззаботная, ничего не понимающая шалунья, воображала, что она и Гриша очень остроумно мистифицировали меня. Меньше, нежели черезъ полгода, Машенька стала молчать передъ всѣми безчисленными хранительницами прежнихъ ея удивительныхъ тайнъ и совѣтоваться только со мною.

VI.

Машенька.

У Василья Ильича, отца Машеньки, была сестра, Дарья Ильинична, вдова офицера. Она получала 57 или 58 рублей пенсіи за службу мужа. Этихъ денегъ было бы мало на жизнь даже и въ нашемъ городѣ, тогда еще очень дешевомъ. Но важнѣе пенсіи было покровительство богатой помѣщицы, Чекмаревой. Дарья Ильинична не за-даромъ пользовалась пособіями отъ нея. Когда Чекмарева лѣтомъ уѣзжала на богомолье въ Кіевъ или Воронежъ, или отправлялась погостить у сына въ Чекмаревкѣ, тетка Машеньки поселялась въ пустѣвшемъ домѣ, охранять его расхищенія, а главное, отъ пожараго случая: нашъ городъ былъ въ постоянномъ страхѣ пожарныхъ случаевъ. Осень, зиму, весну, когда Чекмарева жила въ городѣ, Дарья Ильинична занимала крошечный флигель изъ двухъ миньютюрныхъ комнатъ, стоявшій въ дальнемъ углу двора. Аристократическая старуха считала дурнымъ тономъ имѣть приживалокъ, и находила ниже барскаго

достоинства имѣть не своихъ крѣпостныхъ экономку и дворецкаго. Поэтому Дарья Ильинична не занимала при ней никакой должности, не могла приходиться къ ней безъ призыву и часто не видѣла ее по цѣлымъ недѣлямъ. Но когда встрѣчалась надобность дѣлать большія закупки по хозяйству, не на рубли, а на десятки рублей, Чекмарева присылала за вдовою офицершею и просила ее съѣздить на рынокъ или въ гостинный дворъ: Дарья Ильинична умѣла купить и была честна. При поправкахъ въ домъ, Дарья Ильинична цѣлый день бродила по двору, приглядывая за плотниками, чтобы они работали не какъ нибудь и не уносили кусковъ дѣса слишкомъ большихъ (у насъ былъ обычай, что плотникъ имѣетъ право брать каждый вечеръ по отрубку изъ мелкихъ кусковъ, которые не годятся для постройки). За эти услуги Дарья Ильинична получала, кромѣ квартиры въ уютномъ флигелькѣ, провизію, изъ которой сама готовила себѣ кушанье въ крохотной кухнѣ своего пріюта, получала чай, сахаръ, по временамъ подарки деньгами, или, чаще, полотномъ, ситцемъ.

Василій Ильичъ и Анна Ларионовна были не очень дружны со вдовою. Дарья Ильинична, считавшаяся очень умною женщиною, слишкомъ любила давать совѣты. Они видѣлись разъ, два въ мѣсяцъ. Племянницы бывали у тетки чаще: бездѣтная пожилая женщина, она и скучала одиночествомъ, и любила дѣтей; у нея всегда были въ запасъ для нихъ изюмъ, черносливъ, орѣхи, леденцовыя конфекты. Это еще привлекало Машеньку.

Однажды, — я полагаю, что это было въ половинѣ октября: помню, что земля была уже замерзлая, но еще не начинались большіе холода, — Машенька, пробывъ утро у тетки, вечеромъ пришла ко мнѣ сказать, что она влюблена, — „и не думай, душенька Лиза, что я влюбилась такъ только, какъ прежде“: нѣтъ, она лишь теперь поняла, что такое страсть, и почувствовала, что все прежнее были пустяки, глупость; а теперь она полюбила „глубокою страстью, пламенною страстью, — ей Богу, душенька“, упрасивала она меня повѣрить и слезы готовы были брызнуть, еслибъ я усомнилась. — „Хорошо, хорошо, вижу“, сказала я. Тогда она съ безчисленными подробностями стала описывать мнѣ, какой удивительный, очаровательный красавецъ внукъ Чекмаревой. Онъ пріѣхалъ третьяго дня и проживетъ всю зиму въ нашемъ городѣ: какое счастье! къ нему нынѣ приводили лошадей; онъ смотрѣлъ ихъ, объѣзжалъ, и одну — ахъ! самую прекрасную! — купилъ. Машенька сидѣла у окна и, какъ слѣдуетъ, не могла до-сыта налюбоваться на такого красавца. Чуть не три часа она разсказывала мнѣ, какъ ловко, смѣло и легко вспрыгивалъ онъ въ сѣдло бѣшеной лошади, которую, — правда душенька! — едва удерживали за поводъ два кучера, и скакалъ на ней по огромному двору, и спрыгивалъ, и она стояла уже смиренная, и онъ ласкалъ ее, и вовсе не боялся; и какъ „восхитительны“ его маленькіе русые усы, и какъ „обаятельны“ его большіе голубые глаза, и какъ „упойтельно“ — это „упойтельно“ нравилось ей тогда еще больше, нежели очаровательно и обаятельно, — какъ упоительно рисуется въ „бурной“ скачкѣ его высокій, тонкій, стройный станъ, „какъ будто прикованный къ сѣдлу, душенька, ты не повѣришь“; но я вѣрила всему; и даже тому, что „ты не повѣришь, душенька, какъ мило“ идетъ ко внуку Чекмаревой сѣрый сюртукъ фантастическаго покроя, съ опушкою изъ бѣлыхъ молодыхъ барашковъ. Машенька упрасивала меня вообразить все это, и я каждую минуту должна была успокоивать ее увѣреніями, что не сомнѣваюсь и воображаю.

Я тогда вовсе не была расположена одобрять подобныя фантазіи. Разочарованная въ своихъ недавнихъ грезахъ о невозможной поэзіи, встрѣтившая вмѣсто моего эфирнаго милаго большое и печальное лицо добраго, но остывшаго ко всему, кромѣ вина, человѣка, потерявшая моего милаго, я горько смѣялась надъ собою за глупость ребяческаго романтизма. Я слушала мою молодую подругу съ грустною улыбкою; она не замѣчала въ своемъ восторгѣ; а у меня недоставало духа перервать ее. По себѣ я знала, какъ сильна потребность высказываться. Я слишкомъ хорошо помнила, какъ тосковала, что у меня нѣтъ подруги, съ которой могла бы я дѣлиться своими воображаемыми чувствами. „Пусть бѣдный ребенокъ имѣетъ во мнѣ подругу, которой не было у меня“, думалось мнѣ: — „не опечалю ее холоднымъ словомъ; буду внимательна, терпѣлива, симпатична“. Это было легко мнѣ, потому что я любила Машеньку, какъ сестру. Но совѣсть говорила мнѣ также, что я обязана противодѣйствовать увлеченію, пустоту и горечь котораго пришлось мнѣ узнать. — „Дружокъ мой“, сказала я, обнимая Машеньку при прощаньи: — „Завидую твоимъ легкимъ грезамъ; но помни, что онѣ только мечты и должны разсѣяться. Веселись ими, но не вѣрь имъ. Знай, что онѣ только игра, и не войдутъ въ твою жизнь“. — Машенька со слезами стала спорить, и я должна была сказать, что лишь хотѣла пощеголять передъ нею зрѣлостью своихъ лѣтъ; но что на самомъ дѣлѣ, я вполне сочувствую ея пламенной страсти: такъ жаль было огорчать ребенка.

Впрочемъ, я и не тревожилась за Машеньку. Не въ первый разъ она бросалась на шею ко мнѣ съ извѣстіемъ, что она страстно влюблена. Я слушала ея восторги нѣсколько дней; потомъ она забывала о своей страсти; потомъ сообщала мнѣ, что эта прежняя любовь ея была вовсе не любовь, а только глупость, и что вотъ лишь теперь, — нынѣ поутру или вчера вечеромъ, она узнала, что такое истинная, глубокая страсть. Моя хорошенькая Машенька, съ бойкими сѣрыми глазками, съ бойко вздернутымъ носикомъ, не отличалась постоянствомъ. Ея круглыя плечики и румяныя щечки показывали, что она безъ большого труда переноситъ мученія своихъ глубокихъ и пламенныхъ страстей, которыя всыхивали едва ли не каждое воскресенье, потому что въ церкви непремѣнно видѣла она какого нибудь удивительнаго красавца, для котораго забывала всѣхъ прежнихъ.

Но прошло три, четыре педѣли, и она, противъ своего обыкновенія, не измѣняла Чекмареву. Она въ этотъ мѣсяць чуть не черезъ день бывала у тетки, чтобы видѣть его въ окно; видѣла разъ пять. Четырьмя она была недовольна: она видѣла его только проѣзжавшаго отъ крыльца, — крыльцо, по старинному, было обращено на дворъ; ворота, къ счастью, были не близко отъ крыльца; но все таки, — о, какъ мало секундъ! — одинъ мигъ! — продолжалось блаженство Машеньки, потому что, къ несчастью, лошади у Чекмарева не были похожи характеромъ на почтенныхъ, солидныхъ лошадей Каталонскихъ и нашу. И дворъ былъ такъ широкъ! — видѣть его только мигъ, и то черезъ весь этотъ широкій дворъ! — довольно ли этого для пламеннаго сердца? — Но одинъ разъ она была такъ же счастлива, какъ въ то утро, когда воспылала ея страсть: Чекмаревъ опять цѣлое утро ходилъ и скакалъ по двору, осматривая и объѣзжая лошадей; опять онъ много разъ проѣзжалъ мимо самаго, самаго окна! — жаль было только, что онъ скакалъ очень быстро и былъ слишкомъ занятъ своею лошадью: иначе, онъ взгля-

нулъ бы въ окно!—и увидѣлъ бы Машеньку, „право, душенька, увидѣлъ бы!“— Она очень печалилась, что этого не случилось. Но за то, она сколько разъ такъ близко могла видѣть его. Теперь онъ показался ей еще лучше, красивѣе, изящѣе, нежели въ первый разъ.

Прошла недѣля и Машенька вѣбжала ко мнѣ вся сіяющая, обняла меня, вся трепещущая: она видѣла Чекмарева!—не такъ, душенька, не въ окно, а онъ вошелъ, они сидѣли, она на стулѣ, онъ на другомъ, — подлѣ, душенька! — и она цѣлый часъ говорила съ нимъ, и онъ влюбленъ въ нее! — онъ самъ говорилъ ей, что влюбленъ въ нее! — конечно, душенька, онъ не говорилъ этого такъ, этими самыми словами, что „я люблю тебя, Мари“, потому что какъ же можно? — особенно при тетенькѣ. — Но онъ до безумія влюбленъ въ нее, она убѣждена въ томъ, и онъ даже говорилъ это, и говорилъ, душенька, такъ хорошо! — и она по десяти разъ пересказывала мнѣ каждое его слово, — и даже написалъ стихи ей: она попросила, онъ подумалъ всего только пять минутъ, душенька, и написалъ; — какъ жаль, что у тетеньки не было почтовой бумаги, потому что эти стихи надобно было написать на самой хорошей бумагѣ! — а эта сѣрая! — Четыре стиха, которые она показала мнѣ, дѣйствительно были написаны на сѣрой бумагѣ, какъ она и говорила. Въ нихъ ея очи сравнивались съ яркими свѣтилами ночи, щеки ея розами, а сама она была въ нихъ названа Мери и сравнена съ Пери. Какъ слѣдуетъ, Машенька цѣловала этотъ листокъ. — Ей непременно было надобно, чтобы стихи очень понравились и мнѣ, и чтобы я увѣрилась, что онъ очень милый, — „такой милый, душенька, что ты не можешь вообразить! И если бы ты видѣла, душенька, какъ ловко поклонился онъ, когда вошелъ! Я никогда не видѣла такого ловкаго!“

— Машенька, все это прекрасно, сказала я: — Вѣрю, что онъ и красавецъ, и ловокъ, и говорить умно, и миль. Но не забывай, другъ мой, что онъ богатъ, а мы съ тобою не очень богаты.

— Ну, Лиза, ты вѣчно такая! несносная, резонерка! — сказала Машенька, готовясь заплакать: — А ты сама только двумя годами старше меня. А тетенькѣ пятьдесятъ лѣтъ; она старше тебя.

— Твоя тетенька дурно дѣлаетъ, Машенька.

Мы долго спорили съ Машенькою. Разумѣется, она не вѣрила мнѣ, сердилась, плакала; и разумѣется, измучила меня поцѣлуями, когда я, чтобы утѣшить ее, сказала, что отрекаюсь отъ своихъ словъ. Такъ жаль было огорчать ее.

Я не могла придумать, что мнѣ дѣлать, чтобы защитить мою милую Машеньку. Теперь я была встревожена не на шутку. Чакмаревъ будетъ говорить ей любезности, писать стихи; она будетъ принимать этотъ вздоръ серьезно и въ самомъ дѣлѣ привяжется къ Чекмареву. Я возмущалась безразсудствомъ Дарьи Ильиничны. Поговорить съ нею? — она только посоветуетъ Машенькѣ скрывать отъ меня все; это будетъ еще хуже для Машеньки. Гораздо вѣрнѣе было бы сказать Аннѣ Ларіоновнѣ. Я совѣтовала Машенькѣ сдѣлать это. Она не согласилась, умоляла и меня молчать: „маменька скажетъ мнѣ, чтобъ я не бывала у тетеньки, и поссорится съ нею“. Бѣдная Машенька! Могу ли я молчать? — Я не дала ей слова, что не буду говорить съ Анной Ларіоновною. — Но неужели я буду измѣнницею Машенькѣ?

На другой или третій день Машенька опять была у тетки и прямо отъ нея вѣбжала ко мнѣ радостная.

— Милочка моя, Лиза! — я все сказала тетенькѣ, какъ ты бранишь и ее, и меня. Она вовсе не разсердилась на тебя, а сказала, что ты ничего не понимаешь; ты не сердись на нее, душенька Лиза: это она сказала правду, я увѣрена. Она говоритъ, что если бы тебѣ увидѣться съ нею, она все растолковала бы тебѣ. Она зоветъ тебя къ себѣ. Поѣдемъ, пожалуйста. Тогда ты и не будешь огорчаться за меня.

Дарья Ильинична и прежде не нравилась мнѣ. Въ послѣдніе два, три года я почти вовсе не бывала у нея. Но теперь я была рада. Она не была злая, и ее называли очень умною. — „Хорошо, поѣду къ ней. Можетъ быть, и успѣю уговорить ее, чтобъ она пожалѣла тебя“.

— Поѣдемъ завтра-же, душенька Лиза: ты увидишь, какъ ты ошибалась.

— Поѣду завтра же; но одна, безъ тебя. Я буду спорить съ нею. Тебѣ не зачѣмъ видѣть какая я сердитая.

Но мнѣ не удалось быть сердитою. Дарья Ильинична встрѣтила меня очень привѣтливо, дала высказать всѣ мои опасенія и въ самыхъ мягкихъ, снокойныхъ словахъ отвѣчала, что я совершенно ошибаюсь.

— Ваша правда, Лизавета Арсеньевна, если бы говорить вообще. Какъ можно, чтобъ я стала оспаривать такія справедливыя мысли? Богатый молодой человѣкъ говорить пустые комплименты дѣвушкамъ; она вѣритъ; а у него и въ мысляхъ нѣтъ никакихъ основательныхъ намѣреній; и изъ этого не выходитъ для нея ничего, кромѣ огорченій, или даже, чего Боже сохрани, бываетъ вѣчное несчастіе. Но здѣсь, я надѣюсь, будетъ совершенно другое. Позвольте мнѣ быть откровенной съ вами, Лизавета Арсеньевна. У моего брата, у Анны Ларіоновны, а черезъ нее и у вашей маменьки, нѣтъ довѣрія ко мнѣ. Поэтому и вы, естественнымъ образомъ, предубѣждены противъ меня. Но спрошу саму васъ: можете ли вы сказать, что я дурная женщина? Говоритъ ли это про меня Анна Ларіоновна?

Каталонская и маменька находили только, что она имѣетъ слишкомъ предприимчивый характеръ и требуетъ отъ нихъ оборотливости, на какую онѣ не способны. Не онѣ порицали ее: она постоянно бранила ихъ за то, что онѣ не вступаются въ служебныя отношенія своихъ мужей.

— Дарья Ильинична, никто не можетъ сказать о васъ ничего дурного. Анна Ларіоновна и маменька понимаютъ, что вы желаете добра имъ. Онѣ говорятъ только, что у нихъ нѣтъ вашей предприимчивости, и отдають справедливость вашему уму.

— Уму! — со вздохомъ сказала она: — Поневолѣ станешь умна при моей судьбѣ. У нихъ нѣтъ моей предприимчивости! — Хорошо имъ не думать ни о чемъ, имѣя кусокъ хлѣба отъ мужей. А вы знаете, каковъ соколъ былъ мой.

Она стала рассказывать мнѣ о своемъ мужѣ, пьяницѣ, какъ онъ пропадалъ по трактирамъ, какъ привозили его избитаго, обоюбранаго: какъ онъ билъ ее; какъ отнималъ у нея все, до послѣдняго салопа, до башмаковъ, чтобы все пропивать; какъ сама его мать одобрила ее бросить его и идти въ экономки къ вице-губернаторшѣ; какъ она двадцать лѣтъ скиталась экономкою по разнымъ богатымъ барынямъ, сколько непріятности терпѣла отъ ихъ надменности, капризности, глупости, сколько обидъ отъ ихъ прислуги, которой мѣшала воровать. Въ самомъ дѣлѣ, какой умъ, какая сила характера нужны были ей, чтобы лави-

ровать въ этихъ мудреныхъ отношеніяхъ! Со сколькими людьми имѣла она дѣло, какъ научилась понимать людей! — Въ общихъ чертахъ я давно знала ея исторію. Но она рассказывала съ живыми подробностями, съ одушевленіемъ; я заслушалась, увлеклась. — Потомъ она стала говорить, что Анна Ларіоновна и моя мать не имѣютъ ея опытности, ея умѣнья обращаться съ людьми; могла ли я спорить противъ этого? — что если бѣ онѣ умѣли слушаться ея, ихъ мужья не сидѣли бы столоначальниками: — „Они добрые люди, вашъ папенька и мой братъ“, говорила она: — „но они не могутъ ничего сдѣлать для себя“. — Я чувствовала, что она говоритъ правду.

— Не почтите за обиду имъ и вашей маменькѣ съ Анной Ларіоновною, что я высказываю это, говорила она: — Вы, Лизавета Арсеньевна, можете чувствовать сама, что я говорю это отъ расположенія къ нимъ; а больше всего, отъ жалости за племянницъ; и — вы извините мои откровенныя слова — также и за васъ, Лизавета Арсеньевна. Скажите сама: не прискорбно ли смотрѣть на племянницъ? — некому-то позаботиться о ихъ будущности! Скажите сама, не злодѣйка ли была бы я, если бы не старалась сдѣлать въ пользу Машеньки то, что могу? — Конечно, это была бы обязанность матери; но что-жъ дѣлать, когда Анна Ларіоновна не умѣетъ позаботиться и о мужѣ, что гораздо легче? — Разсудите также сама, Лизавета Арсеньевна, способна ли я къ чемунибудь дурному: двадцать лѣтъ я жила эконолкою, пока нашла себѣ покойный уголокъ здѣсь. Всегда жила въ богатыхъ домахъ. Нажила ли я чтонибудь въ эти двадцать лѣтъ? — Это должно быть извѣстно вашей маменькѣ и Аннѣ Ларіоновнѣ, могла ли бѣ я приобрѣсти деньги, если бы захотѣла пользоваться чужою копѣйкою. Имъ должно быть извѣстно, сколько я накопила денегъ въ двадцать лѣтъ.

Все это была правда: она могла нажить тысячи; у нея не было ничего, кромѣ двухсотъ рублей, да и тѣ она отложила понемножку въ послѣдніе восемь или девять лѣтъ, когда жила у Чекмаревой и получала пенсію.

— Стало быть, я не такая жадная къ деньгамъ, чтобы забывать для нихъ честь и совѣсть, говорила она: — но знаю цѣну имъ, какъ должны знать и вы, Лизавета Арсеньевна, хоть вы еще молоды. Не скрою отъ васъ: желаю богатства Машенькѣ. Не скрою и того, почему была такъ откровенна съ вами: я опасуюсь, что вы откроете все Аннѣ Ларіоновнѣ. При вашей недовѣрчивости ко мнѣ...

При моей недовѣрчивости нѣ ней! — она такъ прямо и полно говорила правду, — правду, въ которой я сама боялась признаваться себѣ, по которую давно понимала. — „Ваша маменька и Анна Ларіоновна — прекрасныя женщины“, говорила она: — „но онѣ робки и просты, какъ малыя дѣти“... Мнѣ самой давно думалось это. Мнѣ казалось, что она одна изъ всѣхъ насъ знаетъ жизнь: наши старшіе, какъ и я, знаютъ только свой семейный уголокъ.

— При вашей недовѣрчивости ко мнѣ, говорила она, — могу ли требовать, чтобы вы молчали по моимъ только словамъ? Не могу, Лизавета Арсеньевна. Но вотъ о чемъ я прошу васъ: чтобы вы посмотрѣли сама и убѣдились. Пріѣзжайте ко мнѣ вмѣстѣ съ Машенькою послѣ-завтра поутру, когда у меня будетъ Николай Евграфовичъ. Посмотрите на него сама, правду ли я говорю, что надѣюсь выдать Машеньку за этого человѣка: взгляните, тогда судите сама и поступайте, какъ вамъ будетъ угодно.

Просьба была умѣренна, разумна. Какъ буду я вступаться въ отношенія, если не хочу ближе узнать ихъ? — Она требуетъ только того, чтобы я сама посмотрѣла, какъ слѣдуетъ поступить. Она лучше всѣхъ насъ понимаетъ жизнь; что, если я хочу разстраивать стасье Машеньки? — Старуха заговорила меня, подорвала всѣ причины моего прежняго недоверія къ ней; я поддалась ея изворотливому уму. — „Извольте, Дарья Ильинична, я приѣду“, сказала я.

Но едва произнесла это, одумалась. Нѣтъ, не можетъ быть права женщина, которая хочетъ вести сватовство дочери тайкомъ отъ матери! — Я покраснѣла. Мнѣ было совѣстно отступиться отъ вырвавагося слова. Но я превозмогла ложный стыдъ.

— Нѣтъ, я не имѣла права соглашаться, Дарья Ильинична, сказала я: — простите меня: я не приѣду. Умоляю васъ, выведите меня изъ затрудненія. Какъ же устранить Анну Ларионовну? Какъ становиться между матерью и дочерью?

Вспоминая этотъ случай, вспоминая всю мою жизнь, я спрашиваю себя: когда же, въ чемъ же хотѣла я быть отступницею отъ патриархальныхъ правилъ моего воспитанія? Положа руку на сердце, говорю: я всегда хотѣла быть вѣрна имъ...

— Развѣ я думаю устранить Анну Ларионовну? — сказала Дарья Ильинична: — Но было бы напрасно говорить съ нею, пока еще нечего говорить. Вмѣшать ее теперь, значить разстроить все. Судите сама: онъ видѣлся съ Машенькою только два раза; когда же было утвердиться въ немъ расположенію къ ней? Надобно дать окрѣпнуть этому. А то, вдругъ приступать съ ножемъ къ горлу: „сватай“; — что же другое значило бы вмѣшивать мать?

Еще такъ недавно, я сама думала о томъ, что лучше-бъ, если бы молодые люди не нашего круга могли видѣть меня просто какъ родственницу своихъ знакомыхъ, когда вовсе не думаютъ о невѣстахъ и сватовствѣ: быть можетъ я поправились бы кому нибудь изъ нихъ, и онъ понравился бы мнѣ. Теперь, это счастье достается Машенькѣ, — и я буду разстраивать его! — Еще такъ недавно, я думала о томъ, что дурень, вреденъ обычай нашего круга смотрѣть на молодого человѣка, какъ на жениха, едва онъ заговоритъ съ дѣвушкою; — неужели я сдѣлаю, чтобы тотчасъ же явилась мать и чтобъ ея видъ говорилъ: „милостивый государь, извольте-ко сватать мою дочь, которую видѣли два раза; по нашему знакомиться нечего, а прямо объявляй себя женихомъ“. Во мнѣ происходила сильная борьба. Но привязанность къ принципамъ нашей доброй, скромной жизни побѣдила. Дарья Ильинична хотѣла хитрить; я была приучена отвращаться хитрости. Старуха хотѣла заманивать жениха; мнѣ внушено было считать это дѣломъ дурнымъ, изъ котораго не можетъ выйти счастливаго супружества для дѣвушки съ хорошимъ сердцемъ. „Не намъ и не нашимъ дочерямъ поступать безчестно“, говорили матушка и Анна Ларионовна о закидываніи сѣтей женихамъ. Пусть матушка и Анна Ларионовна слишкомъ просты; пусть онѣ похожи на малыхъ дѣтей, какъ говоритъ Дарья Ильинична. Но Машенька воспитана такою же. Она не будетъ счастлива въ замужествѣ, если женихъ пойманъ хитростью. Она простодушна и честна. Не ей жить обманомъ. — Я твердо повторила, что я не приѣду.

— Подумайте, Лизавета Арсеньевна, убѣждала и умоляла старуха: — Вы ставите большое затрудненіе счастью Машеньки. Ваша Анна Ларионовна — охъ! —

ей ли обращаться съ людьми, которые живутъ въ свѣтѣ? Она все погубить, посмотрите на него сама, прошу васъ ради счастья Машеньки, ради счастья всего ихъ семейства.

Но я осталась тверда: „не прїѣду и не прїѣду“. Дарья Ильинична заплакала.—У меня было одно: „не прїѣду и не прїѣду“.

— Нечего дѣлать съ вами, Лизавета Арсеньевна, сказала она наконецъ:—Но Богу извѣстно, какой вредъ можетъ произойти отъ вашего упрямства. Когда прїѣдете домой, скажите Машенькѣ, чтобъ она рассказала матери. Богъ вамъ судья, Лизавета Арсеньевна: отнимаете вы счастье у Машеньки.

— Благодарю васъ, Дарья Ильинична; вы избавили меня отъ ужаснаго колебанія. Я не знала, на что мнѣ рѣшиться.

— Какое не знали!—отвѣчала она, утирая слезы: Я вижу, вы сказали бы Аннѣ Ларіоновнѣ.—Богъ вамъ судья.

Не только тогда, и теперь я не умѣю опредѣлить, сказала бы я сама Аннѣ Ларіоновнѣ, если бы не добилась того, чтобы Дарья Ильинична перестала удерживать Машеньку отъ откровенности передъ матерью. Сдѣлаться доносчицею матери на дочь, рисковать лишить дочь довѣрія матери—я понимала, какъ это страшно. Но вѣроятно, Дарья Ильинична не ошибалась. Во мнѣ была сильна привязанность къ принципамъ нашей скромной жизни.

Машенька предсказывала, какъ поступить ея мать. Анна Ларіоновна рѣшила, что Машенькѣ не слѣдуетъ бывать у тетки, пока Чекмаревъ остается въ нашемъ городѣ.

Съ кроткою печалью Машенька жаловалась мнѣ на меня саму. Она похудѣла и поблѣднѣла. При всей моей твердости въ нашихъ старосвѣтскихъ правилахъ, я почти раскаявалась въ моемъ упрямствѣ и плакала вмѣстѣ съ Машенькой.

И вотъ, я увидѣла, что не только почти, совершенно должна раскаяться, что не послушалась Дарьи Ильиничны, напрасно сдѣлала столько горя моей милой Машенькѣ: Чекмаревъ прїѣхалъ изъ Каталонскимъ. Онъ любитъ Машеньку! Зачѣмъ я внесла столько дней печали въ ея любовь?—Эти мои слезы были очень горьки. Еще горьче стали онѣ, когда Чекмаревъ уѣхалъ отъ Каталонскихъ, и бѣдная Машенька пришла рассказать мнѣ, что сдѣлала Анна Ларіоновна и какъ приняла Чекмарева.

Анна Ларіоновна, увидѣвъ богатый экипажъ, догадалась, что это Чекмаревъ. Она велѣла Машенькѣ уйти изъ гостиной. Онъ уѣхалъ, не видѣвъ Машеньку. Анна Ларіоновна была холодна, суха съ нимъ. Это было слишкомъ. Я не удержалась, пошла къ Аннѣ Ларіоновнѣ; стала упрекать ее.

— Вы напрасно недовольны мною, Лиза, сказала она:—Не разыпаться же мнѣ было передъ человѣкомъ, котораго я вижу въ первый разъ. Посмотримъ; если онъ будетъ правиться мнѣ, тогда я и буду любезна съ нимъ. Почему-жь онъ такъ долго не собрался прїѣхать къ намъ, если это знакомство пріятно ему?—онъ долго раздумывалъ; и мы подумаемъ.

Мнѣ было страшно досадно на себя. Мнѣ было ужасно жаль Машеньку. Мучительно прошелъ для меня этотъ день,—и слѣдующій, почти до самаго вечера. Но къ вечеру, Чекмаревъ самъ потрудился утѣшить меня.

Машенька пришла ко мнѣ, взволнованная еще больше, нежели была вчера. Чекмаревъ прислалъ ей письмо. Теперь она уже не могла бояться, что я стану гро-

зить ей выдать ея тайну Аннѣ Ларіоновнѣ, если не скажетъ она сама: я такъ много и долго горевала о томъ, что принудила ее тогда. Она показала мнѣ письмо. Чекмаревъ жаловался на то, что Анна Ларіоновна вчера была холодна съ нимъ, описывалъ свою любовь, свои страданія. Письмо было облито слезами бѣдной Машеньки. На меня оно произвело противоположное впечатлѣніе: я перестала плакать. Если онъ сколько нибудь любитъ Машеньку, то развѣ онъ не понимаетъ, что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, Аннѣ Ларіоновнѣ вѣшаться ему на шею, пока она не увидитъ, хорошій ли онъ человѣкъ. — Мнѣ стало стыдно за мои сомнѣнія въ благоразуміи нашихъ скромныхъ, простыхъ правилъ жизни: только они пригодны для насъ, только они ограждаютъ насъ отъ горькихъ ошибокъ, вѣрнѣе всякой ловкости, всякой проницательности. Теперь ясно было, что Дарья Ильинична ошибалась, и ввела бы племянницу въ стыдъ и горе поважнѣе полу-ребяческихъ слезъ.

Я стала доказывать Машенькѣ, что Чекмаревъ нисколько не любитъ ее, хотѣлъ только насмѣяться надъ нею. Она плакала, не могла оспорить, не могла и согласиться. Я умоляла ее не отвѣчать ему по крайней мѣрѣ до завтра. На завтра она была почти больна, бѣдная. Но она была умная дѣвушка. Она уже соглашалась, что унизилась бы, если-бъ отвѣчала ему. — Потомъ онъ прислалъ ей еще письмо. Она не взяла его отъ своей кухарки и погрозила, что скажетъ матери, если кухарка будетъ принимать на себя такія порученія.

Наконецъ Чекмаревъ сдѣлалъ то, что сама Дарья Ильинична перемѣнила тонъ. Онъ предложилъ ей деньги, чтобъ она, какъ нибудь обманувъ Анну Ларіоновну, устроила ему свиданье съ Машенькою. Старуха пустила въ него чашкою съ горячимъ чаемъ.

Это совершенно излечило Машеньку. Она поплакала еще нѣсколько времени, но уже только отъ досады на себя за то, что увлеклась такимъ жалкимъ человѣкомъ; скоро вовсе перестала думать о немъ и сдѣлалась весела по-прежнему. Но приобрѣла больше серьезности. — „Прежде я удивлялась тебѣ, Лиза“, говорила она: — „А теперь вижу, что влюбляться — очень глупая вѣтренность, которая вовсе нейдетъ къ нашей жизни. Небогатая дѣвушка, какъ мы, должны быть разсудительны“. — И въ самомъ дѣлѣ, она перестала быть ребенкомъ.

Мой добрый, несчастный другъ Лачиновъ говорилъ правду: порядочные молодые люди изъ нашего состоянія уходятъ отъ насъ въ другое общество. гдѣ нѣтъ насъ... но бываютъ исключенія. Одной изъ сотни такихъ дѣвушекъ, какъ я, встрѣчается порядочный молодой человѣкъ, случайно являющійся въ нашемъ кругу.

Вскорѣ послѣ того, какъ Машенька разочаровалась въ Чекмаревѣ, племянникъ мужа Устиньи Максимовны Симоновой получилъ должность помощника управляющаго удѣльною конторою въ нашемъ городѣ. Его кузины, мои пріятельницы, обѣ уже были замужемъ. Поэтому для него нашлась комната въ домѣ дяди. На первый разъ онъ былъ очень радъ готовому пріюту. Иванъ Николаичъ былъ женихъ не по размѣру нашихъ приданыхъ. Но Машенька понравилась ему. Не нужно было особенной проницательности, чтобы видѣть это. Но я молчала Машенькѣ; молчали ей и кузины Ивана Николаича; кто же знаетъ, захочетъ ли онъ забыть, что можетъ найти себѣ невѣсту и съ большимъ приданымъ, и съ важными связями? — мы не знали и того, вообще расположенъ ли онъ жениться: люди, которые могутъ сдѣлать хорошую карьеру, считаютъ невыгоднымъ жениться въ молодыхъ лѣтахъ. Однако же, надежда, которой не смѣли мы вѣрить, исполнилась. Прошло, я думаю,

не больше мѣсяца послѣ прїѣзда Ивана Николаича въ нашъ городъ, какъ Машенька сказала мнѣ:

— Лиза, я почти дала слово Симонову, и боюсь, что ты осудишь меня. Пожалуйста, не осуждай, душенька.

— Осуждать за то, что ты дала слово Симонову! Богъ съ тобою, Машенька! Съ перваго раза, какъ я увидѣла его, я пожелала тебѣ этого счастья, моя милая Машенька!

Дѣйствительно, я была въ восторгѣ за нее.

— Я въ самомъ дѣлѣ вижу, что ты довольна, — сказала она, когда я перестала душить ее: А я право боялась, что ты осудишь меня. Знаешь, за что? — Вотъ за что: я не влюблена въ него, а иду. И онъ такой прозаическій, Лиза; въ него нельзя влюбиться.

Я расхохоталась. — Когда ты проживешь еще годъ, Машенька, слово „влюбиться“ будетъ смѣшно для тебя. Вспомни, какъ умно рассуждала ты сама, что эти глупости нейдутъ къ нашей жизни.

Я принялась не на шутку бранить ее и бранила больше, чѣмъ она стояла. Забавная выходка о влюбленности была послѣднею ея данью ребяческой вѣтренности.

На другое утро Симоновъ прїѣхалъ къ Аннѣ Ларионовнѣ просить руки Машеньки. Невозможно описать радость Анны Ларионовны, Василя Ильича, даже моихъ старшихъ.

Все было прозаично въ этомъ сватовствѣ; даже и та причина, по которой свадьба была отложена довольно надолго. Симонову хотѣлось, чтобы квартира, которую нанялъ онъ, была хорошо отдѣлана и меблирована. Оклеить стѣны порядочными обоями, — тогда еще довольно большая рѣдкость въ нашемъ городѣ, — сдѣлать драпри, хорошія ручки въ дверяхъ — это можно было бы кончить въ одну минуту. Но меблировка — это была длинная исторія. Въ нашемъ городѣ, хоть и очень большомъ, не было тогда магазиновъ готовой мебели, и если вы хотѣли имѣть порядочную, надобно было заказывать ее и ждать много времени.

У меня радовалось сердце на Машеньку и ея жениха. Симоновъ былъ совершенно порядочный человѣкъ, добрый, разсудительный. Онъ занималъ прекрасную должность. Все обѣщало моей милой Машенькѣ беззаботную, счастливую жизнь въ довольствѣ, даже пзобилии, безъ всякихъ непріятностей. У Симонова была тихая, но глубокая любовь къ ней. Машенька, добрая и умная, привязалась къ нему самую иѣжную дружбою. Когда я стыдила ее наканунѣ помолвки за ея соображеніе о важномъ недостаткѣ, что она не влюблена, она совершенно справедливо говорила, что я слишкомъ придираюсь къ необдуманному слову. Если тогда она еще не понимала, то очень скоро поняла пустоту его, когда увидѣла заботливость жениха о ея счастѣи и когда признательность за ея любовь пробудила въ ней самой чувство, посерьезнѣе романической экзальтаціи. Нельзя было не полюбить этого истинно добраго человѣка. Въ его и ея симпатіи не было одурѣнія, которое очень поэтично, и столько же глупо, но было то, что гораздо лучше: спокойное, разсудительное и сильное расположеніе другъ къ другу.

Отдѣлка квартиры была давно кончена, заказанная мебель почти готова. Можно было назначить день свадьбы. Назначили его. Онъ пришелъ. Въ восемь часовъ вечера мы должны были отправиться въ церковь.

Утро маменька, я, сестра провели у Каталонскихъ, помогая хлопотамъ о нарядахъ невѣсты. Потомъ надобно было намъ позаботиться и о своемъ туалетѣ, — моемъ и Сангиномъ: Саша была ужь не маленькая: ей почти исполнилось пятнадцать лѣтъ, она тоже должна была провожать невѣсту. Послѣ обѣда я осталась дома докончить свои занятія собою и сестрою; часовъ въ шесть я обѣщалась прійти опять къ Каталонскимъ, помогать одѣвать невѣсту къ вѣнцу.

Я причесывала голову Сашѣ. Маменька смотрѣла и дѣлала свои замѣчанія о нашихъ уборахъ; — я думаю, что это было въ концѣ пятого часа; — вбѣжала служанка Каталонскихъ и торопливо, тревожно сказала: „Марья Васильевны нѣтъ у васъ? Господи, я такъ того и ждала, что нѣтъ!“ — Она всплеснула руками. — „Что такое?“ спросили мы, перепуганная ея отчаянной жестикуляціею, да и странными словами. — „Господи! У насъ Богъ знаетъ что дѣлается! Марья Васильевны нѣтъ! Татьяна Ивановна, пожалуйста! — Лизавета Арсеньевна, матушка, барышня бѣгите къ намъ!“ — она опять всплеснула руками и убѣжала.

Я побѣжала вслѣдъ за нею. — У Каталонскихъ было невообразимое смятеніе. Василий Ильичъ, самъ на половину потерявъ разсудокъ, уговаривалъ дѣтей молчать, совалъ имъ пряники и варенье, рвалъ на себѣ волосы, то пускался въ перебранку съ Дарьей Ильиничною. Анна Ларионовна лежала въ истерическомъ припадкѣ и кричала: „Машенька, гдѣ ты? Отдайте мнѣ мою дочь!“

Такъ отозвалась забытая-было всѣми нами влюбленность Машеньки въ Чекмарева. Вотъ какъ произошло это.

Въ нашемъ городѣ не было тогда и наемныхъ каретъ, какъ не было мебельныхъ магазиновъ. Для свадебныхъ поѣздовъ небогатые люди брали экипажи у губернскихъ аристократовъ.

Жена камердинера управляющаго удѣльною конторою пришла въ гости къ экономкѣ старухи Чекмаревой и въ числѣ другихъ новостей выразила ожиданіе, что нынѣ ихъ лакеи и кучеръ навѣрное будутъ пьяны, потому что баринъ далъ карету на нынѣшній вечеръ своему помощнику Симонову, который женится. — „Надо идти смотрѣть свадьбу“, сказала экономка: — „когда, гдѣ будетъ?“ — „У Сергія, въ восьмомъ часу“, сказала гостя. — „А на комъ женится, не знаете?“ — „На дочери тоже нашего чиновника Каталонскаго.“ — „Каталонскаго! значить на племянницѣ этой нашей вѣдьмы, на которую я столько разъ жаловалась вамъ! А невѣста-то водила куры-муры съ нашимъ молодымъ баринкомъ! — Вотъ одолжили, что сказали! Можно удружить этой вѣдьмѣ Дарьѣ!“ — „И удружите“, — одобрила гостя: — „Вы хотите сказать жениху?“ — „Да какъ же? Пойду, скажу“. — „Такъ и сдѣлайте, непременно подите, скажите“, одобрила гостя.

Пелагея Ивановна, служанка Симоновой, сидѣла на крыльцѣ, присматривая за игравшими по двору маленькими братьями и сестрою моихъ подругъ. Пришла незнакомая ей женщина, спросила тутъ ли живетъ Иванъ Николаичъ Симоновъ, помощникъ управляющаго удѣльною конторою, и у себя ли онъ, прошла въ домъ, пробыла тамъ довольно долго, вышла съ довольнымъ лицомъ, остановилась на крыльцѣ и рассказала Пелагеѣ Ивановнѣ кто она и зачѣмъ приходила. — „Вотъ какъ отплатила я проклятой Дарьѣ, которая суеть носъ не въ свои дѣла“, прибавила она: — „Теперь свадьба разстроится: твоя барыня сейчасъ же поѣдетъ къ невѣстѣ, прочитаетъ ей, кто она такая“. — Пелагея Ивановна была добрая женщина, любила Машеньку и тотчасъ же побѣжала предупредить ее. — „Что тебѣ, Пелагея Ива-

новна?“ спросила Анна Ларионовна. — „Я прислана отъ Устиньи Максимовны къ Марьѣ Васильевнѣ“, сказала Пелагея Ивановна, — „Что же такое?“ спросила Машенька. — „Просьба, которую надо сказать только вамъ однѣмъ, барышня“, сказала Пелагея Ивановна и улыбнулась, чтобъ отвести всякое подозрѣніе. — „Пойдемъ въ мою комнату“, сказала Машенька.

Оставшись наединѣ съ нею, Пелагея Ивановна рассказала что слышала отъ экономки Чекмаревой. — „Не огорчайтесь, Марья Васильевна, и не разгнѣвайтесь на меня, будто бы я вѣрю этому: и какъ это можно, чтобъ это была правда! Она имъ наплела, будто у васъ была любовь со внукомъ ея барыни, и будто вы ѣздили на свиданья съ нимъ, и будто его камердинеръ, Егоръ, носилъ вамъ записочки отъ него и отдавалъ вашей кухаркѣ Лукерьѣ, и если не вѣрятъ ей, то пусть спросятъ всю ихъ дворню: вся знаетъ это. И можно ли вѣрить этому? Но если-бъ у васъ и было съ нимъ что нибудь такое, вы, барышня, прямо скажите Устиньѣ Максимовнѣ, что знать не знаю; что вамъ бояться?—Егоръ-то уѣхалъ со своимъ баринкомъ, а ваша-то Лукерья не выдастъ васъ; какія улики?—знать не знаю, да и все тутъ. Не бойтесь, барышня, ничего“.

— Пелагея Ивановна, я, можетъ быть, не разслышала: Иванъ Николаичъ былъ дома?—спросила Машенька.

— Все время дома: когда она пришла, дома; и остался дома, когда я побѣжала къ вамъ.

— Хорошо, благодарю тебя, Пелагея Ивановна, сказала Машенька.

— Какъ-же вы скажете-то ей?—Какъ я говорила вамъ: знать не знаю, да и все тутъ?—А про меня не сказывайте ей, что я предупредила васъ.

— Зачѣмъ же?—я не скажу про тебя, будь спокойна.

— Зачѣмъ Устинья Максимовна присылала къ тебѣ Пелагею Ивановну?—спросила Анна Ларионовна.

Машенька отвѣчала, что Устинья Максимовна присылала сказать ей, что пріѣдетъ поговорить о чемъ-то.

— Вѣроятно, взглянуть на платье, и на все, какъ ты будешь одѣта, хорошо ли, — замѣтила Анна Ларионовна: — Давайте-ка поскорѣе дошивать оборку, — обратилась она къ младшимъ дочерямъ.

Машенька безпрестанно подходила къ окнамъ на улицу. Некому было замѣтить, что она слишкомъ встревожена: всѣ были заняты ея подвѣчными нарядами. Да и когда-жъ невѣста бываетъ спокойна въ день свадьбы?

А между тѣмъ женихъ еще и не зналъ ничего. Экономка Чекмаревой, разумѣется, не нашла въ передней никого, чтобы доложить о ней, и пошла заглядывать изъ комнаты въ комнату. Прошла дѣтскую—никого; отворила слѣдующую дверь;—это была спальная. Устинья Максимовна сидѣла передъ зеркаломъ, примѣривая чепецъ. — „Кого надобно вамъ“, спросила она, увидѣвъ незнакомую женщину. — „Ивана Николаича Симонова, жениха“, — сказала экономка: — „А вы, сударыня, не будете ли его тетюшка, хозяйка дома? Я могу переговорить и съ вами о дѣлѣ, по которому пришла“. — Она рада была случаю: родственницы жениховъ лучше самихъ жениховъ, чтобы надѣлать шума.

Но Устинья Максимовна увѣряла потомъ, что не хотѣла подымать скандалъ, и что не очень повѣрила рассказу экономки: „мнѣ тотчасъ же подумалось тогда, не чернить ли эта женщина Машеньку по злему расчету“, говорила она впо-

слѣдствіи нашимъ и мнѣ. Она прекрасно доказывала, что и не могла не подумать этого. „Какъ же?“ — говорила она: — „Развѣ я не знаю, какъ нерѣдко бываетъ, что недоброжелательные люди стараются разстроить свадьбу сплетнями родственникамъ на жениха или на невѣсту? А въ этомъ случаѣ не должна ли я была тѣмъ больше предположить, что все это говорится по злобѣ, когда экономка сама проговорила, что метить Дарьѣ Ильиничнѣ. Потому я и не сказала ничего племяннику, прежде хотѣла удостовѣриться сама, что это неправда“. — Можетъ быть и совершенно такъ. Но Пелагея Ивановна говорила, что экономка Чекмаревой, вышедши отъ ея барыни, была совершенно увѣрена, что свадьба разстроится, и по всѣмъ словамъ экономки, Пелагея Ивановна видѣла, что Устинья Максимовна совершенно повѣрила всему. Это слишкомъ похоже на то, что чаще всего случается съ людьми нашего круга въ затруднительныхъ обстоятельствахъ: привыкнувъ къ тихому, разсудительному образу жизни, они теряютъ голову, когда случится что нибудь особенное.

Какъ бы то ни было, но видъ Устиньи Максимовны поразилъ Анну Ларіоновну: тетка жениха вошла съ волненіемъ, съ разстроеннымъ лицомъ, Аннѣ Ларіоновнѣ показалось, съ лицомъ раздраженнымъ, и горячо спросила, даже забывъ поздороваться: — „Гдѣ ваша дочь?“ — Анна Ларіоновна удивилась, перепугалась, не зная сама, чего перепугалась. — Гдѣ Машенька? Машеньки уже не было въ гостиной, она сейчасъ стояла у окна, должно быть ушла. — „Да что вы такая разстроенная и страшная, Устинья Максимовна? Или что случилось?“ — спрашивала она, торопливо идя за Симоновой, которая шла черезъ гостиную въ комнату Машеньки, не остановившись съ нею: — „Что такое? Машенька сейчасъ была здѣсь; что такое?“ — „А! вѣрно догадалась, зачѣмъ я ѣду! увидела, что ѣду, и догадалась!“ — говорила Устинья Максимовна, вѣ себя отъ волненія. — Она отворила дверь комнаты Машеньки: Машеньки не было и тутъ. — „Спряталась! Я найду ее, не спрячется!“ — кричала Устинья Максимовна: теперь она уже не сомнѣвалась въ истинѣ всего рассказаннаго экономкою.

Прибѣжала Дарья Ильинична, началась шумная сцена. — „Какъ вы смѣли раскричаться въ чужомъ домѣ?“ — кричала Дарья Ильинична. — „Хороши вы съ вашей племянницей!“ — кричала Устинья Максимовна.

Когда я прибѣжала, Устинья Максимовна уже уѣхала, и все семейство, какъ я сказала, было въ смятеніи. Машенька исчезла. Свадьба разстроилась. Но гдѣ Машенька, гдѣ Машенька?

— Гдѣ моя дочь? — отдайте мнѣ мою дочь! — стонала Анна Ларіоновна.

Что могли мы съ матушкою сказать въ ея успокоеніе? — Мы могли только послать моего отца, послать Василья Ильича, послать всю прислугу искать Машеньку. — Я черезъ нѣсколько времени опомнилась настолько, что вздумала пойти говорить съ женихомъ. Обѣихъ лошадей не было: отецъ и Василій Ильичъ уѣхали на нихъ. Я думаю, что народъ смотрѣлъ на меня: я бѣжала по улицамъ.

Какъ я говорила съ Устиньей Максимовною, я почти не помню; почти не помню и того, что говорилъ мнѣ Иванъ Николаичъ. Но онъ былъ истинно порядочный человѣкъ; потомъ, я помню, онъ сталъ упрекать Устинью Максимовну, она разсердилась и на него. Мы съ нимъ поѣхали къ намъ.

Машеньки все еще не было. Иванъ Николаичъ тоже поѣхалъ искать ее.

Весь вечеръ мы провели въ невыразимой тревогѣ. Машеньки не было нигдѣ.

У всѣхъ была мысль: не бросилась ли она въ Волгу? Ее видѣли торопливо идущую внизъ по нашему проулку къ берегу. Потомъ нашли людей, которые видѣли ее идущую по берегу. Половину ночи мы провели въ отчаяннѣи.

Быль уже второй или третій часъ ночи, когда мы получили извѣстiе о ней. Мнѣ принесъ письмо нѣмецъ изъ Баронскаго, — это пристань, въ 60 верстахъ вверхъ по Волгѣ отъ нашего города. Добрый колонистъ исполнилъ просьбу Машеньки тотчасъ же идти ко мнѣ, хоть будетъ глубокая ночь, когда пароходъ привезетъ его въ нашъ городъ.

Машенька вышла изъ дома, не помня куда идетъ. Когда опомнилась, увидѣла себя на берегу Волги. Затѣмъ ли шла она къ рѣкѣ, чтобы броситься въ воду, она сама не знаетъ. Но теперь ей пришло въ голову, что надобно искать убѣжища въ женскомъ монастырѣ, который стоитъ на берегу. Она пошла по направленiю къ нему. Вдругъ раздался свистокъ парохода, она побѣжала на него и вошла въ каюту. У ней была одна мысль: скрыться отъ родныхъ. Когда пароходъ отплылъ далеко отъ берега, она сказала капитану, что у нея нѣтъ билета, нѣтъ денегъ, нѣтъ ничего: она сѣла на пароходъ какъ была въ комнатѣ. — „Куда-жь вы ѣдете?“ — „Я сама не знаю куда“. — „Зачѣмъ?“ — „Сама не знаю, зачѣмъ; но я продамъ свою мантилю и отдамъ вамъ деньги, только дайте мнѣ уѣхать подальше“. — И капитанъ, и пассажиры стали съ участiемъ спрашивать ее. Она должна была сказать свое имя. Нашлись люди, слышавшiе, что дочь чиновника Каталонскаго выходитъ за Симонова, помощника управляющаго удѣльною конторою. Она должна была признаться, что она ушла отъ родныхъ, жениха. Тогда пассажиры и капитанъ стали совѣтоваться, что можно сдѣлать для нея. Куда она уѣдетъ отъ родныхъ, гдѣ найдетъ прiютъ? Есть у нея знакомые въ Вольскѣ, Хвалынскѣ, Самарѣ, Казани? — Только теперь она услышала, что пароходъ идетъ вверхъ по Волгѣ. — Въ Казани у нея есть братъ, студентъ. — Пассажиры заставили ее написать это письмо, чтобъ отправить его для успокоенiя ея родныхъ, съ первой пристани, съ первымъ пароходомъ, который пойдетъ внизъ. — „Они всѣ уговаривали меня возвратиться; но убѣдились, что я не послушаюсь“, писала она: — „и какъ я возвратилась бы къ нимъ? Зачѣмъ? Я знаю, мнѣ были бы невыносимы ихъ подозрѣнiя, упреки; пусть они и не стали бы упрекать вслухъ, все равно, я знаю, какъ унижена я въ ихъ глазахъ. Передъ ними не оправдаешься. И какой стыдъ передъ всѣмъ городомъ. Какъ могла бы я оставаться въ нашемъ обществѣ? — Братъ не будетъ вздыхать и коситься. Онъ не такой, какъ отецъ и маменька“.

Я не могла показать Аннѣ Ларионовнѣ и отцу Машеньки письма съ такими словами противъ нихъ... Эти жестокия мысли были и несправедливы: Анна Ларионовна не стала бы мучить дочь; Машенька сама должна почувствовать это, когда первое волненiе ея пройдетъ... Но въ сущности, ея рѣшенiе не было неправильно при той увѣренности, какую она имѣла, что тетка жениха прiѣхала спрашивать и упрекать по порученiю жениха, что свадьба разстроилась. Ея жизнь въ семействѣ надолго стала бы слишкомъ горька. Нашъ кругъ добръ и хорошъ; но...

Я не могла показать письма Аннѣ Ларионовнѣ; успокоила ее хоть тѣмъ, что Машенька жива и побѣжала къ брату; между тѣмъ, велѣла заложить нашу лошадь тотчасъ же ѣхать къ Симонову. — „Какъ можно, Лиза? Въ третьемъ часу! —

Пусть ѣдет твой отецъ; если ужъ не хочешь отложить до утра“, останавливали меня.— „Нѣтъ“, сказала я: — „онъ встревоженъ не меньше васъ и не сердится только на одну меня“.

Дѣйствительно, онъ не спалъ, хоть былъ утомленъ разѣздами по всему городу до поздней ночи. Трудно представить себѣ, какъ онъ обрадовался.— „Завтра же беру отпускъ и ѣду въ Казань“,—сказалъ онъ.

Когда мы съ нимъ стали говорить болѣе спокойно, я высказала ему то, что особенно мучило меня теперь: я считала себя виноватою въ этомъ шумѣ. Зачѣмъ я не посовѣтовала Машенькѣ, чтобъ она показала матери письма Чекмарева въ то же время, какъ получала ихъ? Если-бъ это было сдѣлано, Анна Ларионовна не была бы поражена рѣздомъ и словами Устины Максимовны, не дала бы ей кричать, не отвѣчала бы ей только стонами: „Ахъ, что надѣлала моя дочь! Ахъ, какой стыдъ!“—Машенька увидѣла бы, что мать защищаетъ ее и не убѣждала бы...

— Понятно, Лизавета Арсеньевна, — съ раздраженіемъ сказалъ Симоновъ: — Вы сами понимаете, что съ этими людьми невозможно говорить, невозможно имѣть дѣла. Вы думаете, ваша Анна Ларионовна не подняла бы шума, если бы Машенька показала ей письмо Чекмарева. Поняла бы, что нельзя ахать и плакать. Она сдѣлала бы скандалъ, Машенька была бы тогда же обезславлена на весь городъ материнскимъ усердіемъ къ защитѣ ея репутаціи. Съ этими людьми нельзя имѣть никакого дѣла, кромѣ какъ по хозяйству: въ этомъ они хороши.

Онъ былъ раздраженъ; онъ былъ несправедливъ; но въ его словахъ была та часть правды, что мнѣ самой казалось такъ тогда, во время полученія писемъ отъ Чекмарева; потому я и требовала, чтобы Машенька не говорила съ Анною Ларионовною объ этихъ письмахъ.

На другой день Симоновъ уѣхалъ въ Казань. Черезъ двѣ недѣли, Каталонскіе получили короткое письмо отъ дочери, я длинное письмо отъ Симонова и еще болѣе длинную приписку отъ Машеньки. Они повѣнчались, но рѣшили не возвращаться въ нашъ городъ.—Симоновъ писалъ мнѣ, что Машенька никакъ не согласилась бы возвратиться и если-бъ даже она была готова на это, онъ самъ отговорилъ бы ее.— „Ваше прекрасное общество слишкомъ глухо“,— писалъ онъ. Это были слова раздраженія, слова не вполне справедливыя. Но я должна была признаться, что мысль Машеньки и его—не жить въ нашемъ городѣ совершенно основательна.— Онъ писалъ, что они ѣдутъ въ Петербургъ; онъ будетъ искать себѣ должности гдѣ-нибудь въ другой провинціи.

Потомъ Машенька писала мнѣ изъ Петербурга сначала довольно часто. Она хвалила мужа; говорила, что она счастлива;—въ этомъ я была бы увѣрена и безъ ея словъ. Но она жаловалась на петербургскую жизнь, скучную, пасмурную, какъ петербургскій климатъ. Я предполагала, что Машенька нуждается. Разумѣется это было такъ. Черезъ нѣсколько времени братъ написалъ мнѣ, что иногда бываетъ у Симоновыхъ, что Машенька дѣйствительно очень счастлива своимъ мужемъ, но что они терпятъ нужду и что это очень мучитъ Симонова.— „Кто привыкъ пользоваться удобствами и привольемъ провинціального города“,— прибавлялъ братъ,— „тому невыносима петербургская жизнь, скучная, однообразная для людей, которые не имѣютъ огромныхъ средствъ. То, что составляетъ преимущество Петербурга надъ провинціею, напимѣръ, для меня, не существуетъ для Машеньки и ея мужа. Машенька старается быть веселою и бодрою; но вянеть въ

Петербургъ". — Братъ говорилъ, что Симоновъ постоянно хлопочетъ получить мѣсто въ провинціи; но порядочныя должности достаются не легко и не скоро. — Когда я сама стала жить въ Петербургъ, я увидѣла, что онъ можетъ нравиться только тѣмъ изъ провинціаловъ, которые честолюбивы, или такимъ, которые лишь въ немъ могутъ имѣть дѣятельность по своему природному влеченію, какъ напримѣръ, мой братъ, или такимъ, которые по своему исключительному отношенію къ обществу лишь въ Петербургъ могутъ имѣть спокойствіе и свободу... Всѣмъ другимъ Петербургъ душень и тѣсенъ.

Года черезъ три Симоновъ добился должности совѣтника въ Курскѣ. Онъ и Машенька были въ восторгѣ; и дѣйствительно, они ожили, переѣхавъ туда. Машенька призналась мнѣ въ письмахъ изъ Курска, что тосковала въ Петербургѣ, какъ въ тюрьмѣ, и что даже здоровье ея было разстроено лишеніями и скукою.

Я знала это и прежде, какъ я сказала, черезъ моего брата. — За что пропадаютъ въ бѣдности и скукѣ лучшіе годы ея? — думалось мнѣ, пока она жила въ своемъ долгомъ петербургскомъ изгнаніи: — какъ тяжелы послѣдствія минутнаго, ничтожнаго забвенія о томъ, что для дѣвушекъ, подобныхъ намъ, только прозаическая разсудительность обезпечиваетъ спокойствіе и довольство жизни! Всякое уклоненіе отъ старосвѣтскихъ понятій и нравовъ гибельно для насъ.

VII.

Счастливыя годы.

— Новая глава! сказала хозяйка: — Довольно. Отложимъ до завтра. Приѣзжайте опять и вы, Онуфриевъ. — Ужъ двѣнадцать часовъ; пора закусывать и потомъ, господа, по домамъ.

Молодой человѣкъ въ золотыхъ очкахъ сложилъ рукопись, которую читалъ.

— Характеръ рассказчицы обрисовался слишкомъ прозаическимъ, сказалъ нестарый господинъ съ черною бородою: — слабыя движенія чего-то похожаго на поэтическія и живыя стремленія заглушились въ ней полнымъ примиреніемъ съ узкою, пошлою моралью маменекъ и тетушекъ. Тенденція ея очень реакціонна: всякій порывъ въ жизни — безразсудство и гибель для женщины; надобно хозяйничать, спать, слушаться маменьки, выходить замужъ по указанію маменьки; любовь даже къ мужу позволительна только какъ привычка, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни съ нимъ и пріобрѣтенія по крайней мѣрѣ пары дѣтей отъ него.

— Да, рассказчица очевидно думаетъ, что самая безопасная дорога: идти по правиламъ старосвѣтской нравственности и разсудительности. Ошибается ли рассказчица — сомнительно, сказалъ молодой человѣкъ въ золотыхъ очкахъ: — Я полагаю, что разсудительность — прекрасная вещь для женщины, какъ для мужчины.

— Пошлость, называемая разсудительностью, горячо сказалъ господинъ съ черною бородою: — эта повѣсть панегирикъ всему отсталому, исподнижъ...

— Пойдемте-ка лучше закусывать, Онуфриевъ, сказала хозяйка: — Другъ мой, иди закусывать, прибавила она громко, подошедши къ двери кабинета.

— Иду, отозвался мужъ.

Вечеръ второй.

Когда Онуфриевъ пріѣхалъ на слѣдующій вечеръ, его встрѣтилъ одинъ хозяинъ.

— А! Дослушивать повѣсть!—Ну, жены и сестеръ еще нѣтъ дома: съ обѣда уѣхали съ Благодатскимъ кататься по островамъ и вотъ запропали до сихъ поръ.

— Софья Васильевна, кажется, очень жалуется Благодатскаго, сказалъ Онуфриевъ.

— Ужасно любить его, отвѣчалъ хозяинъ.—Да онъ и стоитъ. Самый полезнѣйшій для насъ человѣкъ. Я чрезвычайно радъ, что она познакомила насъ съ нимъ.

— Что это вдругъ напала на Софью Васильевну любовь къ литературѣ? Кажется, до сихъ поръ она никогда не дотрогивалась до вашихъ рукописей.

— А видите, третьяго дня, госпожа, которая дала намъ эту рукопись, была у меня. Жена сидѣла тутъ; эта госпожа понравилась ей.

— Что-жь это за госпожа?

— Какъ вамъ сказать? Ничего особеннаго, кажется; а впрочемъ, не замѣтилъ. Хороша, впрочемъ, тѣмъ, что нѣтъ, повидимому, никакихъ претензій; скромная,—то есть, на счетъ своего разсказа. Говоритъ только: „Пожалуйста, напечатайте“; ну, это желаніе натуральное.

— Да, я не о томъ. Какова лицомъ, молода?

— А! Ну, этого, признаться, не замѣтилъ. А впрочемъ, позвольте, припомню... Кажется, не очень стара.

Онуфриевъ убѣдился въ десятый разъ, что совершенно напрасно спрашивать хозяина о чемъ нибудь подобномъ наружности человѣка, а въ особенности женщины, и сталъ говорить о послѣдней книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“. Хозяинъ слушалъ.

Хозяйка, ея сестра, сестра хозяина пріѣхали. Съ ними молодой человѣкъ въ золотыхъ очкахъ.

— А, вы ужь здѣсь, Онуфриевъ! — Итакъ, дочитываемъ. Благодатскій, за дѣло.

Молодой человѣкъ въ золотыхъ очкахъ пошелъ одинъ въ кабинетъ, принесъ оттуда рукопись, сѣлъ и сталъ протирать очки.

Хозяинъ, видя, что тотчасъ начнется чтеніе, ушелъ въ кабинетъ.

Благодатскій началъ.

(Повѣсть. Продолженіе).

VІІ.

Счастливые годы.

Сравнивая мою довольную жизнь съ лишеніями, которымъ подвергалась Машенька, я не могла не благодарить природу, которая оградила меня отъ всякихъ бѣдъ холоднымъ благоразуміемъ.

Я была права, считая себя счастливою. Послѣ свадьбы Машеньки мои годы шли безъ тревогъ за любимыхъ мною. Старшая изъ оставшихся сестеръ Машеньки была годомъ моложе моей сестры, а Сашѣ было только пятнадцать лѣтъ, когда Машенька покинула насъ. Я очень любила обѣихъ этихъ дѣвушекъ, мою Сашу и Вареньку, почти также мою. Но отъ нихъ не могло быть никакихъ огорченій для меня: онѣ еще играли въ куклы, — тайкомъ отъ подругъ, разумѣется.

Я была спокойна не только за настоящее, — также и за будущность моей сестры. Съ дѣтства она и Аркаша Каталонскій назывались невѣстою и женихомъ. Шутка дѣлалась похожа на правду. Пріѣхавши на каникулы вскорѣ послѣ отъѣзда старшей своей сестры, Аркаша сталъ говорить мнѣ, что Саша красавица и умница, что онъ серьезно смотритъ на нее, какъ на свою невѣсту. — „Отъ всей души желаю, чтобъ это было такъ, Аркаша“, отвѣчала я: — „Она очень любитъ васъ“. Передъ отъѣздомъ въ Казань, онъ заговорилъ, что хочетъ просить нашихъ, чтобъ ихъ обручили. — „Къ чему это, Аркаша?“ возражала я: — „кто думаетъ мѣшать вашей свадьбѣ, если у васъ сохранятся тѣ же мысли черезъ два года?“ — Ему оставалось два года до окончанія курса. Онъ поспорилъ, но согласился не требовать этой формальности. Уѣзжая, взялъ съ меня обѣщаніе писать ему о Сашѣ и заставлять писать ее. — „Аркаша, вы самъ первый станете неисправнымъ корреспондентомъ“, говорила я. — „Нѣтъ, Лизавета Арсеньевна, клянусь вамъ“. — Я звала его Аркашею, а онъ меня — Лизаветою Арсеньевною, хоть я была годомъ моложе его. Но всѣ обращались со мною такъ, будто я была пятнадцатью годами старше своихъ лѣтъ.

Мое сомнѣніе осталось напрасно. Аркаша писалъ ко мнѣ и къ Сашѣ очень часто. Я, всегда и во всемъ аккуратная, отвѣчала ему охотно и безжалостно усаживала писать Сашу. — „Пустяки, сударыня; всѣ твои отговорки вздоръ. Если не умѣешь правильно написать какое нибудь слово, спроси у меня. Наконецъ, развѣ мнѣ тяжело будетъ прочесть твое письмо? Я скажу тебѣ твои ошибки, ты перепишешь, и ему не надъ чѣмъ будетъ смѣяться. — И это пустая отговорка твоей лѣни, что не о чемъ писать; скажи, что ты здорова — онъ и этимъ будетъ доволенъ.“

Черезъ годъ Аркаша пріѣхалъ и сталъ обращаться съ моею Сашею совершенно какъ съ невѣстой: ужъ не позволялъ себѣ хватать ее за руки, а цѣловалъ ихъ, и разсуждалъ со мною о своей свадьбѣ, будто о дѣлѣ рѣшенномъ.

— Какъ я доволенъ, Лизавета Арсеньевна, что пошелъ по филологическому факультету! Учительская должность даетъ средства жениться тотчасъ по окончаніи курса. Не можетъ быть, чтобы не удалось мнѣ поступить въ здѣшнюю гимназію: кандидату нашего факультета открыты цѣлыя пять мѣстъ: по исторіи, по географіи, по латинскому языку, два по словесности. Правда, двѣ изъ этихъ должностей — младшихъ учителей; но я соглашусь и на младшаго учителя.

— Этого я не совѣтую, Аркаша. Лучше подождать, если не будетъ вакансіи старшаго учителя. Вы знаете, обѣщаютъ — а потомъ и забудутъ, если вы возьмете младшаго учителя.

— Нѣтъ, возьму и младшаго учителя, Лизавета Арсеньевна. Неужели-жъ изъ пяти мѣстъ не будетъ въ слѣдующемъ году ни одного вакантнаго? Будетъ, хочу, чтобы было, — будетъ! И тотчасъ повѣнчаемся!

— Все это прекрасно, Аркаша, говорила я: — Только смотрите-же. Все за-

виситъ отъ кандидатства. Постарайтесь получить его. По вашимъ разсказамъ я вижу, что вы мало занимались въ эти три года.

— Ручаюсь вамъ, Лизавета Арсеньевна: кончу кандидатомъ. Примусь за эти глушыя университетскія занятія. Полно бездѣльничать.

— Вы не совсѣмъ бездѣльничали, Аркаша: я вижу, что вы стали образованнымъ человѣкомъ. Я не упрекну васъ въ лѣности. Но дѣйствительно, пора вамъ приняться за факультетскія занятія, которыми вы negliжировали.

— Даю вамъ честное слово, что кончу кандидатомъ.

— Беру съ васъ его, и увѣрена, что вы сдержите его.

Передъ отъѣздомъ онъ опять заговорилъ со мною объ обрученіи и на этотъ разъ не уступилъ.

— Все-таки, лучше, Лизавета Арсеньевна. Ей теперь шестнадцать лѣтъ; по понятіямъ нашихъ стариковъ, это ужъ невѣста. Надобно дать ихъ мыслямъ прочный фундаментъ. А то, пожалуй, станутъ надоѣдать Сашенькѣ какимъ нибудь женихомъ.

— Напрасно, Аркаша, вы такъ мало полагаетесь на нашихъ стариковъ.

— Полагаюсь, Лизавета Арсеньевна; но все-таки, лучше.

— А самъ-то вы, Аркаша? Не рано ли вамъ связывать себя? Вамъ еще только 22 года; и это бы ничего, но я думаю, что у васъ въ головѣ иногда ходитъ вѣтеръ.

Лизавета Арсеньевна, вы судите по-прежнему, что разсказывалось обо мнѣ Гришею. Я былъ повѣсою. Но перемѣнился, повѣрите; и, клянусь вамъ, не опасайтесь перемѣны во мнѣ. Пожалуйста, не противьтесь этому, Лизавета Арсеньевна.

— Что спорить съ вами, Аркаша. Вижу, что не послушаетесь.

— Итакъ, вы будете поддерживать?

— Вуду.

При моемъ ручательствѣ они устроили обрученіе.

Въ этомъ году мнѣ уже не было надобности принуждать Сашу писать къ нему. Она заставляла меня читать его письма къ ней. — „Хорошо, Саша, прочту; но прошу тебя помнить нашъ уговоръ, что этимъ я избавляюсь отъ скуки читать твои отвѣты“. Она все порывалась убѣждать меня своими письмами въ своей любви къ нему, какъ убѣждала его письмами въ его любви къ ней.

Разсчеты Аркаши были умѣренны, поэтому должны были оправдаться. Когда онъ кончалъ курсъ, ему было дано увѣреніе, что они исполнятся. Но, какъ и обыкновеннѣе всего, не обошлось безъ нѣкоторыхъ отсрочекъ и задержекъ. Впрочемъ, я находила, что это тѣмъ лучше: оба они были еще такъ молоды.

Аркаша кончилъ курсъ кандидатомъ, какъ общался мнѣ и себѣ. На просьбу о мѣстѣ въ нашей гимназій, ему отвѣчали: „Теперь вакансія тамъ нѣтъ, вы знаете. Но скоро должна быть: учитель исторіи этой гимназій получить первое мѣсто инспектора, какое откроется въ нашемъ округѣ. На его вакансію будете назначены вы“. — Онъ могъ быть увѣренъ, что слово будетъ сдержано. Потому, хорошо было и это. Но когда откроется вакансія инспектора гдѣ нибудь и освободитъ для Аркаши мѣсто учителя исторіи въ нашей гимназій? — Какъ разсчитать? — можетъ быть, черезъ недѣлю; — можетъ быть, только черезъ годъ.

Аркаша пріѣхалъ къ намъ; совѣтовался со мною, съ нашими. Онъ говорилъ,

что неблагоприятно было бы ждать, сложа руки. Онъ отгадалъ этимъ и наши мысли. Онъ сталъ совершенно основательнымъ человѣкомъ. Я радовалась на него. Онъ поѣхалъ къ богатому помѣщику, готовить его сына въ университетъ. Денежныя условія были очень хороши. Помѣщикъ былъ такъ милъ и деликатенъ, что пріѣзжалъ знакомиться съ нами. Онъ понравился мнѣ: добрый человѣкъ, съ которымъ не будетъ кляузъ. Было переговорено и о томъ случаѣ, если бы мѣсто учителя открылось раньше слѣдующаго лѣта: если такъ, воспитанникъ переѣхалъ бы жить къ Аркашѣ, то есть въ нашъ домъ. Деревня была только въ 60 верстахъ отъ нашего города. Аркаша могъ пріѣзжать къ намъ почти каждую недѣлю. Наши воскресенья и праздники оживлялись его веселостью.

Все это было такъ хорошо...

Въ этомъ спокойствіи, довольствѣ, счастья шла моя жизнь съ весны 1853 г., весь 1854 годъ, — продолжала идти въ 1855 году.

„Моя жизнь“ — а я еще ничего не говорила о ней; я все рассказывала только о другихъ: о Машенькѣ, объ Аркашѣ, о моей сестрѣ. Что стала бы я рассказывать о моей жизни? Въ ней уже давно не было ничего, о чемъ могло бы вспоминаться и мнѣ самой. — Но она не была скучна. Меня занимало хозяйство. Я читала. Я училась по-французски; — зачѣмъ? — чтобы дѣлать что нибудь; я не предвидѣла, что это современемъ пригодится мнѣ. — Я видѣлась съ моими знакомыми; видѣться съ нѣкоторыми изъ нихъ было пріятно мнѣ: не всѣ подружки мои были скучныя, а двѣ-три и дѣйствительно нравились мнѣ. — Я не чуждалась и развлеченій, какія представлялись въ нашемъ небогатомъ обществѣ: рѣдкій мѣсяцъ я не танцевала; иной и не одинъ разъ. Я не бывала бы на этихъ вечерахъ, еслибъ не находила удовольствія на нихъ. Для выѣздовъ мнѣ надобно было много хлопотать съ моими нарядами; я любила быть хорошо одѣта и дома. Я любила наряжать сестру. Поэтому, кромѣ шитья, мнѣ приходилось очень много гладить, довольно много мыть: служанки въ нашемъ кругу не мастерицы обращаться съ кисеею, газомъ, тюлемъ. — Нѣсколько разъ въ году мы бывали въ театрѣ; нашъ театръ начиналъ казаться мнѣ очень плохъ, но все-таки я любила его. Въ одну изъ этихъ зимъ пріѣзжала въ нашъ городъ Ниссенъ-Саломанъ; услышавъ ея пѣніе, я больше прежняго полюбила музыку. Братъ имѣлъ любезность показать мнѣ нѣсколько оперъ. — Зимой мы часто катались по широкому полю льда моей милой Волги. Это было очень весело: благодаря холоду и гладкому пути, наша лошадь вспоминала свои давніе годы и бѣжала прекрасною рысью. Лѣтомъ иногда мы ѣздили на острова или на тотъ берегъ Волги. Съ весны до осени я неутомимо зазывала своихъ на прогулки по садамъ въ горахъ, съ рощами: пристрастіе къ нимъ сохранилось у меня. Все было такъ хорошо.

Вотъ искренній, полный отчетъ о моей жизни до осени 1855 года. Я не скрыла моихъ заблужденій, которыхъ не зналъ никто, кромѣ одной меня. Всѣ близкіе считали меня менѣе слабою, нежели какою знаете меня вы, прочитавшіе эти страницы. Кому было извѣстно, что и я когда-то мечтала? Кому было извѣстно, что и я когда-то имѣла безразсудство написать къ молодому человѣку, признаться ему въ любви. Никто не предполагалъ въ моемъ прошедшемъ такихъ увлеченій. Моя мать, мои подружки не скоро увѣрили бы, что я не шучу,

если-бъ я вздумала разсказать имъ объ этихъ моихъ воспоминаніяхъ. Онѣ не нашли бы въ моихъ прежнихъ годахъ времени, когда я казалась бы способна къ этому. Много лѣтъ тому назадъ онѣ видѣли меня дѣвочкою веселою, смѣлою, но серьезною во всемъ серьезномъ. А съ тѣхъ поръ какъ, я перестала быть ребенкомъ, онѣ знали во мнѣ дѣвушку строгую, холодную, говорившую только о вещахъ, которыми заняты пожилыя женщины.

Я не была дурна собою, и съ той поры, когда увидѣла себя безопасною отъ нашихъ молодыхъ людей, не была липнею въ обществѣ молодежи: мои подруги находили, что со мною оно веселѣе. Я не дичилась и тѣхъ кавалеровъ, которые любезничали съ ними; съ тѣми, которые были женихами или поклонниками подругъ, нравившихся мнѣ, я была даже хороша. Но вся молодежь въ шутку называла меня „наша молодая тетушка“.

Я помнила, что если всегда казалась, то не всегда была такою благоразумно-холодною. Но это было такъ давно, и мои увлеченія были такъ ничтожны, я такъ легко, — мнѣ казалось, такъ легко я побѣдила ихъ, стала такъ чужда имъ... Я вспоминала о нихъ лишь для того, чтобы сохранять снисходительность къ увлеченіямъ другихъ. Я думала, что отжила мою молодость. Правда, на моихъ щекахъ былъ ея свѣжій румянецъ, но въ груди у меня царствовала безмятежная разсудительность; я радовалась ей, вѣрила въ непоколебимость моего спокойнаго счастья и не жалѣла о томъ, что отжила мою молодость.

Въ этомъ безтревожномъ довольствѣ дожила я до осени 1855 года. Мнѣ былъ тогда двадцать третій годъ.

VIII.

Молодость.

Если-бъ я понимала пароксизмы, по временамъ овладѣвавшіе моимъ организмомъ, спокойствіе за будущность исчезло-бъ у меня гораздо раньше. Предвѣстія приближающихся страданій состояли въ томъ, что иногда, проснувшись поутру, я чувствовала утомленіе во всемъ тѣлѣ, тяжесть въ головѣ, стѣсненіе въ груди. Больше я ничего не замѣчала, потому что спала крѣпко, ложилась и пробуждалась благоразумной, здоровой дѣвушкой, занятой хозяйствомъ, интересами родныхъ, прозаическими заботами дня. Свои ничтожныя болѣзненные ощущенія я объясняла легкою простудою, угаромъ или просто тѣмъ, что приняла во снѣ неловкое положеніе и отъ этого сдѣлался маленькій приливъ крови къ сердцу или головѣ.

Я нисколько не занималась этими случаями: они были нечасты, не были тяжелы, и всякій слѣдъ ихъ пропадалъ, едва я поднималась съ кровати. Я имѣла отъ природы хорошее здоровье, не была мнительна; поэтому забывала о такихъ пустякахъ.

Я могу разсказать всѣ подробности случая, заставившаго меня обратить вниманіе на симптомы, которыми я пренебрегала.

Я легла спать спокойная, какъ всегда. Да какой степени холодно и прозаично было настроеніе моихъ мыслей и всего моего существа, можно видѣть изъ того, о чемъ я думала, положивъ книгу, и приготовляясь заснуть: мнѣ вспомнилось,

что надобно сказать маменькѣ, что крупчатая мука у насъ вся вышла, и завтра же надобно послать взять новый кулъ: — „какъ дорого стало все! Давно ли кулъ крупчатой муки стоилъ только пять рублей? — даже я помню это. А теперь надобно платить за него...“ На этомъ я заснула.

Я вскрикнула и полупробудилась. — „Что это со мною? какая глупость!“ прошептала я вприсонкахъ; но глаза мои не открывались, и я опять спала. — Снова, вскрикиваю во снѣ. вздрагиваю и совершенно пробуждаюсь. — Уже свѣтаетъ. — „Какіе гадные сны!“ — Но глаза мои тяжелы, дремота одолеваетъ меня, и я думаю, засыпая: — „мнѣ хотѣлось бы опять увидѣть такой сонъ“. Я сплю; опять такой же сонъ; вскрикиваю и пробуждаюсь.

Было уже утро. Я встала и задумалась. Сны испугали меня и я не знала, какъ понять ихъ.

Только такая дѣвушка, какою была я, могла видѣть такіе сны на двадцать третьемъ году своей жизни, затрудниться тѣмъ, какъ объяснить себѣ ихъ появленіе, ихъ упорное возвращеніе и потомъ долго ошибаться въ ихъ значеніи. Я уже говорила, что могу разсказать здѣсь всѣ три сна.

Въ первомъ я видѣла себя на вечерѣ у Шатиловыхъ. Мы танцуемъ кадрили. Мой кавалеръ — кто-то незнакомый, но такой же, какъ всѣ наши молодые люди, даже хуже многихъ. Онъ танцуетъ довольно дурно. Лицо его некрасиво и вообще онъ не нравится мнѣ. Мы кончили фигуру и садимся, пока танцуютъ другія пары. Мой кавалеръ, садясь, не выпускаетъ мою руку изъ своей и смотритъ на меня. Я чувствую, что кровь приливаетъ къ моему лицу, въ глазахъ у меня темнѣетъ; я падаю въ обморокъ и сонъ исчезаетъ въ полупробужденіи отъ стѣсненія въ груди.

Опять я вижу, мы сидимъ въ нашей гостиной: мать я и какой-то гость, молодой человекъ. Онъ смотритъ на меня; мать улыбается. Лицо его не нравится мнѣ. Но онъ смотритъ на меня такъ пристально, что я не могу оторвать взгляда отъ его глазъ. Я опять чувствую, что кровь приливаетъ къ моему лицу, голова моя тяжелѣетъ; я чувствую стѣсненіе въ груди, мнѣ трудно дышать; я дѣлаю усиліе вздохнуть, у меня вырывается стонъ и я пробуждаюсь.

Въ первый разъ я полу-очнулась отъ испуга и отъ стѣсненія въ груди. Во второй разъ меня пробудила невыносимая боль въ груди. Но это мученіе было соединено съ такою нѣгою, что когда мои мысли начали путаться въ новой дремотѣ, мнѣ хотѣлось вновь испытать это чувство; и сонъ, окончательно пробудившій меня, былъ также мучительно сладокъ. Я видѣла, что мы съ Анною Ларионовною сидимъ на бульварѣ. Солнце заходитъ. Липы бульвара цвѣтутъ; теплый воздухъ благоухаетъ. По моимъ жиламъ разливается теплота, щеки мои горятъ, грудь стѣсняется томною нѣгою. Анна Ларионовна говоритъ: „не правда-ли, прекрасный вечеръ? — Что съ вами, Лиза? Вамъ дурно?“ — „Да“, хочу сказать я, и вмѣсто отвѣта у меня вырывается стонъ, и я пробуждаюсь.

Я встала недовольная собою и нѣсколько испуганная. Что такое со мною? Здорова ли я? — и мнѣ вспомнился цѣлый рядъ болѣзненныхъ пароксизмовъ, которые до сихъ поръ казались мнѣ не стоящими вниманія. Въ нихъ было то же, что въ этомъ; но въ этомъ ясны были черты, которыхъ я не замѣчала въ своихъ прежнихъ болѣзненныхъ пробужденіяхъ; теперь я увидѣла, что эти черты были и въ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ пробужденій съ тяжестью въ груди и въ головѣ, — быть можетъ, во многихъ изъ нихъ, — быть можетъ во всѣхъ — почему я знала? —

я не понимала ихъ хорошенько, я не занималась ими. Теперь не могла не заняться: черты, выступившія въ моемъ тройномъ сновидѣніи, были слишкомъ дурны и страшны.

Вотъ эти страшныя черты, обнаружившіяся теперь для меня: страданіе, отъ котораго три раза пробуждалась я въ то утро, было тѣсно связано съ грезами сновидѣній. Мнѣ вспомнилось, что и прежде, когда я, проснувшись, имѣла болѣзненное ощущеніе, мнѣ видѣлись сны. Я не замѣчала этихъ сновидѣній, не думала о нихъ, потому что они были ничтожны, не представляли никакой разницы отъ обыкновенныхъ сновъ, которыми не стоить заниматься. Это были мелочныя сцены въ обыденной обстановкѣ; чаще всего какіе-нибудь неважные разговоры съ моею матерью, съ Анною Ларионовною, съ подругами, въ родѣ послѣдняго сна этого утра. Какъ могла я прежде придавать имъ хоть малѣйшее значеніе?—Но теперь два первые сна не были похожи на мои обыкновенныя сновидѣнія: въ нихъ участвовалъ молодой человѣкъ и его взглядъ приводилъ меня въ болѣзненное волненіе. Мнѣ помнилось тогда, молодые люди никогда не снились мнѣ съ той давней поры, какъ я перестала влюбляться.

Что-жь такое эти прежніе сны, которыми я пренебрегала? Неужели и прежде были у меня такіе дурныя сны, какъ первые два нынѣшняго утра?.. Неужели я осталась въ снахъ тѣмъ, чѣмъ перестала быть наяву съ тѣхъ поръ, какъ бросила мечтать,—фантазеркою?

Въ первомъ снѣ я чувствовала только страданіе; во-второмъ оно было соединено съ невыразимою нѣгою, и въ третьемъ также. —Я вспомнила, что и прежде чувствовала иногда сладкую томность, пробуждаясь съ болѣзненнымъ ощущеніемъ. Прежде я не обращала вниманія на нее, потому что она не была сильна, и я принимала ее за обыкновенное пріятное чувство теплоты, которое часто удерживало меня въ постелѣ, и знакомо всеѣмъ съ дѣтства. Теперь я не могла не видѣть: эта нѣга происходила отъ волненія крови, которое возбуждалось во мнѣ взглядомъ мужчины. Я сознавала это во второмъ снѣ нынѣшняго утра, и мнѣ припомнилось нѣсколько подобныхъ сценъ въ моихъ прежнихъ снахъ.— „Не это ли называется страстью?“—подумала я и похолодѣла отъ ужаса.

Я не могла не испугаться. Дремота послѣ второго сна и перваго полного пробужденія представляла симптомъ, который получалъ роковое значеніе для моей будущности, если то, что я испытывала, дѣйствительно была страсть: задремавъ, я желала, чтобы повторилась нѣга, бывшая въ мученіи моего второго сна.— „Неужели я поддаю подъ господство страсти?“—думала я, и мнѣ вспомнилось все, что я читала о непреодолимой силѣ страсти.

До сихъ поръ я думала, что патетическія страницы романовъ о могуществѣ страсти—выдумка, игра въ краснорѣчіе, щегольство автора талантомъ описывать и прикрашивать. Я была увѣрена, что страданія и приключенія героинь романовъ происходятъ лишь отъ недостатка серьезности въ ихъ мысляхъ; что если-бъ эти барышни и дамы побольше занимались прозаическими заботами обыденной жизни, если бы понимали пустоту и вредъ мечтательности, онѣ легко подавили бы порывы празднаго воображенія; когда-то я сама успѣла сдѣлать это;—а все ихъ увлеченія основываются лишь на мечтательности, казалось мнѣ.—Теперь мнѣ открывалось совершенно иное: во мнѣ проявлялась какая-то сила, въ которой нѣтъ ни малѣйшаго отгѣнка фантастичности, и овладѣвала не воображеніемъ, а всеѣмъ организ-

момъ моимъ. Мои первые два сна нынѣшняго утра были такъ будничны, просты, что фантазія, очевидно, не имѣла никакого интереса въ этихъ сценахъ, не дѣйствовала въ нихъ; въ моемъ третьемъ снѣ, вовсе и не было никакой воображаемой сцены; не было и мужчины, не было ничего похожаго на мечтательность: я сидѣла на бульварѣ и не думала ни о чемъ; я только дышала теплымъ, благоухающимъ воздухомъ; — и мною овладѣло такое-же волненіе. Тутъ ужъ не могло нисколько участвовать воображеніе; это просто было чувство всего моего организма, главнымъ образомъ груди, отъ волненія крови.

Теперь я поняла, что такое значать слова „волненіе страсти“, — или вообразила, что поняла ихъ. Прежде мнѣ казалось, что ими выражаются тѣ ребяческія шаловливыя выпыхиванія щекъ отъ глупенькой застѣнчивости, которыми забавлялась моя дѣтская живость въ тѣ давніе годы, когда я влюблялась и болтала съ подругами о восторгахъ и мученіяхъ своей любви. Нѣтъ, тогда мое сердце билось только отъ страха, что меня побранить маменька, если услышитъ, что я влюблена, — посмѣются надо мною все старшіе, если замѣтятъ, что я обожаю; я краснѣла только отъ робости, что скажутъ: „ахъ, какъ стыдно! — какая глупая, вѣтреная дѣвочка!“ — Теперь, въ этихъ снахъ не было мысли ни о комъ и ни о чемъ: никому нечего видѣть, нечего осудить; я чувствовала то, чего никогда не знала; я чувствовала, что кровь согрѣвается, согрѣвается въ моихъ жилахъ, кипитъ и душитъ меня.

Что это со мною? что будетъ со мною? Я трепетала отъ страха, я плакала отъ досады на себя.

Внизу послышались шаги матери. Я взглянула въ зеркало: я не могу такъ показаться ей. Мои глаза красны. — Мнѣ надобно было долго ходить по комнатѣ, чтобы мое лицо приняло спокойное выраженіе.

Заботы дня развлекали меня. Я довольно часто задумывалась о тревогѣ, которая смутила мое утро; но съ каждымъ разомъ яснѣе казалось мнѣ, что я преувеличила тогда важность дѣла. Послѣ обѣда я совершенно ободрилась мыслью, что мой пароксизмъ былъ просто слѣдствіемъ какого нибудь случайнаго раздраженія нервъ. Ушедши вечеромъ въ мою комнату, я стала искать причины раздраженія. — Что могло бы разстроить мои нервы вчера? — Я припоминала весь день. Онъ прошелъ тихо, вяло. Такъ же прошелъ и день наканунѣ, среда; также и вторникъ и понедѣльникъ; въ воскресенье прїѣзжалъ Аркаша; но и воскресенье было очень вяло: дождь разрушилъ все наши планы и мы провели день въ тихихъ, обыкновенныхъ дѣлахъ и разговорахъ. Не была ли я одушевлена въ субботу? — Но и суббота, и пятница уже сливались въ безразличное однообразіе со всеми предыдущими днями. Да и слишкомъ далеко было искать причины раздраженія нервъ за четыре, за пять дней. Нѣтъ; не было ничего такого, чѣмъ бы могло быть возбуждено волненіе. — Безуспѣшность поиска возобновила мою тревогу: этотъ пароксизмъ — разстройство нервъ, но безъ всякой особенной причины. Это что-то хроническое, какаля-то органическая болѣзнь! — Можетъ быть, опасная! — Что, если здоровье начинаетъ измѣнять мнѣ? — Но я съ упорствомъ схватилась за мнѣніе: „это болѣзнь“; при всей своей непріятности, оно было отраднѣе, нежели страшная мысль, что я подпадаю подъ господство страсти. — Какая-же болѣзнь со мною? — Симптомы ея: тяжесть въ головѣ, волненіе крови. Не лихорадка ли это? — Но въ лихорадкѣ чувствуется утомленіе всего организма, ломота въ ногахъ, особенно

въ колѣнахъ, ломота въ плечахъ; этихъ признаковъ не было; какъ не было? — я только не думала о нихъ, они были. Такъ, я имѣла нынѣ поутру утомленіе всего организма и особенно сильно отзывалось оно въ ногахъ. Такъ, слава Богу! Это лихорадка. Слава Богу, это только лихорадка! — И мои сны только легкій бредъ лихорадочнаго жара, и мое желаніе въ дремотѣ вновь испытать томную нѣгу — только слѣдствіе лихорадочнаго бреда!

Какъ я была рада этому объясненію! — мнѣ и не вѣрилось въ него, и непремѣнно было надобно держаться за одну надежду. Я убѣдила себя, что оно вѣрно, и стала принимать хининъ.

Теперь я удивляюсь только тому, что я дожила до двадцатьтретьяго года въ такой младенческой наивности, столь чуждая страстямъ.

Но мое воспитаніе было чисто, нравы моего семейства скромны. Я не приписываю себѣ того, что сохраняла непорочность мысли: я благодарю за нее мою судьбу.

Я не буду скрывать того, что было потомъ со мною: я не могу считать себя виновною въ дальнѣйшемъ ходѣ моей внутренней жизни. Было время, когда я презирала и проклинала себя. Но любовь моихъ добрыхъ родныхъ поддержала меня, и теперь, опять спокойная, я пишу свою исторію въ защиту тѣхъ моихъ подругъ по страданіямъ, которыя менѣе счастливы, нежели я.

Не навсегда мои сны остались непорочны. Черезъ нѣсколько времени и днемъ стали представляться мнѣ мечты, за которыя стыдилась я сама и передъ собою. Я не буду рассказывать этихъ видѣній: я пишу не для возбужденія страстей. Но я не умолчу ничего изъ исторіи моей болѣзни.

Да, это была болѣзнь.

Недолго я могла ошибаться въ ея характерѣ. Нѣсколько дней я утѣшала себя надеждою, что хининъ помогаетъ мнѣ и что со мною дѣйствительно была лихорадка. Но пароксизмы возобновились, дѣлались чаще, дѣлались сильнѣе; и постепенно мои сны такъ опредѣлительно приняли эротическій характеръ, что сомнѣніе стало невозможно. Я могла бы рассказать и сны этого періода: они были скромны; они не могли быть нескромны, потому что я не умѣла и во снѣ отгадать ничего нескромнаго; но они были страстны. Поцѣлуи жгли меня и даже внѣ объятій я задыхалась.

Но мои мысли еще оставались чисты, мой разумъ былъ силенъ, воля моя тверда. Я увидѣла, что напрасно было бы продолжать принимать хининъ. Но я хотѣла найти другія лекарства; искала ихъ, нашла, стала употреблять.

Сколькихъ трудовъ стоило мнѣ достать лечебникъ такъ, чтобы не встревожить родныхъ! Я достала его. Какимъ стыдомъ горѣли мои щеки, когда я читала его! — Тамъ говорилось о столькихъ вещахъ, непонятныхъ мнѣ до той поры, — какое отвращеніе возбуждали онѣ во мнѣ, и какъ дрожала я отъ горькихъ слезъ, убѣждаясь, что мои опасенія не обманули меня, что въ самомъ дѣлѣ во мнѣ кипитъ страсть! — и что такое эта страсть! — не то, что я воображала... Вотъ, что значили рассказы замужнихъ подругъ! — не напрасно я чувствовала отвращеніе при мысли о ихъ жизни: какъ гадко, о чемъ говорили онѣ, какъ о наслажденіи... меня тошнило, когда я поняла то, чѣмъ инстинктивно гнушалась, когда еще и не представляла себѣ ничего опредѣленнаго.

Очень многое въ лечебникѣ и въ воспоминаніяхъ о восторгахъ замужнихъ подругъ ноняла я совершенно ошибочно. Многое въ лечебникѣ осталось и совершенно непонятно. Но слова, въ которыхъ излагались гигиеническія правила, были ясны для меня.

Разумѣется, я не могла сдѣлать правильную діагностику, спутывала все, что говорится о разныхъ видахъ разстройства въ организмѣ дѣвушекъ, подобныхъ мнѣ по чистому образу жизни, примѣнила къ себѣ и такіе совѣты, которые относились къ совершенно инымъ состояніямъ организма, лишь бы замѣчала въ ихъ симптомахъ удушье, волненіе крови, страстныя мечты. Но моя воля была тверда: какъ ни тяжела была теорія леченія, которую вообразила я полезною себѣ, я не имѣла недостатка въ рѣшимости и настойчивости.

Я стала строго соблюдать все предосторожности, какія вычитала изъ лечебника. — Съ дѣтства, я привыкла спать на пуховой перинѣ. Надобно было замѣнить ее матрацомъ. Но у насъ въ домѣ не было ни одного матраца. Купить? — Какой предлогъ нашла бы я купить его? — Мнѣ казалось, что изъ одного слова о немъ мать пойметъ все. Я и безъ того жила въ постоянномъ опасеніи, чтобъ она не догадалась. Когда мать взглядывала на меня, я боялась не увидить ли она какой нибудь перемѣны на моемъ лицѣ: не осталось ли блеска или томности въ моихъ глазахъ, не блѣдны ли мои щеки, не кажусь ли я унылою, измученною. Мой страхъ за свое лицо и его выраженіе былъ еще напрасенъ: мое здоровье было крѣпко, и я хорошо владѣла собою. Я радовалась, что мать продолжаетъ быть увѣрена въ моемъ прозаическомъ, холодномъ благоразуміи, и не хотѣла возбуждать вниманія къ себѣ никакою новостью. — Въ моей комнатѣ лежалъ небольшой денежный коверъ. Я вздумала, что онъ еще лучше матраца будетъ служить для моей цѣли. Каждый вечеръ я выжидала поздняго времени, когда уже нельзя было опасаться, что сестра взойдетъ ко мнѣ, запирала дверь моей комнаты на крючекъ, снимала съ моей кровати пуховикъ, покрывала ее ковромъ. Я не могла привыкнуть къ такой жесткой постели. Мои кости болѣли отъ нея, но что это значить! Лишь бы вылечиться!

Лечебникъ говорилъ, что не должно одѣваться на сонъ слишкомъ тепло. Я была изнѣжена и въ этомъ. Но я отказалась отъ моего стеганого одѣяла и стала покрываться лѣтнимъ. Часто я дрожала и не могла заснуть; еще чаще холодъ будилъ меня слишкомъ рано и не давалъ заснуть вновь. Но я терпѣливо переносила и недостатокъ сна, хоть онъ былъ очень тяжелъ для меня.

Я никогда не была обжорою. Но я была молода и здорова, и пользовалась хорошимъ аппетитомъ. Поэтому, каждый обѣдъ, каждый ужинъ мнѣ была нужна довольно сильная борьба съ нимъ. Сама по себѣ и она не была бы важна для меня. Но она очень затруднялась родственною заботливостью отца и особенно матери: хочется ѣсть и уговариваютъ скушать еще кусочекъ — въ двадцать два года, это соблазнительно. Кромѣ борьбы была и опасность: часто меня спрашивали, не больна ли я, что у меня такъ мало аппетита. Иногда я выдумывала головную боль. Но иногда считала надобностью нарушить мою діету, чтобы не навлечь подозрѣній или не возбудить серьезнаго безпокойства за мое здоровье.

Я работала до упада и съ тѣмъ вмѣстѣ избѣгала всякаго живого движенія, чтобы не разгорячить крови. А я имѣла прежде веселый характеръ и молодое здоровье требовало не морить себя отреченіемъ отъ живости.

Мало ли чего другого дѣлала я надъ собою?—Все, чѣмъ изнурили себя аскеты. Я не жалѣла мучить себя.

Не долго я оболщалась надеждою, что суровыя предосторожности излечатъ меня. Сны мои возобновились, пароксизмы ихъ дѣлались все сильнѣе. Но по теоріи, вычитанной изъ лечебника, я думала, что если мое самоизнуреніе не побѣждаетъ болѣзнь, даже не останавливаетъ ея усиленія, то она стала бы развиваться еще быстрѣе, сдѣлалась бы еще тяжелѣе, когда бы я отказалась отъ гигіеническихъ пособій противъ нея: они по крайней мѣрѣ смягчаютъ мои пароксизмы, думала я и продолжала свой аскетизмъ.—Скоро я принуждена была отказаться отъ одного изъ правилъ, которыми истязала себя.

— Лиза, ты, должно быть, только не говоришь, а несовѣтъ здорова, сказала однажды матушка:—Не пренебрегай этимъ, другъ мой.

— Нѣтъ, я здорова, маменька, отвѣчала я хладнокровно и смѣло. Я уже привыкла къ этимъ вопросамъ, и до сихъ поръ мнѣ удавалось хорошо отдѣлываться отъ нихъ. Но теперь матушка не отступалась:

— Отчего ты такъ худѣешь, Лиза? Я уже давно смотрю на тебя: ты съ каждымъ днемъ худѣешь. И очень часто, у тебя слишкомъ мало аппетита. А за ужиномъ ты вовсе ничего не ѣшь.

— Не знаю, маменька; мнѣ кажется, я ѣмъ довольно.

— Какой же это аппетитъ, Лиза? развѣ прежде ты ѣла меньше сестры или меня?—А теперь!—она стала перечислять, сколько съѣла я въ этотъ день; вчера:—какая это ѣда? А главное, ты худѣешь.

Я едва могла прекратить ея заботливыя сомнѣнія.

Дня черезъ два, три мы поѣхали на вечеръ къ Ершовымъ. Тамъ было много людей, съ которыми я видѣлась нечасто. Отъ нихъ я услышала замѣчанія, что я очень похудѣла.

На другой день матушка съ новою настойчивостью стала говорить, что, вѣроятно, я нездорова; иначе, отчего же мнѣ худѣть?—«Вчера даже всѣ посторонніе люди говорили мнѣ, что ты очень худа».—Еще труднѣе, нежели въ прошлый разъ было отстоять, что я не простудилась, что грудь моя не слаба, что я не стала бы пренебрегать болѣзью, если бы чувствовала себя нездоровою. Я едва могла отклонить матушку отъ намѣренія попросить медика; медика!—который, какъ взглянетъ на меня, пойметъ все!—Но я отбилась отъ этого ужаснаго желанія матушки.

— Что-жь это такое съ тобою, Лиза, если ты не можешь пожаловаться ни на какую болѣзнь?—продолжала матушка:—Если ты здорова, а такъ худѣешь, то нѣтъ ли у тебя какого душевнаго огорченія? Не разстроена ли ты какою неприятностью? Нѣтъ ли у тебя какой-нибудь тайной печали?

Эти вопросы встревожили меня еще больше предположеній о болѣзни. Я увидѣла необходимость прекратить мою діету: иначе, казалось мнѣ, мать отгадаетъ мое душевное состояніе. Я перестала изнуриять себя голодомъ и начала поправляться, поилѣтъ, стала опять румяною. Мать успокоилась. И я сама почувствовала надежду: когда я начала ѣсть попрежнему, пароксизмы ослабѣли.

Но не надолго. Скоро опять достигли прежней силы; а потомъ становились все сильнѣе.

Пришла весна 1856 года и я начала худѣть и блѣднѣть уже не отъ того,

что нарочно изнуряла себя голодомъ. Теперь я дѣйствительно была больна, въ строгомъ смыслѣ слова. Первый припадокъ физическаго страданія, пересилившій меня, былъ принятъ мною за падучую болѣзнь; и я не знаю, меньше или больше испугалась я, когда, справившись въ своемъ лечебникѣ, увидѣла, что это не падучая болѣзнь, а истерика.

Но я молчала. Никто, ни мать, ни сестра не знали объ этихъ припадкахъ, пока пароксизмы не достигли такой силы, что однажды я совершенно потеряла сознание, когда они еще не спали. Прежде мнѣ удавалось днемъ сохранять память. На этотъ разъ не спасла меня предосторожность уходить къ себѣ на мезонинъ, когда почувствовала приступъ болѣзни: мои крики призвали всѣхъ.

Когда я опомнилась, наши ухаживали за мною въ испугѣ;—и Анна Ларионовна, и ея Варенька.

— Лиза, такъ нельзя дѣлать, мой другъ, съ нѣжнымъ упрекомъ сказала мнѣ матушка, когда мои силы возстановились:—Я полагаю, что это не первый припадокъ съ тобою. Онъ былъ слишкомъ силенъ: видишь, Анна Ларионовна и Варенька слышали черезъ дворъ, какъ ты стонала. Это не могло быть съ перваго раза. Непремѣнно, ты чувствовала и прежде. Зачѣмъ же ты молчала, пренебрегала этимъ? Нехорошо.

Теперь невозможно было сдѣлать, чтобы не пригласили медика. Я стала лечиться. Пользы не было.

Тотъ медикъ, котораго пригласилъ отецъ, не былъ отличнымъ врачомъ. Но былъ человѣкъ честный, не самолюбивый. Увидѣвши, что моя болѣзнь не уступаетъ ему, онъ сказалъ, что пригласить на помощь себѣ другого медика, который недавно пріѣхалъ въ нашъ городъ.

Мнѣ было очень страшно видѣть Левандовскаго: онъ лучше моего прежняго медика; что, если онъ пойметъ?— Но страданія были слишкомъ сильны; да матушка съ отцомъ и не послушали бы.

На другое утро мой прежній медикъ привезъ Левандовскаго,

Я увидѣла молодого человѣка, красиваго, съ изящными манерами, — свѣтскаго человѣка, а не медика.

Онъ сдѣлалъ мнѣ два-три пустые вопроса, даже и не пощупалъ пульсъ, и сталъ разговаривать о постороннихъ вещахъ. Потомъ онъ сказалъ прежнему медику, что совершенно одобряетъ его методъ леченія и не можетъ предложить никакихъ другихъ лекарствъ, кромѣ тѣхъ, которыя я употребляю. Прибавивши ему что-то по-латынѣ, онъ продолжалъ разговоръ со мною. — Прежній медикъ, проводивъ его, присидѣлъ нѣсколько минутъ съ моею матерью.

— Давно я не бывала у тебя въ гостяхъ, Лиза, сказала матушка вечеромъ:— Сходить, посмотрѣть какъ ты поживаешь.

Мы пошли въ мою комнату. Я предчувствовала, что матушка хочетъ имѣть разговоръ со мною: еще съ обѣда она часто, украдкой, посматривала на меня. Сестры моей не было за чаемъ: матушка дала ей какое-то порученіе къ Аннѣ Ларионовнѣ. Тогда-же я увидѣла, что матушка только хочетъ удалить Сашу, чтобы она не вбѣгала, не помѣшала нашему разговору. Трудно сказать, что я вынесла въ эти долги часы съ визита новаго медика до разговора, котораго ждала: „Онъ понялъ причину моей истерика, онъ сказалъ ее по-латынѣ моему прежнему

медику: теперь маменька знает все; что я буду отвѣчать ей? — Я умираю отъ стыда.

— Садись подлѣ меня, другъ мой, начала матушка: — Я должна поговорить съ тобою. Понимаешь ли ты причину своей болѣзни?

Я готова была броситься на колѣни и вскричать: „Простите меня! Я сама презираю себя!“ Но матушка не дала мнѣ времени отвѣчать: она видѣла, какое дѣйствіе произвелъ на меня ея вопросъ, и спѣшила ободрить меня; торопливо она положила руку на плечо мнѣ; нѣжно наклонила къ себѣ голову и стала гладить мои волоса; — „Я не умѣла начать, какъ должно, Лиза“, говорила она: — „Не огорчайся на меня; я не хотѣла опечаливать тебя еще больше, когда ты и безъ того уже разстроена“. — Разумѣется, я могла только плакать. Но я знала, что это вредно мнѣ, и успѣла успокоиться. Теперь я очень сильно умѣла владѣть собою; пароксизмы бывали такъ мучительны, что мнѣ нельзя было не выучиться самообладанію.

— Я всегда удивлялась тебѣ, Лиза, опять начала она: — ты не похожа на молодую дѣвушку. Но твои лѣта еще не ушли, мой другъ. Правда, тебѣ уже двадцать три года; но только наша глупая старина считаетъ это слишкомъ большими годами. Посмотри на людей образованнаго, богатаго общества; они гораздо умнѣ насъ въ этомъ отношеніи. У нихъ и въ восемнадцать, и даже въ девятнадцать лѣтъ дѣвушка считается еще слишкомъ молодою, и нерѣдко невѣстѣ бываетъ двадцать пять лѣтъ. Что-жъ такое? — Лишь была бы соотвѣтственность по лѣтамъ между молодыми.

Она помолчала, думая, не скажу ли я чегонибудь; можетъ быть, ей и думалось, что я могу скольконибудь повѣрить ея словамъ. Но если я была больна, то не была же безразсудна. — Лѣта, лѣта! — не лѣта, но гдѣ же мои женихи?

— Не думай также о томъ, начала опять матушка, видя, что я молчу: — Не думай также о томъ, Лиза, что вотъ уже года три никто не сваталъ тебя, начала она: — это происходило только оттого, мой другъ, что ты такъ держишь себя.

— Маменька, какъ же я держу себя? — Ужъ нѣсколько лѣтъ я весела и разговорчива въ обществѣ.

— Теперь, Лиза, ты чувствуешь свою ошибку, или, лучше сказать, мою. Быть можетъ, ты обвиняешь меня. Точно; я не могу оправдать себя, мой другъ. Я должна была объяснить тебѣ. Но какъ же говорить объ этомъ? Это очень затруднительно. Думаешь бывало: какъ я стану давать мыслямъ дочери такое направленіе? — Казалось, нехорошо. То-то наша глупость, наши предрассудки! — И притомъ я была также обманута въ тебѣ, какъ и ты сама. До нынѣшняго утра, клянусь тебѣ Богомъ, другъ мой, мнѣ и въ голову не приходило, чтобы ты могла чувствовать свою ошибку! Какъ могла я быть такая слѣпая? Будто я не знаю, что такое значитъ истерика! — Но и не предполагала! — Твоя наружность, твое обращеніе, твой характеръ не допускали такой мысли. Думаю: она бываетъ и отъ другихъ причинъ. Слепая мать, губила дочь!

— Маменька, вамъ не за что винить себя. Вы говорили мнѣ тогда, что я могу раскаться; вы говорили, что я принимаю трудное рѣшеніе. Маменька, я не жалуясь на васъ. Вы говорили.

— Говорила! — но какъ? могла ли ты понимать это, Лиза? — предрассудки наши, предрассудки! Губимъ мы съ ними людей.

Что мы говоримъ? Что я слышу отъ нея? Она знаетъ все и не презираетъ меня! Какъ можетъ она не говорить мнѣ, что я сдѣлалась дурною, гадкою; что всё будутъ презирать меня, если я не выздоровлю? Неужели и она думаетъ, что это не зависитъ отъ меня?—Ея слова ободрили меня и я пугалась въ нихъ, и не знала, что я чувствую: любовь ли къ матери, признательность за ея доброту, за то, что она притворяется, будто я не виновата, —будто можетъ думать, что я невиновата, —или я негодую на нее?— Да, я возмущалась ея словами. Мои понятія были строги. „Испорченная женщина“ — „безнравственная женщина“ — безпрестанно возвращалось въ моихъ мысляхъ о матери: — „Она считаетъ мою испорченность не преступленіемъ! Я не стала дурна! Но развѣ я не чувствую сама, что я стала дурна?—Я была такъ тверда въ нашихъ правилахъ нравственности, что за отрицаніе ихъ терпѣла уваженіе къ матери: она называетъ ихъ предразсудками! — Но это возмущеніе противъ ея доброты слишкомъ противорѣчило и моей любви къ ней, и моему знанію о томъ, какъ безукоризненна моя мать; слишкомъ противорѣчило и глубокой потребности всего моего страдавшаго существа: я мучусь противъ моей воли, какъ же я преступна? — Она права, я невиновата; она отвергаетъ эту нравственность, — но эта нравственность разрушаетъ меня, —она права, эта нравственность предразсудокъ...

Мои мысли были мысли существа страдающаго, неспособнаго понимать утѣшеніе, успокоеніе въ иномъ смыслѣ, какъ въ томъ, какой подсказывается мученіемъ. Могла ли я понимать умѣренныя слова матушки? Я хотѣла видѣть въ нихъ отрицаніе всего, что мучило меня, и въ томъ, что называла она предразсудкомъ, я хотѣла видѣть всё мои привычныя понятія о нравственности... Я не знала, что думать мнѣ, моя голова шла кругомъ... Не въ первый разъ отрицаніе законности всего, что терзало меня, поднималось въ моей измученной груди...

Я не могла понимать матушку. Мои мысли шли, шли, низвергая все.

— Въ чемъ тебѣ винить себя, мой другъ?—говорила и говорила она:—Кто-жь можетъ считать болѣзнь за вину? Дѣлала ли ты чтонибудь противъ разсудка, противъ осторожности? — развѣ ты не заботилась о своемъ здоровьѣ? — Когда простудишься, бывало, всегда принимаешь всё средства; ели устаешь, отдыхаешь; давно ужъ ты стала такая заботливая о себѣ, что и не сидишь долго по ночамъ за книгою; и не дѣлаешь, какъ многія, чтобы въ сырую погоду идти въ кухню въ башмакахъ: всегда остерегаешься, чтобы не промочить ногъ; бережешь всегда и грудь, и голову: чѣмъ же ты можешь быть виновата въ томъ, что твое здоровье разстроилось?—Это не твоя вина, мой другъ: Богу такъ было угодно, это природа, мой другъ... Поэтому я не вижу, чего тебѣ краснѣть передо мной: это пустой, глупый предразсудокъ, мой дружокъ. Въ одномъ только ты должна перемѣниться, когда чувствуешь, что это вредно для твоего здоровья: въ томъ, какъ держишь себя.—Ты сказала: „какъ же я держу себя?“—На это, мой другъ, я замѣчу тебѣ одно: вспомни, какъ ты обращаешься со всѣми? --- Такъ, будто ты моихъ лѣтъ. И я также, мой дружокъ, не держу себя пугаломъ и разговариваю, и шучу; тогда, у Ершовыхъ, мы всё, старики и старухи, даже играли въ веревочку, а Устинья Максимовна даже взяла жениха Наденьки вальсировать. Но кто же скажетъ, что она держитъ себя моложе нашихъ съ нею сорока пяти лѣтъ?—Такъ и ты: танцуешь, говоришь, это правда; но все это такъ, какъ будто ты нашихъ съ нею лѣтъ. Будто ты сама не замѣчаешь, какъ обрадуются съ тобою? отчего это? Вспомни, что ты и кетати, и некстати обнаруживаешь, какъ мало за-

нимаешь тебя все, чѣмъ интересуется дѣвушка, которая еще не отказалась отъ желанія нравиться. Ты даже прямо говоришь, что не имѣешь намѣренія выходить замужъ.

— Маменька, и другія говорятъ это.

— Не спорю; но какимъ голосомъ, Лиза. И притомъ у другихъ обращеніе противорѣчить ихъ словамъ. Что я посовѣтую тебѣ?—Ты держишь себя солидно; это прилично твоимъ лѣтамъ. Но перестань говорить, что ты рѣшилась оставаться въ дѣвушкахъ. Тѣмъ больше я совѣтую тебѣ это, что теперь ты не можешь думать и сама, какъ тогда. Зачѣмъ говорить противъ своихъ мыслей.

— Не поздно ли, маменька?

Я видѣла, что напрасно возмущалась словами матушки: я оклеветала ее въ своихъ мысляхъ, придавая выраженіямъ ея свой смыслъ. Она говорила о замужествѣ. И я сама, теперь уже спокойная, разсудительная, понимала, какъ всегда, кромѣ минутъ безпорядка въ моей бѣдной головѣ, что я бываю гадкою, безнравственною дѣвушкою въ эти хаотическія минуты.—Я давно видѣла, что мы говоримъ о замужествѣ, и сама давно думала только о томъ, возможно ли для меня замужество. Поэтому на всѣ ея слова я только сказала съ печалью:— „Не поздно ли, маменька?“—Я уже давно образумилась и эти слова выражали всѣ мысли, какія имѣла я съ той минуты, какъ образумилась.

— Не поздно ли, маменька?—Въ этомъ была такая правда, что она замолчала.

Дѣйствительно, было поздно. Уже слишкомъ долго всѣ знали о моемъ намѣреніи оставаться въ дѣвушкахъ. Никто не могъ обратить вниманія на то, что я перестала говорить объ этомъ своемъ рѣшеніи. А что же больше могла я сдѣлать? Неужели предлагать себя въ невѣсты? Но кому, еслибъ я и была способна къ такой наглости?

И матушка не могла же рассказывать: „У старшей моей дочери такая болѣзнь, что ей надобно выйти замужъ для поправленія здоровья; посватайте ей когонибудь, хоть вашего сына“, или „вотъ бы вы и женились на ней“.

Но я не знаю, повело ли бы къ успѣху даже и то, если бы моя мать стала подыскивать мнѣ жениховъ, или я кокетничать.

Природа и разумная скромная жизнь отца и матери дали мнѣ лицо, черты котораго не были неправильны. Воспитаніе придадо ему простое, — позволю себѣ сказать: честное, симпатическое выраженіе. Пока я была здорова, я могла нравиться.

Прежде я радовалась тому, что я не безобразна. Но я не была такъ ослѣплена, чтобы не замѣчать того, что стала видѣть въ зеркалѣ.

Въ началѣ моей болѣзни, правда, я видѣла въ немъ не то: часто я казалась и самой себѣ почти красавицею, какъ подруги говорили мнѣ, что я похорошѣла. Черты мои еще оставались молоды. Цвѣтъ кожи сталъ чрезвычайно нѣженъ; румянецъ или возвышался до живости, или, слегка ослабѣвая, давалъ мнѣ интересную томность, а выраженіе моего лица было, противъ моей воли, завлекательно, глаза мои сверкали или манили задумчивой нѣгой....

Но недолго давала мнѣ прелесть болѣзнь, о которой тогда еще не знали мои родные. Когда мои страданія были замѣчены ими, я уже дурнѣла, и дурнѣла съ

каждымъ днемъ. Я видѣла это. Не скрою: мое сердце еще больше ныло отъ этого: я не любила безобразія.

Лицо мое осунулось. Я сдѣлалась старообразна. Кожа потеряла мягкость, стала шероховата; цвѣтъ ея попортился. Иногда я видѣла себя почернѣвшею; иногда на моемъ лицѣ проступали желтыя, иногда грубыя красныя пятна... Нѣтъ, не стану описывать: мнѣ непріятно вспоминать свое тогдашнее лицо, какъ непріятно было тогда взглядывать въ зеркало. Довольно того, что я очень подурнѣла.

Кого могла бы я завлечь, еслибъ и захотѣла?— Я понимала, что теперь никто не женился бы на мнѣ иначе, какъ по расчету. А мое приданое не прельстило бы ни одного не только изъ тѣхъ, которые считались хорошими, — даже ни одного изъ посредственныхъ жениховъ нашего круга. Оно могло доставить мнѣ преимущество надъ большею частью моихъ подругъ, пока я была соперницею имъ по красотѣ и свѣжести. Подурнѣвшую, постарѣвшую, меня согласился бы взять развѣ чловѣкъ, котораго отвергла бы каждая изъ дѣвицъ нашего общества.

А я, безразсудная, попрежнему чувствовала, что не могла бы пойти за чловѣка, который былъ бы ниже меня по развитію; если я мечтала теперь о мужѣ, то я хотѣла, чтобъ я могла уважать и любить его.

Но я мечтала о замужествѣ только въ безразсудныя минуты; или, нѣтъ, и въ минуты безумной жажды я не мечтала выйти замужъ. Поэтому я не унижалась въ обществѣ. Моя болѣзнь заставляла меня испытывать безумныя желанія, но я сохраняла власть надъ своими поступками и не искала себѣ жениха.

Мы были приглашены на именинный вечеръ въ семействѣ пожилого господина, который прѣѣхалъ на мѣсто Симонова помощникомъ управляющаго удѣльною конторою. Это было доброе, деликатное семейство. Они были очень милы съ чиновниками удѣльной конторы; держали себя съ Каталонскими какъ будто съ знакомыми. Черезъ нихъ знали и насъ. Всѣ чиновники удѣльной конторы и ихъ семейства были позваны на этотъ вечеръ. По нашей связи съ Каталонскими, хозяева имѣли любезность не забыть и насъ.

Но люди нашего круга составляли тутъ лишь меньшинство. Вечеръ былъ большой, хорошій. Не говоря объ управляющемъ удѣльною конторою и его семействѣ, были тутъ и нѣсколько постороннихъ хозяину аристократовъ губернской службы; была половина, я думаю, средняго свѣтскаго общества.

Изъ множества незнакомыхъ лицъ, мое вниманіе привлечено было въ особенности однимъ: молоденькою, чрезвычайно молоденькою дамою. Она такъ понравилась мнѣ, что я даже спросила, кто она. Мнѣ сказали, что это — мадамъ Левандовская.

Черезъ нѣсколько времени мнѣ пришлось танцевать визави съ нею. — Мужъ много разъ въ вечеръ подходилъ къ ней. Подошелъ и въ эту кадрили и стоялъ за стуломъ жены, говоря ей шутки, отъ которыхъ смѣялся и ея кавалеръ. — Когда я переходила на ту сторону, онъ не смотрѣлъ на меня: нѣтъ ничего обиднаго, вельзя же медику имѣть охоту держать себя, какъ со знакомыми, со всѣми, у кого ему приходится побывать разъ, думала я.

Кадрили кончился. Я пошла въ гостиную; но еще не дошла до двери зала, евандовскій подошелъ ко мнѣ.

— М-elle Свилина, позвольте мнѣ напомнить вамъ себя: врачъ Левандовскій; однажды я имѣлъ честь быть у васъ.

— Я очень хорошо помню васъ, м-г Левандовскій, отвѣчала я, подавая ему руку.

Какъ я должна была перемѣниться въ это время, съ его визита! Я думала, что онъ не хочетъ возобновлять знакомства, а онъ только не узналъ меня! А уже и во время его визита какая дурная и старая была я!

Вѣроятно онъ прочелъ эту мысль на моемъ лицѣ, потому что поспѣшилъ сказать:

— Вы извините, что я не осмѣлился заговорить съ вами во время кадрили: въ нашей профессіи приходится видѣть столько людей, и я хотѣлъ прежде удостовѣриться, что не ошибался: у меня память слабо удерживаетъ черты лицъ.

— Вы очень любезны, докторъ, сказала я, засмѣявшись. Мы съ нимъ шли вдвоемъ:—Вы просто не узнали меня.

— Да, сказалъ онъ серьезно:— Я не узналъ васъ.— Вы продолжаете лечиться?

— Да, сказала я,

— Медикъ имѣетъ особенныя права, м-elle Свилина. Я смѣю предложить вамъ одинъ вопросъ: послѣ моего визита къ вамъ не было никакого разговора между вами и вашею матушкою?

И прежде онъ понравился мнѣ. А теперь я видѣла, какая милая, хорошенькая его жена. Еще ни къ кому никогда я не чувствовала себя въ такомъ свободномъ отношеніи.

— Она говорила.

— И что же? Развѣ такъ слушаются медика? Его голосъ былъ такъ серьезень, — строгъ.

— Предлагать совѣты иногда бываетъ гораздо легче, нежели исполнять ихъ, м-г Левандовскій.

— Я не вполне понимаю васъ. Я слышалъ, что вы дѣвушка образованная; вы не должны были бы ставить предразсудки выше здоровья.

— Вы называете предразсудкомъ то мнѣніе, что для брака нужно взаимное уваженіе и нѣкоторая, хоть небольшая симпатія?

— Для брака?—сказалъ онъ и замолчалъ.

Что хотѣлъ сказать онъ?

— Когда вы женились, м-г Левандовскій, неужели у васъ и вашей невѣсты не было расположенія другъ къ другу?

— Было, вы правы: для брака необходимо уваженіе и сочувствіе. Но прежде всего надобно слушаться медиковъ.

Зачѣмъ онъ далъ такое удареніе этимъ словамъ: „для брака“?

— Можетъ быть, м-г Левандовскій, мое здоровье возстановилось бы, по крайней мѣрѣ, не было бы такъ дурно, если-бъ я могла вести тотъ образъ жизни, котораго оно требуетъ. Но я не могла исполнять всего, что считала нужнымъ. Это потому, что прежде я старалась скрывать свою болѣзнь. Но теперь, когда родные знаютъ ее, то все равно. Я сплю на жесткомъ; но быть можетъ, сплю слишкомъ долго. Я очень умѣренна въ пищѣ, но ѣмъ то же, что другіе. Я могу ѣсть гораздо

меньше, ограничиваться какою бы то ни было самою невкусною діетою; я могу спать только четыре часа въ сутки. У меня достанетъ характера.

— Все это значило бы напрасно изнулять себя. Напротивъ, всякій аскетизмъ усиливаетъ вашу болѣзнь;— даже и тотъ, который относится къ пищѣ; и всякій другой.

Я поблагодарила его за совѣтъ и спросила, какъ нравится ему нашъ городъ, и не жалѣетъ ли онъ и его жена о Москвѣ.

Этотъ разговоръ имѣлъ большое вліяніе на развитіе моихъ мыслей, но уже гораздо позже. — Теперь, и еще долго потомъ, у меня бывали минуты такого страданія, когда я готова была на все въ мірѣ, чтобъ избавиться отъ нестерпимой боли; бывали и минуты дерзкой смутности въ мысляхъ; но это были только минуты, какъ въ срединѣ того разговора съ матушкой. Вообще, я была тверда въ томъ, что называла тогда всеѣми добрыми именами. Я не хотѣла быть дурною. Я боялась понимать смыслъ словъ Левандовскаго, отталкивала отъ себя размышленіе о нихъ, твердила себѣ: „онъ не хотѣлъ сказать ничего, кромѣ того, что я слышала отъ матушки. Мое испорченное сердце даетъ ложное толкованіе его незначительнымъ выраженіямъ. О, какъ дурна стала я! Я готова самыя невинныя слова превращать въ безнравственныя внушенія“.

Во мнѣ еще не было смѣлости отвергать принципы моего воспитанія. Но у меня не было и силы безропотно переносить мои страданія. Этотъ долгій періодъ болѣзни до пріѣзда брата былъ временемъ отчаянія и горечи, которая переполняла мою измученную душу, тайно изливалась на все, въ чемъ я видѣла тогда причины моихъ страданій.

„Тайно“, сказала я. Нѣтъ. Однажды у меня не достало твердости сохранить молчаніе. Вѣчно будетъ прискорбна мнѣ память объ одной — къ счастью, только одной, но жестокой ранѣ, которую нанесла я сердцу матушки. Я не хотѣла бы, чтобы меня назвали чудовищемъ. Я сама не могу простить себѣ того, что оскорбила мою мать... Но клянусь, это было потому, что мой разсудокъ затмѣвался.

Моя память не могла смѣшать съ другимъ этотъ вечеръ, вечеръ, когда я оскорбила мою мать!.. 3 сентября — черный день 1856 года, — черный день моей жизни.

Вакансія инспектора въ Казанскомъ округѣ не открывалась больше года послѣ того, какъ Аркаша кончилъ курсъ, и до слѣдующаго лѣта Аркаша прожилъ въ деревнѣ, ожидая, пока освободится для него должность учителя въ нашей гимназіи. Онъ кончилъ приготовленіе своего воспитанника къ университету, поѣхалъ съ нимъ въ Казань, помогать ему заниматься во время экзаменовъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ, поближе узнать о положеніи дѣла по своему опредѣленію на должность. 2-го сентября мы получили отъ него письмо, что, наконецъ, на дняхъ произойдетъ перемѣщеніе, котораго онъ такъ долго ждалъ. Онъ рѣшилъ не уѣзжать изъ Казани, пока не получитъ бумаги о своемъ назначеніи въ нашу гимназію. — „Ура! готовьте свадьбу!“ — весело прибавлялъ онъ.

На другой день сестра обѣдала у своихъ будущихъ родныхъ и осталась тамъ на вечеръ. Послѣ обѣда и отецъ ушелъ туда; матушка легла уснуть. Я ушла къ себѣ на мезонинъ, стала читать; но была еще слишкомъ взволнована вчерашнимъ письмомъ. Хотѣла одолѣть свои мысли, занявшись французскимъ языкомъ, но раздраженіе нервъ, мучившее меня и наканунѣ и въ это утро, разразилось жестокимъ

припадкомъ истерики. Чтобы не разбудить матушку, я сдерживала стоны. Это увеличивало силу страданія, и оно дошло до того, что я лишилась памяти. Очнувшись, я чувствовала себя совершенно изнуренною; матушка сказала, что больше часу хлопотала со мною. Она продолжала ухаживать, не смотря на то, что сама была очень утомлена. Я стала просить ее уйти, потому что теперь мнѣ легко. Она отвѣчала, что еще боится оставить меня одну, и продолжала ухаживать: то поправляла подушку, то предлагала выпить холодной воды, то подавала нюхать спиртъ. Мои нервы начали опять раздражаться.

— Маменька, вы устали; идите, отдохните, — сказала я голосомъ, уже дрожащимъ.

— Нѣтъ, Лиза, побуду еще съ тобою. Ты видишь сама, какъ ты слаба: и голосъ у тебя еще больной.

— Идите, маменька, прошу васъ, — сказала я сквозь слезы.

— Видишь, съ тобой опять нехорошо, — отвѣчала она: — Вотъ выпей водицы.

— Отстаньте отъ меня, умоляю васъ! — проговорила я съ ожесточениемъ: — Теперь поздно ухаживать. Надобно было больше заботиться обо мнѣ прежде.

— Лиза, ангель мой! — печально произнесла матушка.

— Да, маменька, теперь поздно. Вы должны были знать это прежде. Вы могли предотвратить это. Я была глупа, не понимала. Вы должны были имѣть разсудокъ за меня. Если бы вы были хорошая мать, вы побранили бы меня, заставили бы меня идти замужъ, и этого не было бы. Вы погубили меня.

— Принуждать, Лиза! Подумай, что ты говоришь! Можно ли принуждать?

— Это была ваша обязанность. Вы причина всѣхъ моихъ страданій. Вы виноваты и въ томъ, что я отказывала женихамъ. Зачѣмъ вы пріучили меня читать книги? Вы должны были знать, что это лишнее для меня, что это повредить мнѣ. Вы виноваты, что мнѣ стали не нравиться люди, между которыми я должна была выбрать мужа. Черезъ васъ моя молодость была лишена всякой радости, мое здоровье погубило, ни одинъ день не проходитъ для меня безъ мученій.

Мой голосъ перерывался криками и хохотомъ. Припадокъ возобновился.

Когда я опять пришла въ себя, у меня не было силы броситься къ ногамъ матушки. Я могла только говорить „простите меня, бѣдная маменька“ — „я обидѣла васъ“. — Она сказала, что не думала обижаться, и запретила мнѣ говорить. — „Молчи, тебѣ вредно. — Пожалуй, я уйду. Надобно бы уйти тогда, какъ ты и просила“. — Я сказала, что теперь все прошло, и просила ее остаться. — „Ужасно мудрено, какъ поступать въ такой болѣзни“, — сказала она, опять въ защиту себѣ: — „и не слушаться нельзя, и оставить одну — тоже боишься“.

Такъ. Она не сердилась на меня. Между нами не могло быть неудовольствій. Но она понимала, что слово, которое высказывается въ самозабвеніи, открываетъ самую глубокую тайну души. Узнать, что человекъ, любимый вами, искренно любящій васъ, считаетъ васъ причиною своихъ страданій — это очень горько. Пусть онъ несправедливъ; пусть онъ самъ понимаетъ, что несправедливъ противъ васъ. Но вы любите его, и поэтому ваше сердце раздѣляетъ всѣ его чувства, даже тѣ, о которыхъ вы оба знаете, что они ошибочны. Послѣ моихъ упрековъ, матушка очень долго винила себя въ моихъ страданіяхъ. — „Сижу, бывало“, говорила она мнѣ потомъ: „и думаю: какъ же я не виновата? Я ей мать. Если бы не было въ чемъ нибудь моей ошибки, какъ же она стала бы несчастна?“

Это былъ единственный случай, когда я потеряла власть надъ своими словами. Вообще, замѣчали во мнѣ только одно: часто бывало, что я вдругъ вставала и уходила въ мою комнату. Они приписывали слабости, думали, что я ухожу лежать, отдохнуть. Они не знали, что характеръ мой измѣнился. Я умѣла скрыть отъ нихъ эту порчу. Но я не узнавала себя.

Прежде, я была ровнаго, кроткаго характера. Я родилась бы слишкомъ дурною, если бы не выросла доброю и мягкою. Никто никогда не притѣснялъ и не обижалъ меня. Наше семейство жило дружно.

Но теперь, часто кипѣла во мнѣ жолчь, я ненавидѣла; меня терзала зависть. Сестра не подозрѣвала, какую злобу я часто чувствую къ ней. Она видѣла только, что я по прежнему радуюсь ея счастью. Я и радовалась ему, когда владѣла собою. Но когда болѣзнь пересиливала мой разсудокъ, я мучилась завистью къ ней. Какой борьбы стоило иногда мнѣ слушать ея рассказы объ Аркашѣ, о ея и его любви ко мнѣ, о томъ, какъ счастливо мы будемъ жить. Я собирала всѣ добрыя силы моей души, чтобы сочувствовать ей, и обыкновенно это удавалось мнѣ, пока я видѣла передъ собою ея невинное лицо. Но какими злыми слезами плакала я потомъ въ моей комнатѣ, когда никто не могъ подсмотрѣть, какъ дурно стало мое сердце.

Я не могла безъ ужаса думать о приближеніи того, чему и я радовалась, по мнѣнію всѣхъ нашихъ. Сколько часовъ провела я, поддаваясь тайному злему желанію: „о, если бы разстроилась эта свадьба! если бы, по крайней мѣрѣ, эти счастливцы не остались въ нашемъ городѣ! если-бъ Аркашку перевели куда-нибудь! если-бъ устроилось хоть то, чтобъ они жили не вмѣстѣ съ нами!“ Но я знала, что я не буду спасена отъ мученія ежеминутно видѣть ихъ счастье. Давно, — съ самаго ихъ обрученія, — было рѣшено, что они будутъ жить въ нашемъ домѣ. Невозможно было, чтобъ они не жили въ немъ. Отецъ уступалъ Аркашѣ свой кабинетъ. Сестра уже много лѣтъ имѣла свою отдѣльную комнату. Всѣмъ будетъ просторно: насъ будетъ только пять человѣкъ въ семи комнатахъ.

У меня было одно утѣшеніе: говорить себѣ: „можетъ быть, это придетъ еще не скоро“. Письмо Аркаши изъ Казани отняло у меня эту надежду. Съ каждымъ днемъ, надобно ждать пріѣзда Аркаши. Страшный ударъ! Отчаяніе, въ которое онъ повергъ меня, объясняетъ мою жестокость съ матерью, когда я уязвила ее напрасными словами.

Быть можетъ, было даже къ лучшему, что произошла эта ненавистная сцена: власть моей злобы надо-мною ослабѣла; стыдъ и раскаяніе увеличили мою силу бороться съ моимъ сердцемъ, подурившимъ, какъ мое лицо, и у меня достало твердости казаться доброю сестрою во все страшное время приготовленій къ свадьбѣ, первыхъ дней послѣ свадьбы. Быть можетъ, если-бъ я не опечалила мать упреками за мои страданія, я еще жесточе огорчила бы ее потомъ, въ это ужасное время послѣ пріѣзда Аркаши, дала бы ей еще глубже увидѣть черныя тайны моего раздраженнаго сердца; дала бы ей увидѣть въ немъ не только порицаніе противъ нея за мои мученія, но и вражду къ сестрѣ; теперь, я успѣла скрыть хоть это.

Осуждая себя, я не осуждаю безусловно. Какъ велико человѣческое тщеславіе! — Мнѣ льститъ воспоминаніе, что послѣ этой гадкой сцены я держала себя, какъ была обязана моею любовью къ любившимъ меня. Я не была чудовищемъ хоть повидимому, хоть въ ихъ глазахъ, если не въ моемъ черномъ самосо-

знаніи; и я горжусь этимъ!—Но, дѣйствительно, я не знаю, какъ могла бы я перенести это время, если-бъ не любила сестру очень горячо.

IX.

Свадьба и молодые.

Вспоминая то время, я удивляюсь силѣ человѣческаго организма. Или я была одарена отъ природы слишкомъ большимъ запасомъ крѣпкаго здоровья, что, и ослабленная болѣзнью, пережила эти пытки.

Напримѣръ, эта встрѣча Аркаши!

Сестра проводила цѣлые дни на моемъ балконѣ, все смотрѣла на Волгу, не покажется ли пароходъ, все смотрѣла вдоль по улицѣ къ Волгѣ: она хотѣла первая увидѣть Аркашу, когда онъ будетъ идти къ нашему дому отъ пристани, бывшей близко подъ нашимъ домомъ.— „Я первая, одна побѣгу навстрѣчу къ нему!“ говорила она:— „я одна хочу встрѣтить его!“

Это было поутру. „Слышишь, Лиза? идетъ пароходъ сверху; не на немъ ли онъ?“—и она потащила меня на балконъ. „Скажи, Лиза, пріѣдетъ онъ на этомъ пароходѣ?“—И я должна была шутить, быть веселой: могла ли я огорчить ее, не показывая ей симпатіи?— „Онъ, онъ, Лиза! Какой онъ догадливый! Онъ зналъ, что я буду смотрѣть, ждать! Перешелъ на ту сторону улицы, чтобы я могла увидѣть! Лиза, скажи, что это онъ“.—Я должна была сказать, что это онъ. Но еще нельзя было рассмотреть.— „Ты опять обманываешь, Лиза, какъ вчера! Ты тоже еще не видишь, онъ ли. Что, если это опять не онъ, какъ вчера?“—Я должна была шутливо отвѣчать, что опять буду утѣшать ее, какъ вчера.— „Лиза, снялъ шляпу, поклонился!—идемъ, бѣжимъ къ нему“,—она тащила меня.— „Саша, да вспомни, что ты хотѣла одна встрѣтить его, не хотѣла никого допустить раздѣлить съ тобою эту честь“.— „Иди, душенька Лиза, скорѣе!“— „По крайней мѣрѣ надѣнь шляпку и позволь надѣть мнѣ“.— Мы надѣли шляпки и пошли встрѣчать Аркашу. На долю мнѣ досталось вдвое больше объятій и поцѣлуевъ, чѣмъ каждому изъ нихъ: обнявъ ее, онъ непременно обнималъ и меня; поцѣловавъ его, она бросалась цѣловать и меня.

Но это началось незаконечно, когда мы уже вошли за ворота; на улицѣ—мы обнялись только нѣсколько разъ;—на улицѣ они все повторяли, что мнѣ, собственно мнѣ они обязаны своимъ счастьемъ... и потомъ, каждый день, каждый часъ были тѣ же увѣренія и отъ него, и отъ нея. Могла ли я не платить имъ любовью за такую привязанность?

Правда, я не измѣняла своей обязанности быть полезною для Саши. Правда, я понимала, что сестрѣ легче говорить съ сестрою, нежели съ матерью, какъ бы ни была добра и ласкова мать. Правда, я понимала, что ей легче принимать совѣты отъ меня, нежели отъ матушки. Но и безъ моего примѣра, и безъ моихъ разговоровъ, Саша выросла бы хорошею дѣвушкою. Они преувеличивали пользу, которую принесла ей я. Она была воспитана жизнью нашего семейства; эта добрая жизнь сложилась не подъ моимъ вліяніемъ. Сестра, какъ и я, всеѣмъ обязана матушкѣ.

Скорѣе, могу я согласиться, что не была бесполезна для Аркаши. При живости своего характера, онъ могъ бы потерять время въ университетѣ, какъ терялъ до послѣдняго года въ гимназiи. Можетъ быть, онъ и не поѣхалъ бы въ университетъ, если бы я не стыдила его. Впрочемъ, и въ этомъ онъ преувеличивалъ мое вліяніе на него. Тутъ много значилъ примѣръ моего брата.

Но если я спорила противъ ихъ преувеличенной признательности, то не могла не цѣнить ихъ любовь, которою одною объясняется эта ошибка и Аркаши, и сестры. Но ихъ любовь ко мнѣ, бывшая прежде самою сладкою моею радостью, отравляла теперь мою жизнь.

Я старалась развлечь себя заботами о свадебныхъ приготовленияхъ. Напрасно. Онъ и она терзали мое завистливое сердце своими ласками при встрѣчѣ; какъ прежде, сестра дѣлилась со мною всеми своими мыслями объ Аркашѣ, какъ прежде онъ описывалъ мнѣ свою любовь къ ней, такъ и теперь; я не могла сдѣлать, чтобы не быть безпрестанно третьею при ихъ разговорахъ: было бы слишкомъ грубо отталкивать ихъ довѣрчивую симпатію, и они воображали, что я радуюсь на ихъ нѣжныя ласки другъ другу...

Я и не отталкивала, я и радовалась: у меня недоставало силы отказать себѣ въ тоскливомъ наслажденiи, какое давали мнѣ ихъ жаркіе разговоры, и я не могла отводить глазъ отъ ихъ ласкъ; каждый поцѣлуй ихъ разливался огнемъ и по моимъ жиламъ, и отъ ихъ нѣжныхъ словъ другъ другу трепетало, замирало и мое сердце... Нѣтъ, это не было мученіе—это было упоеніе, и въ этой чашѣ смертельной горечи я пила восторги.

Да, и я была невѣстою, страстною невѣстою, и я была новобрачною, робкою и нѣжною, пламенною и стыдливою новобрачною, — невѣстой безъ жениха, новобрачною безъ мужа, невѣстой и новобрачною вдовою, вдовою.

О, это время, время блаженства!

Я твердо хотѣла не нарушать счастья ихъ, радости всѣхъ нашихъ. И какъ велика можетъ бывать власть воли надъ нервами!—я все это время выдерживала мои волненія: со мною не бывало припадковъ днемъ и я успѣвала скрывать, что бывало со мною по ночамъ.

Но черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы сестры, я изнемогла и долго не могла вставать съ постели.

Какъ нѣжно ухаживали за мною матушка, сестра, Аркаша, его мать!—Мнѣ кажется, я не знала до той поры всей силы ихъ любви ко мнѣ.

Опасность миновалась довольно скоро: не больше мѣсяца они опасались за мою жизнь. Но я поправлялась потомъ очень медленно. Они не скучали ухаживать за мною въ эту долгую зиму. Къ веснѣ, я уже могла ходить.

Х.

Б р а т ь .

Я такъ привыкла къ своему состоянію, что считала себя совершенно выздоровѣвшею, когда могла выходить и выѣзжать. Поэтому, постепенно и все наши, даже матушка, перестали беспокоиться обо мнѣ.

Братъ съ весны, слѣдовавшей за свадьбою сестры, писалъ, что надѣется въ это лѣто—1858 года—побывать у насъ.

Мы не видѣлись уже пять лѣтъ. Съ того времени, какъ онъ прислалъ мнѣ 1500 рублей, его письма къ намъ почти ничего не сообщали о его дѣлахъ, отношеніяхъ, жизни. Мы знали, что онъ служитъ, что онъ пишетъ что-то въ одномъ изъ хорошихъ журналовъ, но не знали даже, какія статьи принадлежатъ ему. На мои вопросы объ этомъ онъ отвѣчалъ: „Я занимаюсь черною журнальною работою, о которой не стоитъ говорить“. На вопросы матушки о его дѣлахъ онъ отвѣчалъ также коротко, что живетъ безъ нужды. По временамъ, — въ послѣдніе полтора года, — онъ присылалъ намъ подарки, которые показывали, что иногда у него бываетъ пятьдесятъ, сто рублей свободныхъ. Къ свадьбѣ сестры онъ выслалъ ей подарковъ рублей въ триста, или больше.

И прежде, еще юношею, онъ имѣлъ характеръ суровый и сухой. По его замкнутости въ перепискѣ съ нами я полагала, что эти черты развились въ немъ. Я не могла сомнѣваться, что онъ человекъ благородный, готовый помогать роднымъ. Но мнѣ казалось, что четыре года жизни въ эгонстическомъ Петербургѣ приучили его смотрѣть на насъ, какъ смотрятъ на дальнихъ родственниковъ: ихъ не оставляютъ безъ помощи, когда они нуждаются; но ихъ интересы и мысли — не наши, и жизнь ихъ не имѣетъ ничего общаго съ нашею.

Впрочемъ, его обѣщаніе навѣстить насъ очень обрадовало все наше семейство; особенно отца и мать: братъ составлялъ гордость ихъ. Сестра была еще ребенкомъ, когда видѣла его въ послѣдній разъ, а теперь у нея была своя полная жизнь. Аркаша — когда-то большой пріятель брату — думалъ, что Петербургскій литераторъ не станетъ на равную ногу съ провинціаломъ, всѣ мечты котораго ограничиваются тѣмъ, чтобы лѣтъ хоть черезъ пятнадцать дослужиться до директора гимназіи.

Я, не имѣвшая своей личной жизни, кромѣ страданій, — теперь, послѣ болѣзни, уже не жгучихъ, а только скучныхъ страданій, — не могла быть такъ холодна къ свиданію съ братомъ, какъ сестра и Аркаша; но понимала, что я почти чужая его сердцу.

Мы дождались гости. Его наружность, манеры, обращеніе съ нами въ первое время, — все подтверждало мысли, которыми обмѣнивались о немъ мы съ Аркашею и сестрою, которыхъ не могла оспаривать и матушка. Мы даже не думали, что Петербургъ положилъ на него такой рѣзкій отпечатокъ.

Мы увидѣли брата мужчиною худощавымъ, но очень крѣпкимъ. Мы удивились, когда онъ на третій день послѣ пріѣзда, ушедши „погулять“, сталъ рассказывать за обѣдомъ, какъ понравился ему видъ съ Монастырской горы, Соколовой горы — гораздо больше прежняго.

— Гриша, неужели ты ходилъ туда? спросила маменька.

— Да; что жъ, развѣ это далеко?

— Да это значитъ, ты прошелъ верстъ десять.

— Не знаю, мнѣ не показалось далеко, сказалъ онъ, и сталъ рассказывать, что въ Петербургѣ такой моціонъ не считается утомительнымъ. — Въ Петербургѣ все далеко и нельзя баловать себя, какъ въ провинціи, по его словамъ. По его словамъ, въ провинціи люди избалованы.

Въ платьѣ, которое привезъ онъ, не было ничего щегольскаго. Онъ и говорилъ, что не любитъ тратить деньги на платье, и, по его словамъ, вообще въ Петербургѣ нельзя сорить деньгами, какъ дѣлаютъ въ провинціи. Но до сихъ

поръ мы не видѣли вблизи мужчинъ, одѣтыхъ какъ онъ. Костюмъ Лачинова былъ жалокъ передъ его сюртукомъ и пальто, а Лачиновъ одѣвался очень хорошо. По его словамъ, въ Петербургѣ всѣ, у кого нѣтъ богатыхъ родовыхъ имѣній, живутъ бѣдно, а онъ сказалъ, что имѣетъ тысячи двѣ дохода, нѣкоторые его знакомые больше: это мало въ Петербургѣ для одинокаго человѣка.

По его словамъ, надобно было думать, что онъ человѣкъ очень неважный, что свѣтское петербургское общество и недоступно ему, и служить для него предметомъ презрѣнія. А между тѣмъ, когда отецъ спрашивалъ его о чинѣ и официальномъ положеніи людей, о которыхъ упоминалъ онъ, оказывалось, что одинъ его пріятель—статскій совѣтникъ, другой—полковникъ гвардіи. Въ то же время видно было, что всѣ они живутъ очень скромно, едва ли не скромнѣе нашего: квартира брата состояла только изъ двухъ комнатъ; ни у кого изъ его пріятелей не было своей лошади.

Все это было слишкомъ непохоже на привычки и отношенія нашего города. Братъ сталъ чуждъ по жизни не только намъ,—всему, кромѣ своего страннаго Петербурга.

Такъ онъ и держалъ себя съ нами: былъ разговорчивъ, ласковъ; съ матерью даже нѣженъ. Но охотно слушая насъ, охотно рассказывая намъ о Петербургѣ, онъ ничего не говорилъ о себѣ. Не то, чтобъ онъ избѣгалъ отвѣтовъ на распросы отца и матери о его дѣлахъ и образѣ жизни: онъ описалъ и свою квартиру, и то, какъ онъ проводитъ день. Но все это были только подробности о его обстановкѣ, о вѣншей сторонѣ его привычекъ и занятій, то, что могъ бы рассказать его слуга (если бъ у него былъ слуга; но онъ жилъ безъ слуги!). О своихъ радостяхъ и заботахъ онъ ничего не говорилъ, будто чувствуя, что онѣ были бы неинтересны намъ. И правда: даже матушка не замѣчала, что онъ не рассказываетъ ничего изъ того, о чемъ идутъ у него разговоры съ близкими ему людьми—если у него есть близкіе люди.

Это замѣчала только я; потому что у меня одной было на душѣ много невысказаннаго и я желала бы найти человѣка, которому могло бы раскрыться мое бѣдное сердце;—зачѣмъ?—не изъ надежды найти опору себѣ, избавленіе: мнѣ не могло быть избавленія;—только потому, что страдающему хочется высказать передъ кѣмъ нибудь свое горе.

Я впередъ знала, что у брата не будетъ охоты дѣлаться слушателемъ моихъ жалобъ на судьбу; и все таки, хоть я и не надѣялась, я была опечалена, увидѣвъ, что не ошибалась, не надѣясь.

Онъ былъ ласковъ и ко мнѣ, но совершенно холоденъ. При встрѣчѣ нашей онъ замѣтилъ: „хоть я и зналъ, что Лиза была больна всю зиму, но не думалъ найти ее такою исхудалою. А это ты нагала на себя, Лиза, что стала ужасно нехороша лицомъ: напротивъ, даже интересна. Не для того ли и вздумала худѣть, что у васъ, вѣроятно, въ модѣ такія интересныя барышни, — неземныя“, прибавилъ онъ шутя. (Въ самомъ дѣлѣ, послѣ болѣзни я была такъ слаба, что страсти уже замолкли во мнѣ; желтыя и красныя пятна не являлись на лицѣ и кожа стала очень нѣжная).— „Надобно больше ѣсть, Лиза“, продолжалъ онъ, шутя:— „Вы, маменька, мало кормите ее“.—Послѣ этого, мы стали говорить о другихъ.—Потомъ, дня черезъ два, онъ опять сказалъ, что ему непріятно видѣть, что мое здоровье такъ мало поправилось. Маменька сказала, что я давно

такая, и стала рассказывать свой сожалѣнія о моемъ здоровьѣ; я сказала, что я теперь совершенно здорова и что не каждый, кто не толстъ и не румянь, долженъ непременно считаться больнымъ; вотъ, напримѣръ, хоть онъ: очень худощавъ, а мы видимъ, что у него хорошее здоровье. — „Я — другое дѣло, Лиза: я живу въ Петербургѣ“, отвѣчалъ онъ. — „А у васъ всѣ здоровые — толстые, по вашему нельзя не жирѣть“. — Послѣ этого братъ не говорилъ ничего особеннаго ни со мною, ни обо мнѣ. Я и знала впередъ, что будетъ актъ.

Но тогда же, на третій или четвертый день послѣ его приѣзда, былъ разговоръ о немъ самомъ, и слова, которыми онъ покончилъ его, были для меня слишкомъ важны. Я впередъ знала, что мои эгоистическія надежды и дурны, и несбыточны; я и не могла имѣть ихъ; мнѣ казалось, и не имѣла, а послѣ этихъ его словъ, вовсе выкинула ихъ изъ головы.

— А что, Гриша, изъ твоихъ разговоровъ какъ будто видно, что едва ли ты знакомъ съ кѣмъ нибудь изъ семейныхъ людей, сказала матушка.

Что дѣлать — материнское сердце! — ей хотѣлось стороною подойти къ тому, не дастъ ли онъ ей надежду имѣть невѣстку.

— Изъ женатыхъ? — мало; впрочемъ, есть и женатые, сказалъ онъ. Даже знакомъ съ женами двоихъ, — нѣтъ, ошибся, даже троихъ. — Да вы къ чему, маменька? — Онъ засмѣялся. — Не обзавелся ли невѣстою, не скрываю ли отъ васъ такой радости? — Нѣтъ, Богъ миловалъ. Э, маменька, продолжалъ онъ серьезно: — въ Петербургѣ нельзя баловать себя такою роскошью. Я и одинъ-то едва могу жить. Право, и одному-то не очень сытно.

Что жъ было мнѣ мечтать послѣ этого? — Даи прежде я знала, что это невозможно.

Братъ приѣхалъ къ намъ на полтора мѣсяца. Прошло уже съ мѣсяць послѣ его приѣзда.

Однажды, мы пили чай на моемъ балконѣ, вечеромъ. Это было для брата: это напоминало ему Петербургскія дачи. Постепенно, всѣ ушли. Братъ остался со мною одинъ. Онъ читалъ какую-то нѣмецкую книгу. Я вышивала. Стало темнѣть. Братъ оглянулся.

— Испортишь ты глаза съ этими пустяками, Лиза. По крайней мѣрѣ зажги свѣчу. А лучше бросила бы ты свои вышиванья. Больше бы гуляла, — садикъ есть, сидѣла бы да ходила бы тамъ весь день; это было бы полезнѣе для твоего здоровья. А, кстати, объ немъ. Я давно собирался спросить у тебя: отчего ты стала такая хилая? Что за истерики? Откуда ты набралась ихъ?

— Какъ тебѣ сказать, Гриша. Прежде у меня было хорошее здоровье, теперь — плохое.

— Ты меня извинишь: у тебя младшая сестра скоро родитъ, можно говорить съ тобою просто. Въ Петербургѣ я полагалъ: обыкновенная причина, дѣвичество. Приѣхалъ, смотрю на тебя: нѣтъ; какъ всегда была безполое существо, такъ и осталась. Сестра съ мужемъ обнимаются при ней, ей и горя мало. Эта истерика у тебя не отъ дѣвчества: тебѣ, кажется, все равно. Отчего жъ?

Что мнѣ было сказать ему? — „Наружность, въ которую всѣ вѣрятъ, обманчива; я тоже человѣкъ“. — Я и была, и осталась застѣнчива.

— Не шутя спрашиваю тебя, Лиза. Я пробовалъ говорить съ матерью. Она увѣряетъ, что всѣ они любятъ тебя — удивительная новость; что ей тоже жаль тебя и что она плачетъ — удовлетворительное объясненіе. Я вздумалъ спро-

свѣтъ, не ошибаются ли, считая тебя женщиною совершенно холоднаго темперамента; она даже обидѣлась. Можетъ быть, обижаешься и ты: вы здѣсь такія нравственные. Что ты скажешь?

— Я не обижаюсь, Гриша.

— Не отвертывайся. Я спрашиваю, что ты скажешь о причинахъ твоей болѣзни?

— Не все ли равно, Гриша, отчего бы ни происходила она?

— Не все равно. Поживши съ вами, я сталъ думать: не отъ скуки ли это?— У васъ здѣсь порядочному человѣку можно умереть отъ скуки. Такъ, что-ли? Если „да“, поѣдемъ ко мнѣ въ Петербургъ.

Я была ошеломлена этимъ, особенно послѣ тѣхъ его словъ маменькѣ, что ему было бы нечемъ содержать жену.

— Благодарю тебя, Гриша; но тебѣ и одному трудно жить.

— Это правда, что денегъ—въ обрѣзъ; да для тебя-то достанетъ. Да ты почему вздумала о деньгахъ?—потому, что-ли, что я сказалъ тогда, что мнѣ нельзя и думать о женитьбѣ?—Это совсѣмъ другой расчетъ. Берешь жену, то имѣй и средства жить не хуже другихъ: совершенно инныя требованія. Если женатый не живетъ довольно открыто, сейчасъ же начинаютъ третировать его иначе: бѣденъ, нуждается. А при тебѣ я не обязанъ перемѣнить образа жизни: холостой, и живу по холостому. Что для тебя нужно?—Лишняя комната, только. Въмѣсто того, чтобы жить въ *chambres garnies*, обзаведусь при тебѣ своимъ хозяйствомъ и расходы даже сократятся.

— Нѣтъ, Гриша, сказала я и захохотала.

Онъ еще не видывалъ, что такое истерика. Или его не бывало дома, или я успѣвала скрыть, уйти въ садъ; а по ночамъ онъ спалъ, какъ убитый.—Послѣ этого онъ и не сталъ разсуждать со мною, а просто сказалъ матушкѣ, что увезетъ меня съ собою въ Петербургъ. Она была удивлена не меньше, чѣмъ я.

— Теперь я вижу, Гриша, что Петербургъ не такой дурной городъ, не такъ портитъ людей, какъ думаемъ мы, провинціалы, говорила она; а это твоя правда, что здѣсь у насъ ей скучно и что какое же здѣсь общество для нея.

Я хилѣла такъ быстро, что видѣла приближеніе смерти; я уже и была примирена съ мыслью о ней; она казалась неотразима; да и жизнь перестаетъ быть мила, когда страданія слишкомъ тяжелы и неотступны. Я не имѣла отдыха отъ нихъ. Я готовилась умереть и наполовину уже умерла. Все потеряло для меня интересъ.

Мысль о переселеніи въ Петербургъ оживила меня. Я избавлялась отъ адскаго мученія видѣть счастье сестры. Я войду въ общество, совершенно непохожее на то, которое воспитало и погубило меня...

Мнѣ начало казаться, что я становлюсь менѣе хила.

Прощанье съ сестрою, отцомъ, матерью разстроило было меня такъ, что если я и поправлялась послѣ рѣшенія брата, я въ началѣ пути чувствовала себя хуже прежняго. Два дня я пролежала на пароходѣ въ совершенномъ изнуреніи.

На третій день я могла встать и выйти на палубу. Я въ первый разъ увидѣла мѣстность дальше той, которая видна съ моего балкона и сосѣдней площади

Новаго Собора. Мнѣ и странно, и радостно было смотрѣть на пространство; на которомъ нѣтъ ни нашего города, никакого города, ни даже села: широкая рѣка, горы на западъ, степь на востокъ... Свободная природа и я, свободная среди нея...

Это чувство было ново для меня: свобода, свобода...

Когда мы сошли на Тверской пристани, я была уже такая сильная, что, почти не опираясь на руку брата, прошла сотню шаговъ въ гору, до дрожекъ, которыя повезли насъ на желѣзную дорогу.

ХІ.

Петербургъ.

Не знаю, хорошо ли я сдѣлала, что не описала жгучихъ восторговъ, которыми мучилась въ первые два года моей болѣзни, отъ осени 1855 года до того времени, когда изнемогла послѣ свадьбы сестры. Очень можетъ быть, что я сдѣлала дурно, рѣшившись молчать о нихъ. Они послужили бы апологіею для страдалицъ столь же мало, какъ я, виноватыхъ въ болѣзни, которую я рассказываю. Женщины, жизнь которыхъ сложилась лучше или хуже моей тогдашней, и почти всѣ мужчины воображаютъ себѣ эти грезы вовсе не такими, какими бываютъ онѣ у дѣвушекъ, подобныхъ мнѣ. Матеріальная сторона любви была совершенно темна для меня; и все, что могла создавать моя фантазія подъ властью сладострастнаго томленія, состояло въ поцѣлующъ и крѣпкомъ прижатіи груди къ груди. Если бъ я изобразила видѣнія, при которыхъ горѣла огнемъ, они вынудили бы изумленіе своею невинностью. Одно только было нескромно въ моихъ тогдашнихъ пароксизмахъ: жгучее ощущеніе, которымъ сопровождались скромныя ласки. Но чувство это было упоительно страстно и оно давало бы очаровательность, соблазнительность картинамъ, въ которыхъ не было ничего грубаго. Я не буду щадить себя. Но я не хочу возбуждать страстей.

Впрочемъ, ни эти видѣнія, ни сладко-мучительное томленіе, которое вызывало ихъ, не были главнымъ элементомъ болѣзни, разрушавшей меня, и не остались, всегдашнею принадлежностью ея пароксизмовъ. Нѣтъ. Сладострастныя грезы, постоянно усиливавшіяся до той поры, когда я изнемогла послѣ свадьбы сестры, покинули постель полумертвой, и не возвратились, когда я опять поднялась на ноги весною 1858 года.

Мой организмъ былъ совершенно изнуренъ. Я опять сдѣлалась безстрастнымъ существомъ, какимъ была въ мои пражніе, счастливые годы, до начала болѣзни. Разница была одна: въ дѣвятнадцать лѣтъ я не имѣла страстныхъ волненій потому, что мое воображеніе не знало, мое тѣло не требовало физической любви; на двадцать пятomъ году моя фантазія, пресыщенная эротическими картинами, перестала воспроизводить ихъ, потому что уже не получала возбужденія отъ ослабѣвшаго тѣла.

Было время, когда она съ пламенною яркостью рисовала ихъ, потому что кровь горѣла во мнѣ; но никогда она не была виновна въ нихъ: никогда она не предупреждала, не вызывала страстныхъ пароксизмовъ: ея раздраженіе было

только слѣдствіемъ волненія, которое огнемъ охватывало мое тѣло безъ моей воли, безъ участія моей мысли.

Мое бѣдное тѣло было теперь истощено, и сладострастіе исчезло изъ моей фантазіи съ разрушеніемъ здоровья. Но если физическая потребность любви затихла, тѣмъ слышнѣе стало томленіе другой стороны того же чувства. Кровь моя была спокойна, сердце изнывало тоской одиночества.

Я горячо любила моихъ родныхъ; и они любили меня. Но я не была нужна никому изъ нихъ. Для матери я была только одною изъ двухъ дочерей; сынъ, хоть и жившій далеко, былъ ей важнѣе обѣихъ насъ; товарищъ всей ея жизни, старикъ мужъ, былъ товарищемъ всѣхъ ея мыслей. А сестра—что же значила я для нея, счастливой, любящей, молодой жены? — Она и Аркаша любили меня: отецъ и мать больше, чѣмъ любили: я была мила ихъ сердцу; но я не была нужна никому изъ нихъ.

Безразсудныя мысли! — но развѣ я сама не знала, что онѣ безразсудны? — Я не хотѣла имѣть ихъ, и никогда не вѣрила имъ.

Передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, я, тайкомъ отъ нашихъ, была у Левандовскаго. — „Я думаю, докторъ, что и вы, какъ я, ошибались. Братъ угадалъ истинную причину моей болѣзни; это—скука. Я чувствую, что стала поправляться, какъ только онъ сказалъ, что беретъ меня съ собою въ Петербургъ. Я очень скучала здѣсь. Наше общество совершенно незанимательно для меня. Другую причиною было, что мои нервы ужасно раздражались тѣмъ, что живу съ сестрою. Въ Петербургѣ я не буду имѣть передъ глазами ничего, возбуждающаго зависть, и братъ живетъ въ обществѣ, которое состоитъ изъ такихъ людей, какъ вы и онъ, — съ которыми нескучно говорить. Я выздоровлю“.

— Я надѣюсь, что въ Петербургѣ ваши силы нѣсколько возстановятся, сказалъ онъ. — Но не думайте, что вы можете выздоровѣть. Вы могли бы выздоровѣть въ сорокъ пять лѣтъ. Но вы не достигнете этого возраста, если не измѣните вашъ образъ жизни. Новизна обстановки, занимательность общества нѣсколько развлекутъ васъ, уменьшатъ ваше изнуреніе; но это поведетъ лишь къ тому, что ваши страданія опять получатъ прежній характеръ, который отнять у нихъ только совершеннымъ упадкомъ силъ. Это и будетъ идти такими кругами: только мученіе, пока вы изнурена; едва силы сколько нибудь возстановляются, страданія принимаютъ горячій характеръ; онъ усиливается, пока вы опять совершенно изнемогаете. А между тѣмъ, разстройство все увеличивается и эта исторія не можетъ тянуться очень долго. Я не мать вамъ, и не имѣю власти надъ вами; но я предупреждаю васъ: мученія до самой смерти можетъ быть, къ вашему несчастью и не близкой, но неизбѣжно въ молодыхъ лѣтахъ—или слушайте медика.

Я заплакала.

— Докторъ, ваши слова ужасны. Семейство отречется отъ меня, общество будетъ презирать.

— Къ сожалѣнію, я не могу оспаривать ваше мнѣніе объ отношеніяхъ къ обществу и, за одною оговоркою, долженъ сказать, что раздѣляю ваши ожиданія относительно семейства. Но я не имѣю удовольствія знать вашего брата; очень возможно, что онъ не похожъ на вашу матушку. Вы позволите мнѣ видѣться съ нимъ?

— Ни за что! сказала я съ ужасомъ. Лучше умереть.

Я умоляла его, чтобъ онъ не видѣлся съ моимъ братомъ; онъ долженъ былъ дать мнѣ честное слово, потому что пожалѣлъ подвергать меня пароксизму.

Я думаю, что онъ далъ мнѣ слово только, чтобы обмануть меня. Но братъ никогда не говорилъ мнѣ ничего. Братъ не обращалъ вниманія на меня. Онъ не обратилъ вниманія ни на что, никогда... Я думаю, что братъ обманывалъ меня и въ томъ разговорѣ, когда предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ Петербургъ... Братъ былъ добрѣе всехъ ко мнѣ: онъ одинъ спасъ меня и тогда, и послѣ.

Никакой надежды. Смерть или позоръ...

Смерть лучше...

Можетъ быть, я и осталась бы при этой мысли, если бы силы мои не начали восстанавливаться...

Я сказала, что путешествіе по Волгѣ укрѣпило меня до такой степени, что я могла, почти не опираясь на брата, взойти на подъемъ Тверской пристани.

Братъ былъ такъ добръ, что взялъ для меня два мѣста въ вагонъ; поэтому я не была сильно утомлена желѣзною дорогою, и когда мы пріѣхали въ Петербургъ, я сама поднялась по лѣстницѣ цѣлые два этажа; я могла бы взойти и остальную половину, мнѣ только надобно было отдохнуть; но онъ взялъ меня на руки и понесъ, какъ ребенка; онъ очень силенъ; да и я такая худая.

Странное впечатлѣніе произвело на меня общество, съ которымъ я начала знакомиться. Я видѣла почти исключительно мужчинъ. Три молодыя дамы, которыя познакомились со мною черезъ своихъ мужей, знакомыхъ брата, навѣщали меня довольно часто, пока я почти безвыходно сидѣла дома; потомъ и я стала часто бывать у нихъ. Онѣ были очень добрыя и простыя, гораздо проще нашихъ, хотя стояли неизмѣримо выше ихъ по всему. Но ежедневное мое общество составляли пріятели брата, почти все еще молодые люди, и одинокіе люди, какъ мой братъ. Меня удивляли въ нихъ двѣ вещи.

Можно было, кажется, быть знакомой съ ними цѣлые годы и не знать, какого званія кто изъ нихъ, дворянинъ или мѣщанинъ, имѣеть ли довольно богатое помѣстье или учился на мѣдные деньги. Все были какъ будто равны по происхожденію и состоянію. Конечно, разницы по богатству и родству не могутъ быть забываемы въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ имѣютъ важность. Но въ простомъ знакомствѣ онѣ вещь совершенно посторонняя, а отсутствіе празднаго любопытства даетъ обществу простоту и свободу. Еще удивительнѣе для меня было видѣть, что братъ и его близкіе знакомые имѣютъ искреннее расположеніе другъ къ другу; въ ихъ кругу не было ни злословія, ни зависти. Я увидѣла, что въ Петербургѣ люди менѣе мелочны и хитры, нежели въ провинціи. Правда и то, что это былъ избранный кругъ.

Благодаря тому, что я избавилась отъ всякихъ раздражающихъ впечатлѣній и стала имѣть пріятный отдыхъ, силы мои восстанавливались. Къ зимѣ я чувствовала себя уже довольно хорошо. Кромѣ часовъ жестокаго страданія, я уже была только слаба, но могла говорить, думать, интересоваться жизнью, какъ другіе люди.

Сначала вспоминая предсказанія Левандовскаго, я почти пугалась того, что быстро поправляюсь. Но я была не расположена хандрить и постоянно занята. —

Мы перешли жить изъ комнатъ со столомъ и мебелью на отдѣльную квартиру, обзавелись своимъ хозяйствомъ. Оно поглощало у меня очень много времени, потому что я всегда любила заботы о порядкѣ и экономіи. Хорошей хозяйкѣ въ Петербургѣ два ли еще не больше хлопотъ, нежели въ провинціи. — Я много читала, но большей части серьезныя книги. Прежде онѣ почти не доходили до меня. У брата было много ихъ; и очень легко было получать всякія, какія только вздумаешь; а разговоры нашего дружескаго общества возбуждали желаніе узнать что нибудь. — Почти всякій вечеръ у насъ бывалъ кто нибудь: каждый изъ хорошихъ знакомыхъ, если хотѣлось ему отдохнуть, шель поболтать со мною. Я полюбила этихъ простыхъ и честныхъ людей, они меня. — Я не скучала; а настроеніе моихъ мыслей было такое холодное, что я все рѣже и рѣже смущалась предсказаніемъ Левандовскаго и постепенно увѣрилась въ спокойствіи моего будущаго. Зимой я была ужъ очень довольна своимъ здоровьемъ. Сравнительно съ другими, я, конечно, была очень плоха; а припадки истеріи продолжали часто терзать мои бѣдные нервы. Но послѣ прежняго постояннаго страданія, что значило для меня помучиться нѣсколько часовъ разъ или два въ недѣлю? — а все остальное время я была очень удовлетворительна для самой себя и дѣлалась все удовлетворительнѣе. А между тѣмъ въ моихъ пароксизмахъ не было ничего, кромѣ простой боли; и кровь, и мысли оставались совершенно холодны. Медики напрасно приписываютъ себѣ всезнаніе, стала думать я: — остаюсь и останусь чужда прежнимъ волненіямъ.

Пришло лѣто 1859 года...

— Позвольте, я ошибся: это зачеркнуто, сказалъ Благодатскій, перевертывая страницу: что такое? Дальше бѣлые листы: повѣсть не кончена.

— Не кончена, сказала хозяйка.

— А скоро обѣщанъ конецъ? спросилъ опять Благодатскій.

— Она не хочетъ дописывать, сказала хозяйка.

— Гдѣ она живетъ? — Я съѣзжу къ ней, попрошу дописать: эта повѣсть годится для наполненія книжки за недостаткомъ лучшаго.

— Да мужъ говорилъ ей, что нельзя напечатать безъ конца. Она не согласилась дописать.

— Теперь вѣрю, что авторъ женщина, сказалъ Онуфріевъ: начало безъ конца, и хочетъ, чтобы напечатали.

— Не ей, а мнѣ хочется, чтобъ это напечатали: она очень понравилась мнѣ. Она и за это боится, что назовутъ безнравственнымъ, а дальше писать — никакъ не рѣшается. — Послушайте, Онуфріевъ, будьте милый: прибавьте окончаніе. Вы написали романы, которые всѣ хвалятъ.

Онуфріевъ засмѣялся. — Я не умѣю писать чужихъ повѣстей, Софья Васильевна.

— Ну, вотъ. Пожалуйста. Когда я прошу васъ.

— Не могу, Софья Васильевна; потому что не умѣлъ бы продолжать такъ разсудительна и хозяйственно. Любовь, увлеченіе, поэзія — этимъ извиняются ошибки женщины; но тутъ нѣтъ ничего подобнаго. Болѣзнъ и предписаніе медика не даютъ нравственнаго оправданія развязкѣ, которую легко предвидѣть.

— Я не думала, что вы такой моралистъ, Онуфріевъ. Если вы такъ строгъ, зачѣмъ же вы пишете романы? Пишите проповѣди.

— Нравственность можетъ быть забываема для поэзіи. Но я сказалъ: здѣсь нѣтъ поэзіи, потому нѣтъ извиненія.

Хозяйка перемѣнила разговоръ. Она была, очевидно, въ неудовольствіи на Онуфріева и сдѣлалась очень суха съ нимъ. Потомъ стала говорить исключительно съ кузиною и сестрою. Благодатскій всталъ и пошелъ въ кабинетъ. Черезъ нѣсколько времени Онуфрѣвъ послѣдовалъ его примѣру.—Тогда Благодатскій возвратился.

— Благодатскій, зачѣмъ вы расхваливали его послѣдній романъ?—Я читала: скучно. Я думала: вѣрно, не понимаю. Но вотъ я поговорила съ нимъ и вижу: онъ глупъ. Вы виноваты, Благодатскій: зачѣмъ хвалили его, и ввели меня въ такую ошибку. Начать читать при немъ, и просить, чтобъ онъ дописалъ. — За это вы должны самъ дописать.

— Извините, Софья Васильевна. Только я не умѣю придумывать ни происшествій, ни лицъ. Вы скажите мнѣ, что написать, я и напишу.

— Хорошо. Я все знаю, что дальше.

— Но прежде дочитаемъ, что тутъ зачеркнуто: еще довольно много.

— Тутъ о дуетѣ; я сказала бы это въ двухъ словахъ, а у ней длинно. Но все равно, пожалуй, читайте.

Благодатскій опять раскрылъ тетрадь и сталъ читать:

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Пришло лѣто 1859 года. Мы жили на дачѣ. Я была уже такъ сильна, что могла полчаса гулять по парку, не очень уставая.

Мы составляли маленькую колонію: черезъ нѣсколько дачъ отъ насъ поселился Озерецкій; еще одною дачею дальше Аносовъ. Это были товарищи брата по занятіямъ, самые короткіе наши пріятели; я очень любила ихъ обоихъ.—Теперь, на половину дней, они обѣдали у насъ.

Рядомъ съ нами была богатая дача. Въ семействѣ, занимавшемъ ее, было три дѣвушки, всѣ три хорошія музыкантши. Онѣ очень много пѣли и играли, даже и въ то время, когда бывали однѣ. Но рѣшительно каждый вечеръ у нихъ собирались гости и по вечерамъ уже непремѣнно бывала музыка. Это было очень пріятное для меня сосѣдство. Но случалось, они и надобѣдали мнѣ своею музыкою. Не всегда же бываетъ охота слушать ее, какъ бы ни любишь.

Однажды я читала послѣ обѣда. На сосѣдней дачѣ началась музыка. Старшая изъ сестеръ пѣла дуэтъ съ однимъ изъ постоянныхъ своихъ гостей, котораго называли ея женихомъ. Мнѣ хотѣлось читать, они развлекали меня. Я немножко посердилась на нихъ, и вздумала, что все къ лучшему: безъ нихъ я потеряла бы въ комнатѣ прекрасный вечеръ: пойду въ паркъ.

Я прошла съ версту, устала и сѣла на скамью отдохнуть. Сидѣла, думала, задумывалась и загрустила... Не въ первый и не въ десятый разъ я слышала съ сосѣдней дачи дуэты, тріо, и никогда мои молодыя сосѣдки и ихъ женихи или поклонники не заставляли меня вспоминать, что и я женщина...

И теперь, когда я шла по парку, когда садилась на скамью, я думала о вещахъ, вовсе не романическихъ. Братъ съ утра отправился въ городъ, смо-

трѣтъ квартиры. Завтра мы съ нимъ поѣдемъ взглянуть, понравится ли и мнѣ та, которую онъ выберетъ. Кстати, я заѣду въ Гостинный Дворъ сдѣлать маленькія покупки. Только ли маленькія?—Есть одна очень мудреная. Аносовъ, обѣдавшій нынѣ со мною, просилъ, когда поѣду въ городъ, купить чего нибудь рублей на тридцать: онъ хочетъ послать небольшой подарокъ своей матери.— „Чего же купить?“— „Сама вздумайте, Лизавета Арсеньевна: чѣмъ ей лучше угодишь“.— „Чѣмъ же?“— „Вы скажите“.— „Вы знаете ее по моимъ рассказамъ, вы лучше придумаете“.— „Вотъ люди. Всегда хотять сваливать отвѣтъ на чужія плечи. Не понравится ей, тогда я виновата“.— „А какъ же иначе жить на свѣтѣ, Лизавета Арсеньевна?“— „Чтожь купить ей? Разумѣется на платье“.— „Купите на платье, если вамъ такъ угодно: я не отвѣчаю“.— „На платье. Но чего же?“— „Чего хотите“ и отказался говорить.— „Что я выберу ей? Купить ли шелковой матеріи на одно платье или, лучше, два шерстяныя?—Съ этими мыслями я сѣла на скамью и продолжала думать. Я вспоминала, что слышала отъ Аносова о вкусахъ его матери;—ничего; о ея привычкахъ, ея характерѣ?—очень много;—вспоминая, вспоминая, я нашла черту, которая рѣшила мой выборъ. Ей пятьдесятъ пять лѣтъ, но она еще свѣжая, моложавая женщина и не потеряла охоты наряжаться. Поэтому, безъ малѣйшаго сомнѣнія, лучше послать ей шелковую матерію и даже не темнаго цвѣта; сѣренкій или голубой больше понравится ей... Пятьдесятъ пять лѣтъ и еще свѣжая, почти молодая женщина... А я?—прошла версту и сажусь отдыхать... Здоровье, здоровье! Гдѣ мое здоровье?...

— Продолжайте теперь, Софья Васильевна, что она говорила вамъ дальше, сказалъ Благодатскій, положивъ тетрадь.

— Она стала грустить о своемъ потерянномъ здоровьѣ, вспоминать, какъ проходила ея бѣдная жизнь: ни одной своей радости. Такъ ли живутъ другія? Ей стало думаться, какъ весело идетъ жизнь ея сосѣдокъ: видно, что всѣ три заинтересованы къмъ нибудь, любятъ, любимы. А она, бѣдная?—Ей сдѣбалось такъ грустно, что она стала плакать. Очень много плакала; почувствовала, что съ нею начинается истерика. Пошла поскорѣе домой. И возобновилось то, что предсказывалъ ей Левандовскій.

Но—продолжала хозяйка пересказывать слова новой знакомой, которая понравилась ей:—но, говоритъ она, эти грезы ея очень разнились отъ прежнихъ, какія были во время свадьбы ея сестры. Тогда ей было некого представлять себѣ въ своихъ больныхъ мечтахъ; ей грезилося не то, что знакомые люди, а какъ это называется, Благодатскій?—фантомы?—Богъ знаетъ какое лицо и довольно неопредѣленныя черты. Разумѣется, кого жь бы она тогда стала представлять себѣ? Этого Аркаша, какъ она зоветъ его, былъ ей все равно, что братъ и, кромѣ того, женихъ ея сестры, а изъ остальныхъ никто не нравился ей: все пошлые, съ дурными манерами, необразованные, глупые, противные. А теперь, ей сталъ грезиться Озерецкій.

Если бы вы знали, какъ мнѣ было стыдно, что я думаю объ Озерецкомъ, горюитъ она. Лучше бы думать обо всякомъ другомъ. Какъ же, Благодатскій, не такъ?—Должно быть, правда. Какія же были между ними отношенія? Самыя дружескія, безцеремонныя; все равно, какъ будто они родные. Мнѣ было ужасно

совѣстно передъ собою, что и дружба къ нему не отгоняетъ у меня такихъ мыслей о немъ, говоритъ она: и хоть бы когда-нибудь прежде онъ сказалъ мнѣ какую-нибудь любезность!—О ней самой, разумѣется, нечего и говорить, Благодатскій. А тутъ, вотъ что!—Мнѣ, говоритъ, казалось, будто я измѣняю ему, предательница: онъ думаетъ о ней такъ хорошо, а она видитъ его въ своихъ мечтахъ.

Но, говоритъ она, я долго скрывала; а онъ ничего и не предполагалъ. Еще бы, Благодатскій!—когда она была такая солидная и они были между собою хороши, вотъ какъ мы съ вами! Въ самомъ дѣлѣ, вообразите, что я стала бы мечтать о васъ, или вы обо мнѣ—хорошо бы это было? Да и могло бы, напримѣръ, прійти вамъ въ голову, если бы я... да нѣтъ, нѣтъ, я не гожусь въ примѣръ: я не такая,—а вотъ, Леночка вдругъ стала бы мечтать о васъ,—каково бъ это было?—и могло ли бы это прійти вамъ въ голову?

А между тѣмъ, это продолжалось и все усиливалось. Наконецъ, ей стало думать: не выдержу я этого; скоро опять свалюсь, какъ въ тотъ разъ. А тогда она передъ тѣмъ, какъ слегла, была очень сильная, крѣпкая; теперь какая жъ сила была у нея, когда она должна была садиться отдыхать, прошедши версту?—Она стала думать: въ этотъ разъ я не перенесу. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ жъ бы перенести, когда едва перенесла и тогда? Она стала думать: за что жъ я умру?—Разумѣется, не хотѣлось умирать. Все плакала, а это еще больше разстраивало ее, припадки дѣлались чаще, сильнѣе. По цѣлымъ днямъ терпѣла адское мученье.

Но, говоритъ, все таки у меня было твердое рѣшеніе: лучше умру.

Знаете, Благодатскій, она, точно, вовсе не красавица, но лицо очень милое. Я спрашивала ее: а въ этотъ разъ вы не подурнѣли, какъ тогда?—Она ничего не говоритъ. Но, конечно, отчего жъ ей было подурнѣть въ этотъ разъ? Тогда у нея была сила; поэтому были и красныя пятна на лицѣ. А тутъ, какія ужъ пятна!—Я думаю, была блѣдная и очень интересная.

Такъ она все и думала: лучше умру. А братъ и всѣ ничего не предполагали. Только видѣли, что она стала очень больная и хилая. Знаете, когда братъ пожилъ съ нею годъ и увидѣлъ, какая она всегда солидная и холодная, то совершенно повѣрилъ словамъ матери, что она больна вовсе не отъ той причины, которую онъ полагалъ сначала, когда не видѣлъ ея. Онъ совершенно не догадывался и говорилъ ей: „удивительно, какъ любишь ты своихъ. Ты хилѣешь оттого, что соскучилась о матери, сестрѣ. Надолго я не отпущу тебя къ нимъ, потому что у нихъ опять одолѣетъ тебя тоска. Но съѣзди на мѣсяцъ, когда установится зимняя дорога“. Онъ говорилъ о зимней дорогѣ потому, что была уже осень, когда стали замѣчать, что мое здоровье опять становится хуже.—Видите, если онъ прежде и думалъ чтонибудь, то, проживши съ нею, бросилъ и воображать, что у нея могутъ быть другія чувства, кромѣ привязанности къ роднымъ. Такая солидная и прекрасная была она, или прозаическая, по выраженію вашего Онуфріева. Я не прошу вамъ, Благодатскій, что вы такъ расхвалили его романъ и наведи этимъ меня на мысль начать читать, когда онъ пріѣхалъ: будто онъ съумѣлъ бы, еслибъ и согласился, досказать какъ слѣдуетъ, когда такъ глупъ?

— Но его романъ хорошъ, сказалъ Благодатскій.

— Никогда не стану вѣрить вамъ. Я читала: страшная скука. Думала: не понимаю.

— Чѣмъ бранить! Благодатскаго, лучше досказывай, сказала сестра хозяйки.

— Нельзя не бранить его, Леночка. — Я сказала, какъ разсуждалъ ее братъ. А она — чтожь оставалось ей? — она думала, придетъ зима, поѣду къ роднымъ; только не за тѣмъ, чтобы вернуться въ Петербургъ. Мнѣ ужъ недолго жить. Тамъ, по крайней мѣрѣ, нельзя мнѣ будетъ мучиться тою мыслью, что могу спастись, если захочу. Это все же легче, когда иѣтъ и возможности имѣть другія мысли, кромѣ тѣхъ, какія должно имѣть, и когда чувствуешь, что погибаешь не отъ своей воли. — И правда: тамъ ей было бы не о комъ думать и легче было бы умирать. А она видѣла, что ей надо ждать смерти. Въ тотъ разъ, когда она лежала зиму послѣ свадьбы сестры, съ нею не бывало, чтобы разстройство доходило до этихъ припадковъ, которые похожи на летаргію, — знаете, когда больная лежитъ какъ будто уснувши отъ хлороформа и не чувствуетъ боли, хоть рѣжьте, хоть жгите; какъ это называется, Благодатскій? — она сказывала, да я забыла.

— Катаlepsія.

— Такъ. Прежде, даже и въ самое время кризиса, у ней не бывало катаlepsіи, а теперь она еще ходила, не слегла, а ужъ бывала катаlepsія. Что жъ будетъ, когда въ этотъ разъ болѣзнь дойдетъ до полной силы? Понятно, тутъ нечего было ей надѣяться, что перенесетъ. А пока припадокъ истерики доходитъ до этой катаlepsіи, сколько надобно выстрадать! — Какова должна быть боль, чтобы довести до такого онѣмѣнія.

Разумѣется, грезы, какъ она ихъ называетъ, не могли быть очень горячи при такомъ страданіи. Онѣ стали бывать у нея съ лѣта, какъ она и сказала тамъ, въ концѣ; но, говорить она, онѣ были слабы, если сравнить ихъ съ прежними, какія бывали передъ свадьбой сестры; и сначала, съ лѣта, до половины осени, усиливались понемножку, а потомъ стали ослабѣвать, между тѣмъ, какъ припадки дѣлались все жесточе. Видно, что у нея, бѣдняжки, силы было ужъ очень мало. Куда тутъ горѣтъ да пылатъ! — не съ чего.

Но, говорить она, чѣмъ меньше я становилась подвержена страстному чувству, тѣмъ больше думала о своемъ образѣ жизни; и уже совершенно хладнокровно, разсудительно. Не хотѣлось умирать. Но, говорить, все стыдилась того, что противъ воли жалѣю о жизни, что противъ воли мнѣ хочется быть здоровою. Такая бѣдная она, все осуждала себя. Поэтому-то, главнымъ образомъ, она и не хочетъ продолжать то, что начала писать; говорить: „пришлось бы писать эти мысли, а я боюсь, что онѣ нехорошія“. Если бы вы посмотрѣли на нее, Благодатскій, она понравилась бы и вамъ. Вы знаете, я терпѣть не могу ученыхъ дамъ или барышень. А она мнѣ понравилась: простая.

— Но вы будете знакомы съ нею; познакомлюсь и я.

— Должно быть, что буду. А, впрочемъ, не знаю: что мнѣ съ нею дѣлать? — слишкомъ смирна. Положимъ, она мнѣ нравится; но она не пара мнѣ. Познакомьтесь вы самъ: будете разсуждать о своихъ разныхъ „вопросахъ“, какъ вы ихъ называете. Вотъ, когда допишете, повезите ей корректуры.

— Хорошо. Досказывайте же.

Хозяйка продолжала.

Когда она, бѣдная, думала о томъ, что не хочется ей умирать, она тоже, какъ и въ грезахъ, которыхъ у нея почти ужъ и не было, думала объ Озерец-

комъ. Но это вовсе не было похоже на то, чтобъ она была хоть сколько нибудь влюблена въ него: помилуйте, у нея вовсе не такой характеръ, чтобы сходить съ ума. А онъ нехорошъ собою и не нравился ей лицомъ. А главное, у нихъ ужъ давно были такія отношенія, что и очень глупы были бы какіе нибудь романтизмы: свой человекъ, она держать себя съ нимъ запросто: какія тутъ влюбленности? — все равно, вотъ какъ мы съ вами. — Почему-жь, я говорю, вы думали о немъ, когда онъ не нравился вамъ лицомъ? — „Не знаю“, говорить, „почему; развѣ только потому, что онъ былъ очень добрый и скромный, очень тихій“. — Я думаю, Благодатскій, что именно поэтому: очень смиренный. Да еще бъ онъ не былъ скромный, когда она всегда держала себя строго и холодно, а онъ былъ совѣмъ юноша: двадцать три года, тремя годами моложе ея. Не то, что сказать ей какой нибудь комплиментъ, онъ даже побаивался ея. Впрочемъ, Благодатскій, хоть онъ и былъ очень смиренный, но вовсе не глупый: напротивъ. И занимался. Былъ учитель не знаю гдѣ-то и ему хотѣлось получить мѣсто въ какомъ нибудь университетѣ. Выдержалъ экзаменъ; какой это? магистерскій? — да, такъ. Узналъ въ ту осень, что есть вакансія въ Кіевѣ или тамъ гдѣ-то, не помню, и подалъ просьбу.

Такъ вотъ, Благодатскій, она все и думала: лучше умру. А братъ ничего не замѣчалъ, а Озерецкій тѣмъ меньше.

Только однажды, — это было ужъ поздно осенью — сидитъ она и думаетъ: зачѣмъ я страдаю? зачѣмъ я умру? Не отъ меня ли зависить? Кому будетъ вредъ? — Нѣтъ, лучше умру. Ей думалось это особенно сильно, потому что ночью былъ съ нею ужасный припадокъ и безъ всякихъ грезъ — куда ужъ! — и къ утру едѣлась — какъ вы назвали? — каталепсія? — да, такъ. Разумѣется, братъ возился съ нею; къ обѣду прошло. Вотъ, послѣ обѣда, она сидитъ и думаетъ. Въ это время входитъ Озерецкій. — „А что, Лизавета Арсеньевна, не сказывалъ вамъ Григорій Арсеньичъ“ — это ея братъ, вы помните — „не сказывалъ вамъ Григорій Арсеньичъ, скоро онъ пріѣдетъ домой?“ — Кухарка, когда отворяла ему, сказала, что Григорія Арсеньича нѣтъ дома. — Она отвѣчаетъ, что братъ сказалъ: „если не вернусь въ восемь часовъ, значитъ, проѣхалъ къ Иванову“, или Федорову какому нибудь, къ какому-то ихъ знакомому, — „и оттуда проѣду ужъ прямо къ Аносову, не заѣзжая домой“. — Вы помните, Аносовъ — это другой самый близкій ихъ пріятель. У Аносова въ тотъ вечеръ должны были собраться знакомые. — Озерецкій посмотрѣлъ на часы и говоритъ: „Ужъ семь. Я подожду его, Лизавета Арсеньевна, потому что мнѣ надобно видѣть его. А къ Аносову не поѣду: у него засидишься до трехъ часовъ, а у меня завтра урокъ въ девять, надо встать въ седьмомъ, пересмотрѣть ученическія тетради, самому немножко приготовить. Если не дождусь теперь, то ужъ нечего дѣлать, зайду завтра. А надобно бы видѣть нынѣ. Подожду“. — Она почувствовала какъ будто испугъ и въ то время, какъ только услышала его голосъ въ передней, а при этихъ словахъ: „я подожду здѣсь“ она затосковала. Но что жъ отвѣчать? Не показать же, что ей страшно. Да она и была увѣрена въ себѣ. Онъ, разумѣется, ничего не замѣчаетъ: чего замѣчать? Сколько вечеровъ онъ сидѣлъ съ нею. Начинаютъ говорить; ея страхъ сталъ вовсе проходить. Думаетъ: какъ не стыдно было испугаться за себя? Будто въ самомъ дѣлѣ я безразсудная и не могу владѣть собою? — Вдругъ, входитъ кухарка, — а у нихъ вся прислуга была одна кухарка: ихъ

только двое съ братомъ; и притомъ же, она сама и пыль смететь вездѣ, и окна вытреть; она даже находила удовольствіе въ этомъ: привыкла, да и отъ природы заботливая о порядкѣ, хлопотунья. — Вотъ, я говорю, они сидятъ себѣ, и она было успокоилась, но входитъ кухарка: „Лизавета Арсеньевна, я поставила самоваръ; прикажите подать, хоть немножко и рано, и отпустили бы меня, я попросилась бы у васъ: кума именинница, звала“. — Тутъ она опять встревожилась. Но какъ и отказать? — Всегда отпускала по вечерамъ безъ огорокъ: почему же не хочеть теперь? Что подумаютъ? — „Бойтся“. Но все таки чувствуетъ, что лучше не отпускать: слишкомъ страшно ей за себя. Сказала: „нѣтъ, подождемъ брата пить чай, и не уходи“. Кухарка приучена не къ тому, пристаеть: милая барышня, добрая барышня, отпустите! — И Озерецкій тоже: „Что это, какая немилостивая вы, Лизавета Арсеньевна? — Если пріѣдетъ Григорій Арсеньичъ, то не въ первый разъ ему будетъ самому принести самоваръ на столъ, а не пріѣдетъ, я принесу. Отпустите ее“. — Она и побоялась не согласиться: знаете, когда мысли смущены, то человѣкъ все опасается, какъ бы не подать повода къ подозрѣнію. И опять ей стало стыдно за себя: что это будто у нея нѣтъ характера? Чего она тревожится? — „Хорошо, иди“, и встала, чтобы запереть кухонную дверь за нею. — Озерецкій говоритъ: „Позвольте, Лизавета Арсеньевна, чтожь вамъ беспокоиться? Я могу пойти, запереть; слава Богу, не гость“ и пошелъ выпустить кухарку. Когда щелкнулъ ключъ, въ груди у бѣдненькой стукнуло и будто охватило ее огнемъ, но тотчасъ же она подумала: „что это, даже смѣшно такъ опасаться за себя“. — Онъ вернулся, проводивши кухарку; разумѣется, ничего не замѣчаетъ: помилуйте, съ чего жъ бы ему вообразилось? — разговариваютъ; она стала опять ободряться, думать: какъ не стыдно мнѣ быть неувѣренной въ себя? — но вотъ: разъ, два, три... бьютъ часы; какъ зазвенѣло это: разъ!.. ее бросило въ тоску, въ ужасъ: она знаетъ, это восемь часовъ! — братъ не пріѣдетъ! — А Озерецкій: „Григорій Арсеньичъ, должно быть, не пріѣдетъ. — Да что это, Лизавета Арсеньевна, какъ вы стали хила? Вздрогнули и поблѣднѣли оттого, что бьютъ часы! Когда жъ это бывало съ вами?“ — и начинаетъ жалѣть о ней, спрашивать не имѣеть ли она какихъ нибудь огорченій, что опять разстраивается ея здоровье, которое начинало поправляться; упрекаетъ ея брата, зачѣмъ онъ не убѣждаетъ ее посоветоваться съ медиками; все говоритъ о ея болѣзни, и не воображая, въ чемъ ея болѣзнь, и отчего: помилуйте, кто же не видѣлъ, какая она холодная, какъ она благоразумна? — Она слушаетъ, старается отклонить его отъ этихъ распросовъ и сожалѣній, — онъ, конечно, не понимаетъ ничего и все толкуеть свое; говорить съ искреннимъ участіемъ; а у нея, бѣдняжки, тоскуеть сердце, онъ не даетъ ей отвлечься отъ мысли: „умру; зачѣмъ? кому былъ бы вредъ?“ — и его участіе трогаеть ее... готова расплакаться; но знаетъ, что это не годится для нея: доведеть до истерики, тогда разсудокъ можетъ измѣнить. Остается совершенно тверда: „лучше умру!“ — „Взгляните, пожалуйста, Павелъ Ивановичъ, что съ нашимъ самоваромъ? — если не погасъ, несите: будемъ пить чай; я чувствую себя нѣсколько усталою, и хочу поскорѣе уснуть“. — Онъ говоритъ, что если она утомлена, то и надобно пораньше лечь спать. Ушелъ въ кухню; возится съ самоваромъ, — вошелъ, смѣется: „не браните меня, что я буду хлопотать съ нимъ долго: онъ совѣмъ погасъ, а я давно не ставилъ, раз-

учился“. Опять ушелъ въ кухню, возится тамъ, и довольно долго: разумѣтся, не умѣть. Она сидитъ одна; сначала еще довольно умна, но чѣмъ дольше остается одна, тѣмъ печальнѣе становится, бѣдная: не хочется умирать; навертываются слезы. — Слышитъ: онъ несетъ самоваръ на столъ въ залъ, отпираетъ буфетъ, вынимаетъ чашки, чайницу, все это; разумѣтся, свой. А она сидитъ въ комнатѣ у себя, думаетъ: „онъ уйдетъ, я должна буду умереть“, и заплакала. — Но отерла слезы, пошла въ залъ къ нему. — Пьютъ чай и говорятъ. Онъ выпилъ одинъ стаканъ, всталъ: „Прощайте, Лизавета Арсеньевна“. — Она рада, что онъ уходитъ; подала ему руку: „прощайте, Павелъ Ивановичъ“, но зарыдала и бросилась въ свою комнату. Онъ пошелъ за нею: „Что такое съ вами, Лизавета Арсеньевна? Вамъ дурно?“ — „Нѣтъ, это ничего“, говоритъ она: — „Не тревожьтесь, Павелъ Ивановичъ; идите; я лягу и засну“. — „Помилуйте, Лизавета Арсеньевна, какъ же я брошу васъ одну? Вы ужъ и прежде говорили, что чувствуете себя нехорошо“. — Она и хочетъ перестать плакать, но не можетъ; а все только говоритъ: „Не тревожьтесь, это ничего; пожалуйста, уйдите, оставьте меня одну: не бойтесь“. — „Вы говорите, Лизавета Арсеньевна, что хотите прилечь, чтобы заснуть; это дѣйствительно лучше всего. Но бросить васъ одну я боюсь. И опять же, придетъ кухарка, вамъ надобно будетъ проснуться, впустить ее. Зачѣмъ же такъ? Я уйду въ кабинетъ Григорія Арсеньича, подожду, пока онъ придетъ, буду читать. А вы почивайте. Совѣмъ уйти не могу: нельзя бросить васъ одну“. — Конечно, онъ не могъ послушаться: какъ бросить ее? — Ушелъ въ кабинетъ брата. — Чѣмъ дольше, тѣмъ тоскливѣе мучить ее жалость о жизни. Но все тверда. Думаетъ: „умру; умру; за что, зачѣмъ умирать? кому же будетъ вредъ? — Нѣтъ, лучше умру! — Бьетъ десять часовъ, она все плачетъ, плачетъ: лучше умру! Если бы поскорѣ вернулась кухарка! лучше умру! — Грудь у нея начинаетъ надрываться; она прижимаетъ къ губамъ платокъ, чтобы не было слышно Озерецкому, но иногда уже не можетъ она удержать грудь, чтобы не всхлипывать. — Видитъ, что съ нею начинается дѣлаться дурно, что скоро начнетъ стонать. — „Если бы скорѣ вернулась кухарка! Лучше умру! — успокоюсь и пойду скажу ему, что прошло, пусть уйдетъ“. — Но посмотрѣла въ зеркало, нельзя идти къ нему: щеки, всегда блѣдныя, стали румяныя, оттого, что много плакала; и не можетъ отнять платокъ отъ губъ: какъ переводить духъ, такъ и слышно стонъ, потому что грудь сильно ломить. — „Лучше буду ждать, пока придетъ кухарка; теперь ужъ скоро она должна прийти“. — А сама зажимаетъ губы платкомъ, чтобы не слышно было какъ стонетъ: „она придетъ, а я должна умереть!“ — „Она скоро придетъ, и я должна умереть!“ — и неостало у нея силы, вырвался стонъ. Она страшно испугалась: „онъ услышалъ, онъ идетъ!“ — бросилась къ своей двери запереться, а онъ въ эту минуту уже входитъ, и она упала ему на шею: „умру! умру! лучше умереть!“ а сама обняла его и цѣлуетъ, и все плачетъ: „уйдите, оставьте меня! Лучше умереть! — стонетъ, обнимаетъ, душитъ его: „умру! умру!“

Знаете, Благодатскій, онъ былъ юноша; а она интересная, миленькая. Сама не помнить, что дѣлаетъ, рыдаетъ и жметъ къ его груди, цѣлуетъ, вся горитъ. И у него мысли спутались.

И она, и онъ опомнились уже отъ страшнаго стука въ дверь. Оба совершенно растерялись. Онъ побѣжалъ въ кухню, отворить. Кухарка входитъ встревоженная: „Что такое, батюшка Павелъ Ивановичъ? Не дурно ли съ Лизаветою

Арсеньевною? Я звонила, вопила, не дозвонилась, оборвала звонокъ. — „Да, съ Лизаветою Арсеньевною дурно; иди скорѣе къ ней, ухаживать за нею;“ — совсѣмъ потерялъ соображеніе: прибѣжалъ изъ кухни въ залъ, схватилъ свою шляпу и ушелъ. — Кухарка входитъ къ ней, спрашиваетъ, что такое было съ нею, не такъ ли же дурно, какъ вчера, бранить себя за то, что уходила. — Она сказала, что теперь ничего, и отослала, кухарку спать.

Оставшись одна, она все плакала, но тихо, спокойно; и заснула со слезами. Во снѣ ей представлялись ея родные: сестра, отецъ, особенно мать. Сестра и отецъ говорили: „мы никакъ не ожидали, чтобъ она стала такая дурная“; когда она входила, они отвертывались отъ нея. Мать говорила: „Ты не дочь мнѣ. Мы всѣ отрекаемся отъ тебя“. Она бросилась на колѣна, умоляла простить. Мать прогнала ее.

Но поутру она умѣла казаться совершенно спокойною передъ братомъ. Онъ, разумѣется, и не воображалъ ничего. Пили чай, говорили какъ обыкновенно. Въ это время звонокъ. Входитъ кухарка, подаетъ брату письмо. Онъ взглянулъ на адресъ: „Отъ Озерецкаго.“ — Пробѣжавши письмо, подаль ей. Озерецкій просилъ его сказать ей, что проситъ ея руки. Она отдала мнѣ это письмо. Когда будете печатать, возьмете его у меня, — прибавила хозяйка Благодатскому.

Вотъ письмо Озерецкаго:

„Вы должны были давно видѣть, какъ сильно расположенъ я къ Лизаветѣ Арсеньевнѣ. Вчера я прѣзжалъ за тѣмъ, чтобы сказать ей это, — и не сказалъ. И теперь не рѣшаюсь, не умѣю писать прямо къ ней. Будьте вы, Григорій Арсеньевичъ, моимъ адвокатомъ передъ нею. П. Озерецкій.

— Я думаю, что очень мало такихъ благородныхъ людей, какъ Озерецкій, замѣтила сестра хозяйки.

Когда она прочла письмо, — продолжала хозяйка свой рассказъ, — братъ говорить ей: „Это правда; онъ всегда былъ расположенъ къ тебѣ; такъ что я, хоть вовсе и не ждалъ этого, но нисколько не удивленъ.“ — „И я тоже не удивлена“, говорить она брату: — „Я напишу ему, что онъ дѣлаетъ совершенно юношескую глупость. Наниши и ты, что я нисколько не сержусь, и чтобъ онъ не вздумалъ огорчаться“. — Она отдала мнѣ и свое письмо къ нему, — прибавила хозяйка Благодатскому: — Вы возьмете, когда будете печатать.

Вотъ ея отвѣтъ Озерецкому:

„Благодарю васъ, добрый Павелъ Ивановичъ. Но мнѣ двадцать седьмой годъ, вамъ — двадцать четвертый. И была ли у васъ когда нибудь мысль жениться на мнѣ? — Я не такая злая, чтобы согласилась губить васъ.

„Я очень страдала, добрый Павелъ Ивановичъ, и должна была ждать смерти. Поэтому вы не осудите меня за то, что мнѣ часто приходили мысли, которыхъ я сама стыдилась. Я думала: зачѣмъ терпѣть такія мученія? и за что я умру? Не должна ли я переимѣнить образъ жизни? — Но я никогда не хотѣла. Лучше я хотѣла умереть. И сама не знаю, рада ли я, или опечалена, что измѣнила своему рѣшенію.

„Вы никогда не нравились мнѣ. Да и давно прошла для меня пора влюбляться. Но вы были самымъ близкимъ другомъ моего брата; и вы знаете, что я имѣла очень большое расположеніе къ вамъ. Поэтому, когда овладѣвали мною большыя мысли, я думала о васъ. О васъ я думала и тогда, когда спокойно раз-

суждала, что переменна образа жизни избавить меня отъ мученій и отвратить смерть. Но я никогда не думала о замужествѣ: у меня не такое дурное сердце, чтобъ я могла хотѣть портить чужую жизнь для спасенія своей.

„Я понимала, что, при невозможности замужества, переменна образа жизни ведетъ за собою много горькаго, обиднаго. Но на это была моя воля. Или, если не моя воля, то все же я сама подвергла себя судьбѣ, которой боялась. Вы тутъ не виноваты, и я не могу допустить, чтобы совѣсть упрекала меня въ эгоизмѣ. Всякія другія неприятности гораздо легче для меня, нежели дурное мнѣніе о собственномъ сердцѣ“.

— Она и благородная, и умная дѣвушка, — сказала сестра хозяйки: — онъ сталъ бы раскаиваться. Нѣтъ ничего хуже неблагоразумнаго замужества.

Она взяла письмо брата, вложила въ свое, послала, — продолжала хозяйка свой разказъ. — Само собою, и братъ разсудилъ, что она поступила умно, отказавши Озерецкому; это было тѣмъ легче для брата, что онъ все еще и не воображалъ ничего. Въ самомъ дѣлѣ, чему тутъ было удивляться, что юноша имѣлъ глупость влюбиться въ дѣвушку, съ которою очень друженъ? Брату казалось даже, что если-бъ онъ вздумалъ замѣчать прежде, то давно видѣлъ бы, что Озерецкій влюбленъ въ его сестру. — Братъ уѣхалъ по дѣламъ; потомъ они обѣдали; по-прежнему ничего особеннаго въ мысляхъ брата. Послѣ обѣда она ушла въ свою комнату; братъ, какъ обыкновенно, сталъ работать. Черезъ часъ она слышитъ, братъ идетъ къ ней: „Лиза, я ухожу; къ чаю ворочусь“. — Хорошо. Пріѣхалъ; пили чай; ничего со стороны брата. Рано поутру на другой день кухарка будитъ ее: „Лизавета Арсеньевна, братецъ проситъ васъ встать“. — Что такое? Тутъ она встревожилась. Идетъ къ брату: „Что ты, Гриша, велѣлъ разбудить меня?“ — Онъ, противъ обыкновенія, поцѣловалъ ее, и говоритъ: „Я вздумалъ переменить квартиру, Лиза; и ужъ нанялъ. Сейчасъ пріѣдутъ извозчики. Укладывайся къ перевозкѣ“. — Тутъ она поняла, что онъ знаетъ; заплакала, бѣдняжка. Но онъ принялъ недовольный видъ и сухо говоритъ: „Тамъ у насъ будетъ другая кухарка; эту я отпущу. Пока еще ничего не говорилъ ей, а тебѣ тѣмъ меньше надобности говорить съ нею. Я скажу ей, когда поѣдемъ на ту квартиру“. — Она опять заплакала, но не можетъ ничего сказать ему. — „Лучше укладывай-ка вещи, Лиза“, тоже сухо сказалъ братъ. Послѣ этого у нихъ не было никакого разговора. — Разумѣется, кухарка догадалась тогда, увидѣвши Озерецкаго такимъ растерявшимся, и донесла брату, когда онъ послѣ обѣда оставался одинъ.

— Я думаю, что не очень много на свѣтѣ такихъ благородныхъ братьевъ, замѣтила сестра хозяйки.

— Вотъ вамъ и вся исторія, Благодатскій, — сказала хозяйка. — Теперь можно будетъ напечатать, если вы принижете къ ея повѣсти то, что я разсказала?

— Можно.

— Ну, я очень рада. А взгляните, сколько часовъ: нельзя ли подать закуску; этотъ вашъ Онуфриевъ, — ахъ, какой болванъ! — Я думаю, надоѣлъ мужу. Да и некогда мужу говорить съ дураками.

— Одиннадцать, сказалъ Благодатскій.

— Рано; но все равно, чтобъ избавить мужа отъ него. Идемъ.

Всѣ трое пошли въ столовую готовить, или помогать готовить закуску.

— Да, мы совсѣмъ и забыли, Благодатскій: у ея повѣсти нѣтъ заглавія; надо придумать.

— Ты говоришь, она скромная, смиренная,—сказала сестра хозяйки: поэтому не назвать ли повѣсть: „Тихій голосъ?“

— Назовемъ, сказала хозяйка.—Нравится вамъ, Благодатскій?

— Ничего, годится.

— Я могу полюбопытствовать и спросить: чѣмъ будетъ кончатся рассказъ, который остался не дописанъ авторомъ?—обратился Онуфриевъ къ хозяйкѣ, когда они закусывали.

— Я не умѣю говорить поэтически, сказала хозяйка.

— Развязка—та самая, какую вы предвидѣли, сказалъ Благодатскій: Эта бѣдная дѣвушка наконецъ утомилась мученіемъ и, подъ вліяніемъ страха приближавшейся смерти, перемѣнила образъ жизни.

— Она выдержала характеръ? бросилась въ объятія мужчины не по увлеченію, а отъ физическаго страданія и страха смерти?—сказалъ Онуфриевъ:—прекрасный мотивъ! онъ совершенно оправдываетъ ее.

— Я не знаю, передъ кѣмъ ей оправдываться,—сказалъ Благодатскій:—передъ вами? Но если не ошибаюсь, она не имѣла счастья имѣть васъ ни отцомъ, ни мужемъ.

— Это софизмъ. Если я высказываю мнѣніе, то не какъ отдѣльное лицо, а какъ представитель общественной нравственности. Но далѣе?—Вѣроятно моральная идиллія: медицинское требованіе узаконено свадьбою? Или плачь о томъ, что общество имѣетъ слишкомъ мало снисходительности, а мужчины слишкомъ мало расположенія жениться?

— Если-бъ я и вы не были здѣсь гостями, я сказалъ бы то, что печаталь много разъ; но не желаю дѣлать неудовольствія хозяевамъ, прошу васъ перечитать страницы мои о морали, которая господствуетъ у писателей съ ретроградными тенденціями.

— Вы причисляете меня къ нимъ?—Но кто же хвалилъ мой романъ?

— Не въ первый и не въ послѣдній разъ я выставляю въ произведеніяхъ нашей литературы мысли, которыхъ не было въ головахъ авторовъ. Что-же дѣлать?—обязанность критики—объяснять произведеніе людямъ, которые не понимаютъ его, и не вина критика, если въ число этихъ людей попадаетъ иногда и авторъ. Не каждый умѣетъ написать то, что хочетъ; иной, напримѣръ, восхищается лежаніемъ на боку; разберешь его панегирикъ заспанному лѣнливцу, и публика, и самъ онъ увидятъ, что тунеядство и сонъ не особенная добродѣтель; довольно этого; критикъ не обязанъ угощать публику своими соображеніями о лицѣ автора и домашними дразнами о томъ, что авторъ не понималъ смысла картинъ, которыя изображалъ ¹⁾).

— Вы напрасно свели вопросъ на личныя отношенія. Я всегда скажу, что мой романъ обязанъ вашему разбору частью своего успѣха. Я вовсе не хотѣлъ

¹⁾ Въ рукописи авторомъ сдѣлано слѣдующее примѣчаніе:

«Само собою, это мѣсто, относящееся къ Обломову и статьѣ Добролюбова о немъ, должно выбросить, если авторъ Обломова ведетъ себя честно».

входить въ отвлеченные вопросы, я хотѣлъ только узнать, чѣмъ же кончается разсказъ, начало котораго вы читали при мнѣ?

— Если такъ, то можно было спросить иначе.

— Увѣряю васъ, вы напрасно увидѣли въ моихъ словахъ насмѣшку. — Итакъ, эта дѣвушка перемѣнила образъ жизни, по вашему выраженію; что было дальше?

— Дѣвушка разсудительная, она не могла ввѣрить свою репутацію человѣку нечестному. Онъ и поступилъ, какъ честный человѣкъ. Совершенно неожиданно для себя ставши ея любовникомъ, онъ сдѣлалъ ей предложеніе. Они и прежде уважали другъ друга, были короткими знакомыми. Но все-таки она имѣла благородство и благоразуміе отвѣчать ему, что не можетъ связывать его: онъ былъ моложе ея.

— Далѣе?

— Что было дальше, я не знаю. Безъ сомнѣнія, продолжались отношенія, въ которыя неожиданно сталъ онъ къ ней. Такъ? — прибавилъ Благодатскій, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Да, сказала она.

— Этотъ молодой человѣкъ искалъ мѣста въ провинціи, продолжалъ Благодатскій: — вѣроятно, получилъ и уѣхалъ, — и не ѣхать же было ей съ нимъ; или если онъ и остался въ Петербургѣ, вѣроятно, черезъ нѣсколько времени влюбился въ дѣвушку, которая болѣе пара ему по лѣтамъ; въ томъ и другомъ случаѣ лицо, жизнь котораго разсказывается авторомъ повѣсти, должно было разстаться съ этимъ молодымъ человѣкомъ; какъ это было на самомъ дѣлѣ? — опять обратился Благодатскій къ хозяйкѣ: — Озерекій уѣхалъ или женился?

— Черезъ полгода онъ уѣхалъ, сказала хозяйка.

— Надобно думать, что они были уже довольно сильно привязаны другъ къ другу, — продолжалъ Благодатскій предположенія, выходящія изъ характеровъ лицъ, о которыхъ пришлось ему писать: — вѣроятно, Озерекій снова упрашивалъ ее согласиться на замужество; если такъ, она опять не согласилась.

— Такъ; онъ возобновлялъ свое предложеніе, сказала хозяйка: — она по-прежнему отвѣчала: я не хочу разстраивать вашу жизнь; вы скоро раскаялись бы; мы не пара по лѣтамъ.

— Вѣроятно, эта твердость была довольно мучительна для нея, сказалъ Благодатскій.

— Да; ей было очень грустно разставаться съ нимъ, отвѣчала хозяйка.

— Я думаю, что было бы странно съ ея стороны возвращаться навсегда къ прежнему, гибельному для нея образу жизни, — продолжалъ Благодатскій: — Вѣроятно, она возвращалась къ нему, держалась его, пока не почувствовала опять, что ея здоровье разстраивается; увидѣвъ это, она, послѣ нѣкотораго колебанія, вѣроятно, вступила въ новыя отношенія. — Такъ?

— Такъ; въ это время ужъ самъ братъ говорилъ ей: „да что, Лиза, нечего тебѣ беречь свою репутацію; а на меня ты всегда можешь надѣяться, что я не дамъ роднымъ приставать къ тебѣ съ увѣщаніями, если-бы слухи дошли до нашего гнѣзда“. — Разумѣется, и нельзя стало скрывать отъ нихъ, потому что у нея родился ребенокъ. Братъ, когда писалъ имъ объ этомъ, прибавилъ рѣшительнымъ тономъ, что хоть это и несогласно съ ихъ нравами, но онъ проситъ ихъ не выражать ей своихъ мнѣній, а только продолжать любить ее по-прежнему. —

Отецъ, и, я думаю, особенно мать, были, вѣроятно, возмущены; но ссориться съ сыномъ не захотѣли.—Потомъ братъ ея вздумалъ жениться. Дѣвушка, на которой онъ женился, была хорошая. Но родные невѣсты—дрянь, хоть и важные, и воображаютъ себя умными: я знаю ихъ, порядочная гадость. Лизавета Арсеньевна замѣтила, что они косятся на нее...

— Они все равно косились бы на сестру жениха, если были пошлы, хотя бы она имѣла самую святую репутацію, замѣтилъ Благодатскій.

— Разумѣется, сказала сестра хозяйки:—Когда же дрянные родные невѣсты не смотрятъ косо на всѣхъ родныхъ жениха?—Но вы, м-г Онуфриевъ, совершенно напрасно смотрите на меня, если не косо, то подозрительно: повѣсть не мною написана; есть очень простая причина, по которой она не можетъ и относиться ко мнѣ: я вышла замужъ семнадцати лѣтъ.

— Когда Лизавета Арсеньевна замѣтила, что родные невѣсты брата дурно расположены къ ней, продолжала хозяйка:—она сказала брату, что будетъ жить отдѣльно, и прожила одна больше года. Братъ помогалъ; кромѣ того, нашелъ ей работу: перевести какую-то книгу съ французскаго. Поэтому, она жила безъ большой нужды; конечно, очень бѣдно, потому что у брата не было много денегъ. Потомъ, когда братъ хорошо обжился съ женою, и молодая женщина стала совершенно порядочною и неглупою, то стала сама звать Лизавету Арсеньевну жить у нихъ.—Черезъ нѣсколько времени Лизавета Арсеньевна вмѣстѣ съ ними ѣздила къ своимъ роднымъ. Отецъ и сестра, особенно мать, сначала нѣсколько дичились ея; скоро это прошло, потому что они видѣли, какъ дружна съ нею молодая жена ея брата.

— Потомъ?—спросилъ Онуфриевъ.

Хозяйка не отвѣчала.

— Потомъ ничего особеннаго не было, разумѣется, сказалъ Благодатскій:—Развѣ то, что, можетъ быть, у нея родился еще ребенокъ.

— Но, по крайней мѣрѣ, вы не выставите ея исторію за примѣръ для подражанія? сказалъ Онуфриевъ.

— Также мало, какъ и вашу жизнь, м-г Онуфриевъ, сказала сестра хозяйки:—если не ошибаюсь, вы не женатъ?

— Мужчина—другое дѣло, сказалъ Онуфриевъ.

— Я не сомнѣваюсь, сказала сестра хозяйки.

— Не смѣйте надъ моими словами: то, что прощается обществомъ мужчинъ, не прощается дѣвушкамъ.

— Я именно съ этимъ и согласилась, сказала сестра хозяйки:—Поэтому, вмѣстѣ съ вами, я готова задушить всякую дѣвушку, которая позволяеть себѣ имѣть отношенія, хотя бы въ тысячу разъ болѣе скромныя и благородныя, чѣмъ ваши.

— Но не сами ли женщины первыя осуждаютъ это въ дѣвушкахъ?

— Если есть на свѣтѣ сплетницы, это плохое извиненіе для сплетниковъ. Мы, женщины, учимся по вашимъ книгамъ; вы законодатели нравственности. Но знаете ли, что скажу я вамъ по секрету?—Кто сочиняетъ нравственность для другихъ, а не для себя, тотъ сочиняетъ плохую нравственность.

— Вы приписываете мнѣ такое мнѣніе, котораго я не высказывалъ. Я не

осуждаю эту дѣвушку. Я хотѣлъ только замѣтить, что не слѣдуетъ выставять ея судьбу, какъ нѣчто заманчивое.

— Не встрѣтить жениха, за котораго можно бы выйти—это ли очень завидно?—прострадать лучшіе годы молодости—это ли завидно? Съ чего же вы могли взять, что кто нибудь станетъ думать: вотъ какъ надобно жить всѣмъ?

— Вы опять не такъ поняли мою мысль...

— Мы съ тобою, душенька, такъ глупы, что не можемъ понимать, сказала хозяйка, обращаясь къ сестрѣ:—Поэтому намъ слѣдуетъ молчать, какъ я и сдѣлала. И ты напрасно говорила.

— Обращаюсь къ вамъ,—сказалъ Онуфріевъ Благодатскому:— Вы можете проповѣдывать какія угодно теоріи; но женились ли бы вы на дѣвушкѣ, у которой двое дѣтей?

— Если не ошибаюсь, то вы могли бы не забыть, что первый ребенокъ родился у нея много лѣтъ послѣ того, какъ она отказалась отъ всякой мысли о замужествѣ, сказалъ Благодатскій:—Тутъ вопросъ не въ замужествѣ и не въ мнѣніи нравственныхъ людей, каковы мы съ вами, тутъ вопросъ гораздо поважнѣе всякой морализаціи: какъ прокормить дѣтей?—Вотъ почему жизнь, которую приняла Лизавета Арсеньевна, не можетъ служить примѣромъ для большинства несчастныхъ, какою была она: у нея была твердая поддержка въ братѣ.

— Я согласенъ съ этимъ, сказалъ Онуфріевъ:—Я именно это и желалъ замѣтить, когда Софья Васильевна перервала меня. Поэтому Лизавета Арсеньевна—исключеніе, которое не должно быть выставляемо въ видѣ примѣра для другихъ.

— Жѣнщина, у которой нѣтъ независимаго состоянія и нѣтъ ни одного умнаго человѣка въ числѣ близкихъ родныхъ, конечно можетъ только жалѣть о томъ, что у нея нѣтъ опоры въ жизни, сказалъ Благодатскій:—Но разсудительность и твердость характера—условія еще болѣе важныя для счастья жизни женщины ли, мужчины ли, дѣвушки ли, вдовы ли. Кто имѣетъ твердый характеръ, не пропадетъ.

Я совершенно согласенъ съ вами; я хотѣлъ сказать и это, когда Софья Васильевна перервала меня, сказалъ Онуфріевъ:—Я не такой ретроградъ, какимъ почли меня вы, Софья Васильевна.

— Очень рада, сказала хозяйка.—Другъ мой, тебѣ еще много работы къ завтра?—продолжала она, обращаясь къ мужу.

Онуфріевъ взялся за шляпу. Хозяинъ проводилъ его и пошелъ опять въ свой кабинетъ.

Благодатскій, простившись съ хозяйкою и ея сестрою, пошелъ къ нему.—Вотъ у насъ и есть повѣсть на слѣдующую книжку.

— Прекрасно, сказалъ хозяинъ.

Н. МАВРИКІЕВЪ ¹⁾.

¹⁾ Этимъ псевдонимомъ подписана рукопись.